

Ирина Атнаева

КАЛЕНДАРЬ
с
КАРТИНКАМИ

Повесть о русской Америке

Ирина Атнаева

**Календарь с картинками.
Повесть о русской Америке**

«Издательские решения»

Атнаева И.

Календарь с картинками. Повесть о русской Америке /
И. Атнаева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839074-6

Анна и Андрей уезжают в Америку, уверенные, что главное — попасть в обетованную страну... Но Америка не спешит раскрыть объятия новоприбывшим нелегалам, жизнь оборачивается чередой трудностей и разочарований. Бесправное положение и безденежье, измена и отчаяние, безработица и семейные неурядицы, новые знакомства и новые недруги, увлечение церковью, русской диаспорой и крах идеалов, и в довершение всего — тяжелая болезнь. Невольно возникает вопрос: стоило ли за всем этим уезжать из родного дома?

ISBN 978-5-44-839074-6

© Атнаева И.

© Издательские решения

Содержание

Заглавная страница. Осенний день	6
Переезд. 1992	13
Дом Митрохиных. 1993	19
1993. Тревоги и радости	40
Большой город. 1994	53
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Календарь с картинками Повесть о русской Америке

Ирина Атнаева

© Ирина Атнаева, 2017

ISBN 978-5-4483-9074-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается моей дочери

Заглавная страница. Осенний день

Приятный не по-нашему молодой человек в окошке улыбнулся и сказал: – О'кей, приходите в три часа за паспортом.

Анна растерялась, боясь поверить услышанному. Как – неужели вот сейчас, так обыденно и просто, без фанфар и литавр, незримо для людного зала произошло настоящее чудо? Или она что—то не так поняла? Сдерживая подступающую радость, Анна вопросительно уставилась на молодого клерка, который совершенно буднично склонился над бумагами. Тот внимательно заново просмотрел документы, протянул Анне заполненный бланк, снова приятно улыбнулся – так улыбаются только приглянувшимся женщинам, и повторил медленно, как будто это для Анны русский язык был неродным: – В три часа после полудня приходите получать паспорт. Всего вам хорошего.

Странное на слух «после полудня» вернули Анне чувство реальности. Она благодарно заулыбалась в ответ, но запоздала, – клерк уже равнодушно смотрел мимо нее, ожидая следующего из очереди.

Дальше – провал в памяти, похожий на волшебный обморок. Разум затмило ощущение чистого абсолютного счастья и подавило собой все другие чувства, мысли, даже действия. Она шла (куда?) по улице и колокольчики радостно звенели в голове в такт шагам, и не было никаких мыслей и желаний – только четкое осознание, что она сейчас самый счастливый человек во вселенной. Остальное все казалось мелким, ненужным и неважным – мир состоял из радости и благодарности: к чудному провидению, к Богу – не может быть такой справедливости без него, к тому приятному клерку...

Даже странно, что еще сегодня утром мир казался недружелюбным и мрачным. Анна ехала в переполненном метро, с тоской смотрела на свое отражение в темном окне и лихорадочно перебирала варианты: как бы убедить «их», чтобы ей дали визу. Ведь от этого зависела вся их дальнейшая (счастливая, – без сомнения) семейная жизнь. Противно ныло под подложечкой, Анна трусила, – до тошноты и дрожи в коленях, и со страхом ожидала, что вот-вот объявят «Следующая станция – Баррикадная»...

Весь их авантурный замысел с переселением в Америку висел на волоске до сегодняшнего дня. Андрей уже пять месяцев был в Калифорнии. Он жил в русской семье, ухаживал за больным хозяином дома. Вернее, семья была американская, но с русскими корнями и уцелевшим в общении русским языком. Андрей писал письма – телефона у Анны не было, писал часто и, несмотря на непреходящий восторг от страны, заметно скучал по ней и по маленькой Соне. И явно тяготился неприятной работой. Он старался не жаловаться, описывал свой день с юмором, но Анна знала, что он страдает от своего зависимого положения и ждет ее с надеждой, что она придет – и все изменится, и он будет искать настоящую работу. Ну, и главное – пора уже было подавать документы на green card, а без нее и Сони он не мог. В последнем письме Андрей, чтобы подбодрить жену и себя, упомянул с гордостью, что начал прицениваться к подержанным машинам.

Друзья, – те, что вытащили его в Америку, нашли семью американцев, которые согласились сделать гостевое приглашение для них с Соней. Потом ждали оказию, чтобы переправить приглашение в Россию. И вот сегодня был решающий этап их плана, который давно перестал быть милой бесшабашной авантюшкой, а обрел статус чуть ли не самого главного в жизни. И зависел он сегодня только от Анны – у нее не было права провалить их большое дело. Всего то ей нужно было убедить «их», что она не останется в Америке, что она действительно хочет прокатиться (с какого жиру?) на другой конец земли, чтобы повидать семью Джонсонов. Да

еще не одна, а с четырехлетней дочуркой. Которая вообще не понимает, куда делся их славный папа и в чем разница между Коломной и Америкой.

До последнего момента, когда уже подходила ее очередь, Анна не знала, о чем ей говорить, какие найти убедительные аргументы, чтобы ее выделили из толпы подобных ей просителей, и именно ей разрешили бы выезд. И только когда уже шла к окошку и увидела глаза ожидающего ее клерка, она вдруг почувствовала: все должно сложиться хорошо. И она уверенно, как на ответственном экзамене, начала говорить о себе, о семье Джонсонов, пригласивших ее, как они познакомились, и почему те хотят видеть ее с дочкой. По большому счету, она не врала, – она просто рассказывала случайному человеку красивую историю двух заокеанских семей, которая действительно имела место где—то на земле, но, увы, не в ее реальности. Обыкновенная, слегка наивная житейская история оказалась совершенно правдивой и близкой для американца, так, что он почти не задавал вопросов. А то, что по услышанной где—то информации она упомянула Greenpeace и, заодно – о болезни дочери, Анна, сама того не ведая, попала в самую точку. Подсознательно, на уровне интуиции ей удалось нащупать верный ключ к сердцу молодого человека; Анна не могла знать в тот момент, что для обычного американца так много значат всяческие добровольные организации, а личная трагедия в виде больного ребенка вызывает сострадание даже у равнодушных клерков.

И вот, главное желаемое совершилось – она сделала невозможное. Теперь нет никаких преград для новой чудесной жизни в новой чудесной стране. Да, оставалось впереди много организационных дел с билетами, квартирой, деньгами и прочим житейским, но об этом еще не пришло время думать; Анна хотела, чтобы сегодня день был только для радости. Ей даже не хотелось эту радость с кем—то делить, да и делить было не с кем: до Андрея сейчас не дозвониться, Соня слишком мала. Все остальные в счет не шли: близким и любящим было жалко, что она уезжает – по бабьему выражению мамы «неведомо куда», всем остальным было в лучшем случае не до нее.

Она шла от улицы к улице, не замечая ни пасмурного дня, ни хмурых прохожих; оставалась вместе с толпой на перекрестках и шла, когда и они шли. Ей чудилось, что она уже начала отслаивается от привычной толпы, от улиц и домов, от любимого когда—то большого города. Что у нее своя, особенная от всех судьба, и с сияющих вершин своей исключительности она великодушно взирала на толпу незнакомых прохожих, даже на тех – откровенно хамовитых и злобных ее представителей, кого всегда с избытком в общественных местах и кто обычно вызывал в ней напряженный дискомфорт. Внезапно появилось своего рода сочувствие к спешащим по своим делам людям – мелким и обыкновенным, не сумевшим заглянуть выше планки повседневных нужд, – ну что же, каждому «по потребностям». Анна не была ни глупой, ни самовлюбленной, она просто до сих пор верила, что ей уготовлена жизнь непростая, большая и богатая событиями. Впрочем, кто не мечтает по молодости о своем особенном «большом» пути, тем более такие, как Анна – умненькие девочки, выросшие в самодостаточной идеологии, куда мастерски запихнули романтические иллюзии русских классиков и героически активную позицию «строителя коммунизма».

До трех часов еще оставалось много времени. Анна постепенно стала приходить в себя. Подумала, что пора бы позвонить Оле, ведь та определенно ждет ее звонка. Но автоматов не попадалось. День был холодный, и ноги в легких туфлях не по сезону стали мерзнуть. Анна поняла, что она устала и хочет есть, – впервые за все время она посмотрела на часы, была половина первого. «После полудня» подумала она и улыбнулась. Нужно было где—то поесть. Анна оглянулась по сторонам и с удивлением обнаружила, что она уже давно идет по Калининскому проспекту. Хоженьный сотни раз, знакомый до мелочей и, увы, до понимания, что поесть, особенно в это время дня, просто негде. Впрочем, как и во всей Москве в последние годы.

Анна зашла в Универсам в надежде там купить хотя бы немного сыра. Но большой торговый зал оказался скорее похожий на вокзал, а не на продуктовый магазин. Половина прилавков были безлюдны, – на полках по всей высоте монументально возвышались непонятного происхождения консервы и большие стеклянные банки с соленными кабачками, и другие банки с мутно рыжим соком. Даже продавщиц не было в этих отделах, – видимо, не возникало предположения, что кому—то придет в голову нарушить незыблимость монумента.

Зато другая часть залы бурлила и извивалась длинными очередями. Как раз в отделе «Сыры» помимо плавленых брикетиков в блестящих обертках сегодня торговали настоящим сыром, из разряда «российско – пошехонского». Очередь за ним была бесконечная и злая, – продавщица уже объявила, что завоз небольшой и всем может не хватить. Еще дальше, там где написано было «Колбасы», колбасы не было, но толпа уже стояла: прошел слух, что колбасу то ли везут, то ли уже разгружают. Анна поняла, что зря она зашла сюда, – надо же быть такой наивной, чтобы понадеяться купить себе граммов двести сыра. Хорошо еще, что от остервеневшего до оскомины вида пустых прилавков, хамливых продавцов и потерявших человеческий облик толпы у нее не испортилось настроение... Нет, радость все так же была в ней, несмотря на голод и неудобства.

Анна вышла из душного зала на улицу. Слегка распогодилось, но ноги все равно тут же замерзли. Тут Анна увидела прямо напротив через улицу ряд автоматов. Но еще раньше боковым зрением она заметила торговую палатку, из тех, что в последнее время росли, как на дрожжах. Она подошла поближе. В палатке был привычный набор заокеанских деликатесов: сигареты, жевательная резинка, Кока-кола в больших пластиковых бутылках, еще такие же бутылки с оранжевой и светло—зелеными напитками, пиво в банках. И еще – голубенькие батончики, похоже, шоколадные. Над ними висел ценник, на котором значилось: «Шоколадный бар Баунти. Цена 35 руб». Цена была, конечно, издевательски высокая, и в другое время Анна бы ни за что не раскошелилась на такое баловство, даже для Сони. Но ей срочно нужно было что—нибудь поесть, – Анна чувствовала, как от голода начинает кружиться голова.

Посреди всего своего заморского богатства сидела королевой крашенная продавщица. Анна хотела спросить у нее, что там внутри у этого бара. Но, увидев презрительно оценивающий взгляд продавщицы, спросить не смогла. Она просто протянула тридцать пять рублей и сказала – получилось просительно: «Мне, пожалуйста, вот тот шоколад». Она запоздало в уме обругала себя за заискивающий тон и за «пожалуйста». Вот ведь, уже дожила до тридцати, а так и не научилась вести себя с достоинством с такого типа людьми. Надменная продавщица оторвала себя от трона, со скучающим видом взяла деньги и бросила на прилавок синенький батончик. Невольно вспомнилось крылатое выражением о ненавязчивости советского сервиса, только теперь уже российского.

Она постеснялась тут же, на виду у продавщицы, есть; только отойдя на безопасное расстояние, разорвала обертку. И увидела, что там даже не цельный батончик, а две овальные шоколадные конфеты. Она с любопытством откусила одну, – внутри оказалось что—то необычное – белое и слегка волокнистое. Было сладко и вкусно, Анна почувствовала себя виноватой перед Соней за такую роскошь. Она засунула в рот остатки и расправила фантик. Единственное, что она смогла прочесть, было: «Product of USA». Получилось как—будто знаменательно: даже конфета напоминает ей о сегодняшнем событии, а то она из—за продавщицы уже отвлеклась на серую прозу жизни.

Анна перешла по подземному переходу на другую сторону проспекта, дождалась свободной кабинки и набрала номер Колешко. Услышав знакомый голос в трубке, уловила напряженные нотки, поэтому быстро проговорила: – Оля, это я – Анна. Представляешь, мне дали визу! И даже долго не мучали. В три часа получу паспорт.

В ответ услышала: – Привет, привет, – Оля оказалась в благодушном настроении, что в последнее время случалось не часто. – Вот и чудненько, представляю, как братец обраду-

ется, – и тут же отвлеклась на детский плач. – Анна, прости, Кирюха сегодня сам не свой, маленький тиран – совсем меня измучил. Приедешь, поговорим. Во сколько ты получишь паспорт, в три? Как удачно, забери, пожалуйста, Лиду из продленки, а то Дима опять задержится. Договорились? Ну, все, жду.

Анна уступила будку нетерпеливому молодому человеку. Она и не ожидала от колючей Оли большего соучастия, – какая разница, сегодня, сейчас – только о хорошем, – пусть радость побудет с ней подольше... Она медленно пошла назад по проспекту, уже замечая все по сторонам, как бы стараясь навсегда запомнить знакомые места – может, не зря говорят о пресловутой ностальгии?

Лида училась во втором классе в одной из первых гимназий в Москве, открытой еще в советское время. Гимназия, с углубленным подходом к английскому языку и математике, находилась недалеко от дома, на Полянке, что придавало ей дополнительную ценность. Детей туда принимали по строгому отборочному конкурсу, и Анна хорошо помнила, как два года назад Колешко нервничали из-за этой школы, родителям нужно было, чтобы их дочь училась именно в ней. Хорошо, что Лида оказалась достаточно сообразительной, – генетика не подвела, и оказалась в числе избранных, – Оля тяжело переживала неудачные исходы великих замыслов.

Когда Анна зашла в продленную группу, Лида сидела за столом боком к двери. Услышав тихое «Лида», она повернулась к Анне, и бледное личико девочки просияло от радости. Анна даже успела подумать: «Ну, вот, еще один человек сегодня порадует жизни». И тут же невольно, по укоренившейся привычке, подумала, что Лида чересчур доверчива и бесхитростна, – на мгновение от жалости защемило в сердце. В тайне от всех Анна с обостренным чувством справедливости сопереживала девочке, которой, по признанию самой Оли, не досталось слепой материнской любви. В свое время Лида оказалась недостающим звеном в одном из масштабных свершений мамы: еще будучи студенткой Оля решила подвести отношения с обаятельным преподавателем в завершительную фазу и родить ребенка. Но, вскоре Оля перекинулась на другой проект, – ей наскучила роль молодой хозяйки, и она, с присущей ей самоотдачей, надумала догнать мужа в научной карьере. Потому Лидочку с младенчества отправляли погостить к бабушке в Коломну. Первые несколько лет, почти до рождения Сони, Анна с Андреем жили у свекрови и успели привязаться к смышленной и тихой девочке. Особенно Анна, – что-то в Лиде проступало узнаваемое, – как будто именно они и были изначально кровными родственниками.

Они шли домой – два счастливых на сегодня человека; Анна крепко держала Лиду за руку, а под ногами шелестела примятая осенняя листва. Анна начала было расспрашивать Лиду о школьных делах, но ответы пропускала мимо ушей, потом неловко перебила девочку и начала единственно важный для нее сейчас разговор.

– Ты знаешь, я сегодня получила визу в Америку, так что мы с Соней скоро полетим в Калифорнию.

– А Калифорния – это тоже Америка? – подумав, спросила Лида.

– Да, один из штатов, поэтому Америка называется США, значит Соединенные Штаты Америки, то есть в одной стране соединены 50 штатов.

– А главный штат – Нью-Йорк?

– Нет, там нет главных штатов, там все равны. Есть большие и есть маленькие.

– А Калифорния большой штат?

– Не знаю точно, вроде бы большой, и там Тихий океан. И еще там не бывает зимы.

– Как не бывает зимы? Не бывает снега? Совсем-совсем? И что же там люди делают зимой?

Тут Лида даже приостановилась, озадаченная, немножко помолчала, а потом, согласуясь со своими мыслями, спросила Анну: – А там, в Калифорнии, тоже живут негры?

Анна не пыталась понять логику девочки и потому согласно кивнула:

– Да, кажется, в Америке во всех штатах живут негры.

И в Нью-Йорке? Но там же зимой холодно? – удивилась Лида.

– Значит, зимой они надевают теплую одежду.

Лида, похоже, перепутала Америку с Африкой и совсем запуталась, поэтому опять замолчала. И, вдруг, серьезно, «по-взрослому» выдала, волнуясь:

– А Людмила Семеновна сказала, что все, кто уезжают из нашей страны – они не любят Родину, и что они предатели. Лида замолчала в замешательстве, она сама испугалась обвинительных слов.

Анна поморщилась от услышанного. В устах маленькой девочки такой псевдопатриотический бред звучал особенно отвратительно. Она подумала, что, пожалуй, в нашей стране вырастить нормальный генофонд еще долго не получится при засилии таких людмил семеновных (О необходимости достойного генофонда не раз говорили в «умной компании» у Оли). «Наверняка, учительница», – подумала Анна с горечью, но вслух спокойным голосом произнесла:

– Я думаю, что Людмила Семеновна имела в виду что-то другое. На самом деле люди не перестают любить страну и людей, даже если они с ними расстаются. Ты же не думаешь, что я перестану любить маму, бабушку и тебя, если я уеду в Калифорнию, правда?

– Конечно, нет, – уверенно ответила Лида.

– И ты меня тоже будешь любить?

– Я тебя всегда буду любить, – торжественно, по детски, заверила Лида.

– Вот так же и с Родиной. Я тоже буду помнить и любить Россию: Москву, Коломну, все: реки, небо, деревья, дома, людей.

– Но почему ты тогда уезжаешь?

– Мне хочется увидеть других людей, пожить среди них, узнать их; хочется увидеть океан, другие деревья, другие дома, другой мир. Ведь люди всегда покидали свои дома и так открывали новые места, селились в них; так появились новые народы, новые страны. Представь, что и Америки когда-то не было, да что там Америки – России тоже не было.

– Как это России не было? – удивилась Лида: – Я знаю, что Колумб открыл Америку, но Россию никто не открывал, она всегда была.

– Лида, поверь мне, когда-то не было Москвы, да и России как страны тоже не было, жили тут разные народы, с разными языками, друг с другом почти не общались, прошло много времени, пока они соединились в страну, которую мы называем Россией. А ведь в России много нерусских людей, тех, кто в разное время приехал из других земель, из других стран. И их никто не называл предателями, их называли путешественниками и первопоселенцами.

Лида теперь надолго задумалась, переваривая детским умом услышанную информацию. Анне стало неловко перед Лидой, за то, что она, вслед за душой учительницей вносит смуту в прелестную головку девочки, подсознательно защищая свою позицию в щекотливом вопросе. Потому она нарочито беззаботно произнесла:

– Мы там в Калифорнии немножко поживем, привыкнем, а потом и вы приедете к нам в гости.

Дверь открыла Оля, большеголовый Кирюша сидел на руках, насупившись, и смотрел на входящих серьезным взглядом.

– Ну, вот и княгиня Анна пришла. И сестренка твоя, – сюсюкая по детски, пропела Оля.

– Ма—ам, – укоризненно протянула Лида, она не любила, когда мама называла Анну княгиней, ей хотелось, чтобы два любимых ею человека любили друг друга.

Лида волновалась не зря: за внешним фасадом у молодых женщин не таилась большая взаимная любовь, хотя для подобного вида родства они сносно ладили между собой. Поначалу Анна пыталась было добиться большего расположения со стороны золовки, но, со временем умерила пыл и приучила себя не замечать перемененно снисходительного отношения в свой адрес – могло быть и хуже. Оля относилась к масштабным личностям, и жена брата оказалась для нее слишком мелкого калибра, одна из многих девушек и, – Анна подозревала, – может зря, что та до сих пор не определилась с оценкой ее интеллекта, тем, что Оля считала визитной карточкой в отношениях. Оля не любила серость и окружала себя достойной публикой, один Саша Мейер – аспирант МГУ, умный и безупречный, чего стоил, и его зеленоглазая подружка Лиля, да и все остальные – их Анна не запомнила, но все они много и красиво говорили, вели себя очень уверенно, общались на грани иронии и флирта и знали себе цену. В их присутствии менялась и Оля: дружелюбная и откровенная, почти подруга – наедине, она моментально, не стесняясь, скорее, не замечая, возводила невидимый барьер, как бы отделяя себя от Анны. Получалось некрасиво, несправедливо, но – Оля есть Оля, ранимость других волновала ее меньше всего.

Дима Колешко был постарше Оли и, без сомнения, соответствовал масштабу жены, – аспирантура, пусть не такая блестящая, как у Игоря, должность на кафедре, плюс квартира на Добрынинской, – в его присутствии Оля старалась умерять свой нрав, справедливо полагая, что ради покоя в семье ей не следует демонстрировать свою исключительность. Дима в «умные» беседы вступал редко, так, больше позволял жене отводить душу. Анне долгое время казалось, что Дима ее не замечает. Да, конечно, он знал, что у Андрея появилась девушка, потом жена, – как факт, но мнения о ней как о человеке он не сложил за ненадобностью. Пока Оля в порыве откровенности не выдала золовке, что Дима считает Анну цельной личностью, вдобавок – не душой и без признаков неврастении. Оля, подумав, что переборщила с хвалой в чужой адрес, добавила: – Ну, считай, что по поводу неврастении – шпилька в мой адрес, а все остальное – почему бы и нет... Анна молча проглотила коробящие слова: противно, что тебя обсуждают и дают характеристики с высоты своего неоспоримого превосходства, как подколотой на булавку бабочке; еще хуже, что Оле не хватает мозгов или такта оставить личное мнение супругов при себе.

А вскоре случился эпизод, который убедил Анну, что серьезный Дима заметил не только ее цельную личность. Что-то они праздновали, и гостей у Колешко собралось порядком даже для их обычных сборищ, в большой комнате раздвинули обеденный стол и еле втиснули разнокалиберные стулья. Кроме Анны и Андрея были уже знакомые Саша Мейер, Лиля, еще громкая девушка, с остальными познакомились тут же. Опять много разговоров, умничания и кокетства, такой милый бедлам, нарастающий под влиянием спиртного. Андрей тоже включился в общий разговор, благо он один оказался выпускником МАРХИ, потому считал себя бесспорным авторитетом в архитектуре и живописи.

Анна и Дима по мере накала страстей остались в стороне. По правилам застолья, если сам не влезал в разговор со своим драгоценным мнением, тебя переставали замечать, – тут уж не до этикетов. Дима подсел к Анне на освободившийся стул, налил вина в ее опустевшую рюмку, чокнулся и вдруг сказал без тени насмешки: – Анна, я все смотрю на тебя и поражаюсь: откуда в тебе такое..., как бы правильно сказать... врожденное достоинство? Чувствуется в тебе чистая порода, стать, как будто в роду у тебя по меньшей мере князя. Так и хочется нарядить тебя в бальное платье, прическу кверху и почтительно подойти к ручке, – что прикажете, княгиня?

Анна не то чтобы смутилась, в подпитии говорилось много глупостей, особенно в адрес девушек. Скорее, она не ожидала такого откровенного внимания со стороны непонятого Димы. Она постаралась, как могла, сделать вид, что оценила оригинальную шутку, хотя знала, что Дима не шутит, более того, – Анна почувствовала, что краснеет, – подсознательно ей

польстил комплимент. Она сама знала, что она – никакая не Аня, потому и называла себя всегда полным именем, внутренним чутьем уловив, что оно ей подходит.

Дима говорил, как всегда, негромко, а вокруг все уже кричали, разгоряченные. Но сидели близко, и кое-кто, похоже, все – таки услышал. В числе немногих оказалась Оля, она полоснула мужа быстрым взглядом, хотя и промолчала. Но, с тех пор Оля величала Анну время от времени княгиней. Что поделаешь, Дима был ее муж, и все остальные женщины для него, даже родственницы, обязаны были присутствовать только в виде бесполой особы. От того «инцидента» осталось, кроме ироничного Олиного прозвища, греющее сердце чувство признанности, которое со временем сошло на нет за ненадобностью.

Когда Кирюша, оторвав на самых пронзительных нотах положенное время, наконец-то заснул, они сели ужинать втроем, Димы все еще не было. Оля достала ополовиненную бутылку с коньяком, налила себе и Анне; они выпили залпом по рюмочке за визу, выдохнули, и тут Оля сказала: – Можешь не верить, но я действительно рада, что вы уезжаете. Рада, что выбираетесь из нашей идиотской тюрьмы. . . Сегодня я звонила в отдел – мне ведь скоро выходить на работу. И мне рассказали, что у нас в отделе за последний год уволили четвертого программиста; оказывается, программисты в нашей стране пока не нужны, – во всем мире нужны, а у нас – нет. . . И ты знаешь, что ему предложили вместо: пойти на курсы бухгалтеров. Ты только представь – высокой квалификации, головастый парень с высшим математическим образованием пойдет на курсы бухгалтеров, а потом возьмет счета и пойдет отщелкивать доходы от проданных жвачек. Абсурднее ничего не придумаешь. . . Не знаю, может и меня скоро уволят за ненадобностью: ну зачем им специалист с аспирантурой, пусть лучше торгует в ларьке, больше пользы стране. . . Уезжай, Анна, и не оглядывайся на белые березки и куст ракиты над рекой. Весь мир перемещается, это и называется свободой, а нам мозги промыли «навек любимой Родиной», чтобы мы подольше рабами оставались.

Анна была немножко удивлена такой резкой категоричностью золовки – еще совсем недавно Оля казалась более оптимистична по поводу будущего России, как многие из передовой московской интеллигенции. Оля единственная из семьи участвовала в событиях у Белого дома, ради светлого будущего доверив на три дня, к неудовольствию мужа и матери – мало ли что там могло случиться, и случилось, ненаглядного Кирюшу соседке с нижнего этажа. И до отъезда Андрея не раз зло срывалась, если разговор заходил об Америке, считала их план обывательской трусостью и нежеланием взрослеть, и что «они как дети, решили развлечь себя очередной игрушкой». Андрей злился в ответ, говорил, что Оля пребывает в розовых мечтах и предлагал ей спуститься на землю и т.д., – ничего нового, каждый держался своей правды. И вот, сегодня: «Езжай и не оглядывайся», а ведь Оля так редко соглашалась с братом, – видимо, и ее уже проняло. . .

Лида сидела молча во время обличительного монолога мамы, ей было неинтересно. Потому, как только Оля замолчала, быстро вклинилась: – Мам, а можно я подарю Соне книги, я их все равно не читаю, – и кивнула на подарочного издания корешки книг в ярких обложках, что красовались в «стенке». Оля восторженно сказала, – Конечно, как я сама не додумалась, – тут же вскочила со стула, достала из-за застекленной верхней полки инкрустированный чайник и протянула Анне со словами, – Чай там тоже будете пить и будете вспоминать нас за чаем. И тут голос у Оли как будто дрогнул, она попыталась по привычке иронично улыбнуться на прорвавшуюся оплошность, но улыбка получилась жалкой и Оля поспешно отвела взгляд.

Переезд. 1992

Сентябрьский длинный день останется в памяти неправдоподобно ярким и солнечным – такая праздничная глянцевая картинка, хотя, в то же время, Анна будет помнить и низкое мрачное небо, и как она мерзла, и что ей хотелось есть, – она постеснялась признаться золовке и терпела до ужина. Но, без поправок на странные причуды памяти, тот день станет последним днем, соединяющим ее с Россией, как будто, качнувшись, в ней резко сместится центр тяжести.

Дальше пошли неприятные будни, связанные с хлопотами о билетах, о квартире, о нужных документах. Начались октябрьские промозглые дни, с неба то сеяло, то лило беспрестанно. Каждый день Анна с утра будила Соню, отвозила ее к Нине Андреевне, и по слякоти шла то к местным чиновникам, то ехала на электричке в Москву.

Вдобавок ко всему, у Сони с холодами и влажностью опять начались приступы астмы, некоторые дни Анна проводила с ней безвылазно дома, ждала, когда ей станет получше. Еще ее тревожило, что Андрей уже дважды звонил Нине Андреевне и просил, чтобы Анна поторопилась. Она не знала, почему он вдруг так занервничал – видимо забыл, как тут тяжело получить нужную бумажку, сколько нужно времени и терпения, не говоря уже о билетах в Америку. «Может он думает, что я просто тяну время по собственной прихоти?», и в душе появлялось легкое раздражение на эгоизм мужа.

Потом было прощание с родственниками: приехали родители, стало тесно и шумно в их однокомнатной квартире, где уже в углу возвышались две большие дорожные сумки. Мама привезла много «необходимых» для Анны вещей: наборы постельного белья, верблюжье одеяло, подушки, ночные рубашки и много «полезного» для маленькой Сони, вплоть до мочалки в виде половины яблока. Начались бесконечные споры о том, что там пригодится и что обязательно нужно взять. Казалось, что весь смысл отъезда для Валентины Павловны состоял в том, как увезти в Америку побольше нужных вещей. Анна даже стала уже раздражаться на мать, но тут увидела грустный сочувствующий взгляд отца, и вдруг поняла, что мама такими хлопотами скрывает свою растерянность перед непонятной близкой разлукой с дочерью и единственной внучкой.

На несколько часов подъехал брат Костя; он один не грустил по поводу отъезда сестры, даже наоборот, радовался без стеснения – он уже спланировал, что если у него не получатся дела с бизнесом, он поедет в Америку к сестре. Посидев у Анны полдня, он сказал, что у него еще дела в Москве, пожелал Анне счастливого пути, поцеловал племянницу и уехал в Москву.

Под занавес устроили совместные посиделки с Ниной Андреевной уже в ее квартире. Последними подъехали Колешко с детьми. Получилось шумно и бестолково, и уже не было времени расстраиваться и переживать, похоже, уже все свыклись с мыслью о близкой разлуке, и теперь просто общались друг с другом, тем более две семьи мало знали друг друга.

Анна вдруг начала сильно волноваться – ей стало казаться невозможным, что они вот так сядут в самолет и улетят в Америку. А вдруг разболеется Соня, или ее не пропустят на таможне, или они опоздают на посадку, или – много чего может еще случиться, совершенно непредвиденного. Волнение с каждым часом усиливалось, и она уже не думала о родных, о их переживаниях, она уже хотела поскорее сесть в самолет и успокоиться. Получилось, что она даже не расстроилась, когда уезжали родители. Позднее она подумала, что мама, наверное, в очередной раз убедилась в ее «черствости» и ей было неприятно и немножко стыдно...

Но Соня не разболелась, и ничего не случилось, и с утра все проснулись очень рано. Дима и Оля везли их в Шереметьево; Нина Андреевна решила не ехать – места в машине остава-

лось мало из-за больших сумок. Анна отдала ей ключи от квартиры, Нина Андреевна обнялась с Анной и Сонечкой, присели «на дорожку», помолчали несколько секунд, потом Нина Андреевна сказала «Ну, с Богом» и отвернулась, чтобы не видели ее слез; Оля с мужем схватили сумки, Анна взяла за руку Соню, и все они, не оглядываясь, пошли к машине. За окном только светало, природа как будто специально выбрала на прощанье самый неприглядный день: снег с дождем, серое мрачное небо, пронзительный ветер, грязь под ногами и потом из-под колес – в такой день уж точно «хороший хозяин собаку не выгонит на улицу». Вдобавок, был конец 1992 года, все вокруг было в плачевном состоянии, похожем на военное положение, казалось, что жизнь вокруг стекает в черную воронку...

В аэропорту оказалось пустынно и неудобно, единственный на то время международный аэропорт почти не отличался от местных, даже странно было, что тут обслуживают не только своих, которым все сгодится, а и более привередливых жителей зарубежья.

Анне в руки сунули декларацию о «вывозимой валюте и ценностях». Ей было стыдно за свои «ценности», но она послушно записала: «валюта – \$37. 00, ценности: кольцо сережки, цепочка, общей стоимостью 350 руб. (все куплено было давно, и стоило даже меньше)». Таможенник пробежал глазами декларацию, презрительно перевел глаза на Анну, но тут, при виде статной Анны, к презрению во взгляде у него добавилась сальность. Это было ужасно, Анна жала зубы, в висках застучало от волнения, а в голове в унисон зазвучало: «потерпи, потерпи...».

Потом, с тем же взглядом – смесью насмешки над ничтожеством нищей «тетки» и снисходительной оценкой самца, он лениво порылся в ее багаже, отлично зная, что глупо искать контрабанду в ее тряпках. Но желание поиздеваться над красивой молодой женщиной, видимо, развлекало мордастого парня, поэтому он неторопливо перебирал детские вещицы, книжки, статуэтки и фотокарточки, потом пошли Анины личные вещи. Тут он ухмыльнулся, глядя в глаза Анне; но, вдруг, боковым зрением заметил, что к нему уже выстроилась очередь других пассажиров, строго отпихнул Анины сумки и официальным строгим голосом «человека на страже закона» сказал: «Проходите».

Анна не ожидала, что им не дадут шанса попрощаться с провожающими, пришлось только помахать им рукой, те помахали в ответ, что-то крикнули, типа: «счастливого пути», и их не стало видно за все пребывающей толпой пассажиров.

Дальше, уже в отстойнике – в темной душной комнате, они с Соней долго сидели и ждали, когда все пассажиры пройдут таможеню. Ожидание превратилось в бесконечность, казалось, что все уже зашли в комнату, но их все равно держали. Анна после унижительного осмотра не могла успокоиться, у нее опять пропала надежда, что они все-таки улетят. Казалось, что в любой момент зайдет кто-то из тех мордастых в форме и скажет, издевательски улыбаясь: «Ну, все поиграли, потешились, а теперь марш по домам и живите, как все нормальные российские граждане, нечего вам по Америкам разъезжать».

Скоро стало заметно, что не одна Анна нервничает: люди то и дело тревожно оглядывались назад, тихонечко взволнованно переговариваясь друг с другом. Минуты тянулись, в комнате было душно и тесно, большинство людей стояло, переминаясь с ноги на ногу, но их упорно держали, не объясняя причин задержки. Скоро даже совсем безразличным к неудобствам и унижениям стало тревожно, но все безропотно ждали – в такой ситуации никто не осмеливался устроить скандал.

Как выяснилось вскоре: какая-то бабка решила вывезти щенка без необходимого пропуска. Ей не разрешали, но она, несмотря на преклонный возраст, оказалась несгибаемой, да вдобавок не лишенная актерских задатков. Она падала на колени (в ее то возрасте), рыдала в голос, воздевала руки к небесам – сначала умоляла сжалиться над ней бедной, потом,

видя, что равнодушных чиновников сочувствием не пробить, попыталась угрожать позвонить и пожаловаться важному лицу, но, почувствовав, что угрозы только разозлили ее мучителей, опять залилась слезами.

Концерт с бабкой продолжался довольно долго. Люди в отстойнике, узнав, в чем дело, готовы были ринуться на помощь таможенникам и растерзать бедную «мученицу». В конце концов кому-то из таможенников удалось выдавить упрямую старуху вместе с щенком в зал ожидания и заявить ей, что самолет летит без нее. После этого бравая бабка мгновенно перестала рыдать, передала бедного скулящего щенка кому-то из провожающих, и, как ни в чем не бывало, прошла в отстойник. Все смотрели на нее с любопытством и злобой, но ей, похоже, дела не было до других, она стояла с уверенным и независимым видом и смотрела поверх всех.

Наконец-то их повезли к самолету. Но, похоже, кому-то нужно было, чтобы Анна надолго запомнила момент прощания с родной страной. (Может, для того, чтобы у нее не оставалось никаких радужных иллюзий). Когда пассажиров стали запускать в самолет, Анну с маленькой Соней провели в самый первый ряд – там, где места для пассажиров с детьми. Не успела Анна перевести дух (слава Богу, уже в самолете) и усадить Соню к окошку, как к ужасу своему увидела, что скандальная бабка занимает сидение рядом с ней. Она чуть не расплакалась, нервы ее были на пределе: ей предстояло опять смириться с обстоятельствами и покорно терпеть рядом с собой эту старую склочницу весь полет.

И как она оказалась права. Бабка, представившись Идой Борисовной, попортила ей крови, пусть и косвенно. И не только ей одной. Бедные – бедные стюардессы, кто привык на таких рейсах слегка надменно относиться к соотечественникам – они забежали перед вредной бабкой, с трудом скрывая злость и раздражение.

Как самой Анне не было неприятно сидеть рядом с самодуркой, чем-то похожей на жабу из детской книжки, но порой было занятно смотреть, как та ловко вертит экипажем. Ну, вылитая щедринская барыня со своими дворовыми. Нажимает кнопку над головой, подбегает стюардесса с дежурной улыбкой, и начинается: «Вы знаете, милая, тут дует непереносимо, сделайте что-нибудь, ну дайте хотя бы одеяло», через несколько минут: «Заберите одеяло, стало очень жарко и душно»; потом: «Принесите мне, пожалуйста, минералки», следующее: «Я просила минералки, а вы мне принесли воду, принесите минералки», «Нет, эта сладкая, я хочу простую, без сахара», «Мне что-то опять холодно, принесите одеяло», – и так бесконечно, с перерывами на сон. В это время весь самолет старался не шуметь, чтобы не побеспокоить драгоценный сон Иды Борисовны.

Впрочем, иногда той, похоже, самой надоедало мучить бедных стюардесс, и она вполне дружелюбно заводила беседу с Анной – расспрашивала ее, но больше рассказывала о себе, о сыне, к которому она летела, о его успехах в новой стране, о его семье и т. д. В такие минуты Анна понимала, что бабка психически нормальный, довольно умный человек, а с персоналом Аэрофлота она просто «дурит» – то ли в отместку, что ей не дали провезти щенка, то ли просто от скуки – тринадцать часов довольно долгий перелет, особенно для эконом класса.

За всем этим бесконечным спектаклем Анна так и не смогла подготовить себя к встрече с Америкой и с Андреем. Раньше ей казалось, что за долгие неспешные часы в самолете она наконец-то успокоится и обдумает те важные думы, которые за суетой и тревогой предотельных дней она гнала от себя, – думы на тему «прощание с родиной» и «здравствуй, новая жизнь». Она сознательно откладывала их на полет, чтобы уже ничто ее не отвлекало – ей хотелось не спеша привести в порядок, подвести фундамент под жизненно важный поступок – переезд в другую страну. Имеют ли они с Андреем право решать судьбу маленькой дочери: лишить ее бабушек и дедушек, родного языка, привычного менталитета и культуры. О будущем она не думала – ей казалось, что там, в Америке, все сразу будет чудесно, иначе и быть

не могло. Ведь главная трудность – добраться до страны, и она преуспела в главном – через несколько часов они приземлятся в Калифорнии.

Но из-за скандальной соседки глубоких мыслей не получилось, все скомкалось и сложилось впечатление, что они просто долго сидят в самолете, летящем неважно куда. Единственное чудесное, что осталось в памяти – это ощущение сюрреализма, когда долгое время в иллюминаторах с одной стороны самолета было по дневному светло, а в окошках напротив наступила глубокая ночь.

В перерывах, когда Ида Борисовна наконец-то засыпала, оживала Соня, она начинала задавать Анне многочисленные вопросы: о тетях – стюардессах, об Америке, о папе – она соскучилась по нему и, похоже, сильно волновалась, так, что ни на минуту не заснула. Бабка ее с самого начала сильно испугала, поэтому она со строгим видом смотрела в окошко, хотя там ничего, кроме белесой туманности, не было видно, и поворачивалась к Анне в полоборота, стараясь не смотреть на злую некрасивую старуху.

Наконец самолет пошел на посадку, и Анна с Соней прилипли к иллюминатору: сначала за окошком стало белым-бело от облаков, а потом неожиданно ярко прорезалась синева океана, скоро она сменилась видом каких-то странных водоемов, почему-то часть из них отливала снежной белизной, потом – опять, совсем близко, волнистая синь океана, и скоро замелькали деревья, полоса воды побоку, и колеса самолета коснулись земли.

Анна принялась поспешно натягивать на Соню теплую курточку, на что Ида Борисовна со знанием дела сказала: «Да не кутайте вы ее». Анна почувствовала себя неловко, но потом вспомнила, что в Калифорнии должно быть тепло, так что кое-как запихнула ненужные теплые вещички в сумочку, и они встали между рядов, с волнением Колумба готовясь ступить на новую землю.

Их пригласили на выход и стюардесса вежливо сказала им: «Всего хорошего», и они вроде бы вышли из самолета, но вместо привычного трапа вдруг очутились в довольно узком коридоре, и Анна поняла, что нужно идти по нему вперед, не останавливаясь – сзади них шли уже другие пассажиры. Она крепко схватила Соню за руку и уверенно пошла вперед, как будто она всю жизнь пользовалась при выходе из самолета только таким путем.

Дальше память сохранила только рваные яркие куски, как вспышки на фоне черной ленты давно отснятого фильма. Вот Соня вдруг тоненько завизжала, Анна обернулась на нее и увидела, что та смотрит вверх, а там, за стеклом, на втором этаже стоит Андрей и машет им рукой и строит смешные рожицы. Потом Анна помнит себя в объятиях мужа, помнит состояние вдруг нахлынувшей слабости, как от внезапно вспыхнувшего в памяти родного запаха у нее внутри что-то оборвалась и закружилась голова. Но Соня тянула Андрея, и он разжал объятия, повернулся к дочке и, смеясь, подхватил ее на руки. Потом они ехали втроем на машине по странной дороге в несколько рядов, и было ощущение автогонок на стадионе – все машины ехали на одинаково быстрой скорости и как бы привязанные друг к другу невидимыми веревочками. Потом вдруг сбоку от дороги на фоне лилового заката появились стильные высокие здания необычной формы – Анна не удивилась бы, если в тот момент Андрей сказал бы ей, что они на другой планете – так все было непохоже на мрачную холодную Россию.

Дальше пошли разноцветные, похожие на игрушечные одно-двухэтажные домики среди щедрой зелени, что немножко напоминало их дачу в разгар лета, только дома были большие и ухоженные, с дорогами и красивыми машинами, так, что все казалось увеличенным макетом нереальной жизни. «Ведь уже ноябрь», удивилась про себя Анна: «Так не должно быть».

Но, сюрпризы самого удивительного в жизни дня еще не закончились... Они остановились около одного из домов: – Вот и приехали, – сказал Андрей, – только постарайся ничему не удивляться.

Хорошо, что он предупредил. Они зашли в дверь и от порога на них дохнуло спертым воздухом, залаяла собака и задребезжал мужской голос: «Shut up, Декси».

Они прошли в большую комнату с буфетом и овальным столом. Бардак в комнате был необычайный: громозкий буфет как будто специально припорошили слоем пыли, стекла лоснились от отпечатков пальцев, так, что не видно было, что там – за стеклом, по углам были «забыты» какие-то не принадлежащие этой комнате вещи, на грязном полу клочками лежала собачья шерсть. Однако стол был относительно чистый, похоже, что незадолго до их прихода с него смели все в углы комнаты.

За столом сидели очень полная женщина лет пятидесяти с широким отекившим лицом без шеи и мрачный костлявый старик. Оказалось, это и были знакомые Анне по письмам мужа Галина и Николай Митрохины. Тут же крутился облезший грязный пес со слюнявой мордой. Они познакомились. Галина с трудом подняла свое грузное тело и принялась накрывать на стол, а Андрей провел Анну и Соню наверх по крутой лестнице, туда, где им предстояло теперь жить.

Наверху находились две небольших спальни распашонкой и ванная, все было достроено гораздо позже, скорее всего, раньше тут был просто чердак. В комнатах, обставленных немногочисленной разномастной мебелью оказалось чисто. Ветхость обстановки не бросалась в глаза, наоборот, Анне показалось, что им предстоит жить в шикарном месте, получше чем их маленькая квартирка в Коломне. В каждой спальне стояло по телевизору с дистанционным управлением; в России такие новшества имели только избранные семьи, и обычно пульт держали завернутым в полиэтилен, чтобы не истерся. А тут пульта просто валялись на покрытом бежевым бобриком полу. Анна вопросительно посмотрела на Андрея, указывая на телевизоры. Он понял, чему она удивилась и сказал: – Не волнуйся, это их старые, у них самих более современные. И, вообще, многое тебе поначалу покажется странным и абсурдным, но ты скоро привыкнешь.

Внизу послышался стук в дверь и вслед за стуком собачий лай и голос Николая: «Shut up, Декси». Принесли пиццу, – сообщил Андрей, и они все трое поспешили вниз.

Стол накрыт был, мягко говоря, оригинально: бумажные одноразовые тарелки с блеклым узорчиком по краям, бумажные салфетки, но рядом с тарелками лежали солидные серебряные приборы и гордо возвышались хрустальные бокалы. А посреди стола – две большие коробки с пиццей. Галина стала извиняться за бумажные тарелки, за такой «демократичный» прием гостей, Анна в ответ стала уверять, что все в порядке, она как раз и любит, чтобы было попроще. Андрей молчал во время их обмена любезностями, а уже после, когда остались вдвоем, на упрек Анны, что он ее никак не поддерживал, он искренне удивился: «Неужели ты не поняла, что со стороны Гали был просто обыкновенный набор положенных „извинений“, и ей совершенно безразлично, как ты будешь реагировать, вернее она знает, что ты тоже произнесешь ответный набор любезностей. Но, даже если бы ты сказала, что привыкла только к парадному приему, ничего бы не изменилось».

Но Анна действительно относилась ко всему серьезно, ей хотелось понравиться в тот первый день, поэтому она старалась быть милой и интересной. Она ожидала расспросов о России, о последних новостях, о настроениях народа. Но говорили в основном о пицце: кто какую любит, о вине, и уж совсем о ненужном и неважном. Анна поначалу старалась повернуть разговор на Россию, но в ответ услышала вежливое: «о да, это интересно», и опять разговор поплыл по мелочам. Самое интересное, что и Андрей говорил в таком же ключе: о передачах о природе по общественному каналу, о разнице между непонятных ей Merlot и Cabernet, о каком-то особенном цветке в саду и о недавно прошедших пожарах. Вернее, говорила в основном Галина,

Андрей поддакивал, а Николай (Галина звала его Ники) только раздражался на Галю, и время от времени вставлял что-нибудь поперек ей, на что Галина делала заговорщески-покорную гримасу, которая означала: «мы все понимаем, что Ники не в настроении», чем еще больше раздражала последнего. Сонечка сидела тихо, ела пиццу и пила «соду» из банки. Галина пару раз сказала, что Соня «очень мила», но никаких разговоров с ней не заводила, а Ники как будто совсем ее не заметил.

Видно было, что ему нехорошо, он с трудом проглотил кусок пиццы, хлебнул пива из бутылки и закашлялся. После приступа кашля он совсем ослаб, поднялся из-за стола, пошатнулся и сказал: – Вы продолжайте без меня, а я пойду полежу. Андрей поднялся и предложил проводить его до комнаты, но Ники буркнул недовольно, что он «о' кей», позвал собаку и зашаркал по коридору. Галина театрально громко вздохнула и сказала: «Он сегодня молодец, хорошо поел, мне кажется ему лучше, не правда ли, Андрей», на что Андрей опять согласно кивнул.

Скоро и Галина поднялась из-за стола, сказала, что Анне и Соне нужно отдохнуть с дороги, а она пойдет посмотреть «телевизию». Сонечка действительно уже засыпала за столом, да и Анне хватило впечатлений на сегодняшний день, ей хотелось остаться вдвоем с Андреем. Когда они поднялись наверх, уложили Сонечку на диван и Андрей уже уверенно обнял Анну, она отпрянула и сказала: «Ты что, там же Галина еще не спит». Андрей громко рассмеялся и сказал: «Догадайся, что сейчас делает Галина?», – и сам же ответил: «Лежит перед телевизором, а рядом с ней пицца – та, которую мы даже не открыли и пузатая бутылка вина. Она – пьяница и обжора, я же писал тебе, еще необыкновенная грязнуля и неряха, но, в принципе, неплохой человек. Для нее сейчас началось ее любимое время – в одиночестве, с вином и любимой едой, с телевизором и грязным Декси под боком». И он уверенно привлек к себе Анну.

Дом Митрохиных. 1993

Вот так они и зажили: Анна, Андрей и Соня наверху, в своем уютном и чистом мирке, а Галина, Ники и Декси внизу, куда спускаться было просто пыткой для брезгливой Анны. Такой грязи в доме она не видела за всю свою жизнь. Особенно поражал контраст с суперчистой Америкой снаружи. Какое-то время спустя Соня, когда ее нарядили по какому-то случаю в нарядное платье и отпустили на время поиграть в сад, и велели быть аккуратной, чтобы не испачкать новое платье, в ответ мудро заметила: «Ну как я могу испачкаться, ведь грязь бывает только дома».

В доме совершенно точно не убирались несколько месяцев, те что на памяти Андрея. Он старался по мере возможностей поддерживать порядок на кухне и в комнате Ники – там он проводил много времени, но все остальные комнаты буквально заросли хламом и грязью. Вдобавок, никто не выводил любимого пса на улицу, ссылаясь на то, что у него больные ноги. Ему стелили в коридоре газеты, и Декси пользовался для отправления своих нужд их тоненькой стопкой, которая быстро промокала насквозь и обновлялась не каждый день, так что в доме постоянно стоял запах собачих экскриментов; запах был настолько сильный, что проникал даже на их «чистый» этаж. Еще большим бедствием оказались блохи: невозможно было, побывав внизу, не принести к себе наверх парочку насекомых – приходилось держать рядом с лестницей балончик с антиблошиным ядом и обрызгивать себе ноги, прежде чем ступить в комнаты. Чем-то похоже на обстановку с секретной лабораторией, где при входе наверх нужно было пройти специальную дезинфекцию. Соне вообще запрещалось подолгу находиться внизу, она чаще всего быстренько пробегала по лестнице и играла в саду. Тем более, что дочь боялась Декси, пес был препротивный: он трусливо жался по углам, пока Галина была на работе, но с ее приходом вдруг задирает свою слюнявую морду и начинал злобно лаять на всех.

Ники болел, у него был неоперабельный рак. Он как раз прошел большой курс радиации, куда его возил Андрей, и теперь страшно ослаб, еле волочил ноги и почти не выходил из своей спальни. Галина ездила на работу – она работала в каком-то государственном учреждении, после работы сразу же ехала домой, шла в свою спальню, звонила в ближайший магазин, и заказывала десяток ненужных продуктов и обязательную пузатую бутылку крепленого вина. Через минут десять стучали в дверь, заходил посыльный с коробкой продуктов, Галина выписывала ему чек, а после его ухода вытаскивала из коробки бутылку и еще что-нибудь сладкое, типа мороженого или торта и шла к себе в спальню. Включала громко телевизор и «отдыхала» от тяжелого дня. Весь заказ был ради бутылки вина. Остальные продукты так и оставались забытыми в коробке на столе. После такой дозы алкоголя женщина засыпала сном богатыря, с могучим храпом, слышным даже им наверху. Засыпала прямо в одежде; недопитая бутылка и остатки еды часто так и оставались у ее кровати. Утром она исправно вставала, – она была ответственной американкой – не могла опоздать или пропустить работу, и в той же одежде садилась в машину и ехала на работу.

Ники тоже не мылся, у него едва хватало сил, чтобы дойти до туалета, он почти все время лежал в своей спальне у телевизора. Спали муж и жена без простыней, несмотря на то, что специальный шкаф в коридоре был сверху до низу забит стопками с хорошим постельным бельем. Ники постоянно мерз, и на его широкой кровати громоздилась куча из одеял и пледов. Еще в его комнате помимо обычного бардака имелись два стола со «священным» бардаком: книги, чертежи, справочники, предметы непонятного назначения. Все это неприкосновенное «богатство» было связано с Никиными бизнесами; оказалось, – кто бы мог подумать, что больной был по натуре «прожектёр», и в течение всей своей жизни придумывал проекты, чтобы быстро обогатиться. Образование у него было далеко не гарвардское, но его этот факт не смущал: ему

казалось, что у него достаточно смекалки, чтобы придумать простую по исполнению, но очень нужную всем вещь. (Не секрет, что таких «мечтателей» в Америке пруд пруди, и порой действительно единицы вдруг обогащаются с поразительной быстротой, но большинство из них, – увы, просто теряют вложенные деньги).

Ники определенно относился ко второй категории: он уже спустил все деньги Галины (она была единственной дочкой небедных родителей) и года два назад взял деньги под залог их уже выплаченного дома. Сейчас как раз наступало время выплачивать долг, а Никин новый бизнес так и остался на столе. Ну, и самое трагичное, – у Ники обнаружили раковую опухоль, и уже не было надежды не только на эфемерные доходы от бизнеса, но даже на то, что он вернется на работу. Не мудрено, что Галину так тянуло к спиртному – ее психика уже не могла выдержать всех свалившихся на нее проблем.

Ники знал, что Галина напивается каждый день, знал, что значит вечерний стук в дверь после прихода Галины с работы, но у него уже не осталось сил как-то реагировать. Его недовольство выражалось в его постоянном раздраженном тоне в общении с Галиной. Он презирал ее за пьянство, за ее равнодушие к его состоянию, за то, что дом превратился в помойную яму; но он понимал, что не имеет права предъявлять ей претензии – ведь именно из-за его нереализованных проектов они находятся на грани нищеты, и Галине приходится работать.

С приходом Анны уход за Ники переходил в основном на Анну, исключая те дни, когда Андрей возил его к доктору. Особенного ухода больному пока не требовалось: главное – присутствовать в доме на случай, если ему станет плохо, приготовить еду, сварить кофе, ну и прочие мелкие услуги. На второй день Галина принесла Анне исписанный листок, под заглавием Agreement, и пояснила, смущаясь: – Вы знаете, Анна, мы уж так привыкли в Америке обо всем заранее договариваться. Я вам сейчас переведу на русский, тут совсем немного, а если у вас будут несогласия, мы сделаем «коррекцию».

И она зачитала: «Договор. Галина Митрохин и Анна Алпатин заключаем договор: 1. Анна обязуется оказывать услуги Николаю Митрохин в течение года». Тут Галина сказала: «Вы понимаете, так тяжело найти подходящего человека, а Ники к Андрею так привык», и продолжила: «или до специальных обстоятельств, определяемых Галиной Митрохин». Тут она опять улыбнулась извинительно и пояснила: «Ну, не знаю, всякое может случиться, может Ники совсем скоро поправится». Но обе понимали, что «специальные» обстоятельства означают скорее всего смерть Ники.

2. Галина Митрохин обязуется обеспечить жилье и продукты семье Алпатин в течение года. Если же обстоятельства изменятся, Галина Митрохин должна сообщить за 30 дней до истечения договора».

Галина добавила: «Мы вам будем платить еще \$300 каждый месяц на мелкие расходы, но я не могу включить это в договор – мы не имеем права нанимать за деньги, если у вас нет легального разрешения на работу», – и она опять улыбнулась виноватой улыбкой. Они обе подписались под договором, и Галина отнесла листок к себе в комнату.

Уже позже Анна не раз имела возможность убедиться, насколько, несмотря на постоянное пьянство и бардак во всем доме и особенно в ее комнате, Галина была до мозга костей американкой: она умудрялась платить по всем счетам, в срок заправлять налоги, отвечать на запросы по страховкам, назначать визиты к докторам. Вся документация хранилась у нее в пластиковых продуктовых пакетах тоже рядом с кроватью среди пустых бутылок, коробок от недоеденной еды и бесконечного мусора и комков шерсти Декси. Оставалось загадкой – каким образом она находила в них нужную информацию. Скорее всего их договор тоже помещился в один из таких «надежных» пакетов.

Вторым, и последним деятельным шагом со стороны Галины явилось решение дать им отдельный телефонный номер. Теперь Алпатины могли звонить всем без ограничения и стесне-

ния, что получалось очень удобно. Но, как выяснилось вскоре, удобство имело свою обратную неприятную сторону. Дело в том, что как у всякого обычного человека, у Галины после первых двух стаканов вина, когда уже мозг начинал расслабляться, появлялось желание пообщаться. Ники для роли собеседника не подходил – пьяный вид жены вызывал в нем отторжение, доходившее до ненависти, звонить просто знакомым часто выходило неловко и, получилось, что Анна оказалась самым подходящим собеседником. Разговоры длились по часу и более, причем темой разговоров был обычно Ники, вернее, забота о Ники. Галина, как правило, начинала с расспросов – как он сегодня, потом, не вникая в ответ, быстро переходила к главному – как улучшить заботу о больном. О, нет, у нее не было претензий к Анне, ей просто хотелось поделиться своими идеями о возможности сделать жизнь Ники более комфортной.

Бывают в жизни моменты, когда жизнь строит гротескные ситуации, которые похлеще любой выдумки. И, участвуя в них, кажется, что ты сходишь с ума. Так было и с вечерними разговорами. Галина, которой было в тягость зайти в комнату Ники и справиться о его здоровье, звонила Анне и говорила бесконечно о своих переживаниях по поводу мужа: о его аппетите, настроении и предпочтениях. Говорила она громко, не стесняясь, так, что Ники мог слышать о трогательной заботе супруги, а для Анны создавался стереоэффект: одним ухом она слушала голос Галины в трубке, и параллельно те же слова шли снизу, из комнаты Галины, – голос ее по мере опьянения крепчал.

Разговор начинался приблизительно одинаково: – Здравствуйте, Анна. Это Галина вас беспокоит. Ну, как вы? – и сразу же (слушать ответ ей не хотелось) – как Ники сегодня? Я вот вчера не могла заснуть (спала она после выпитого беспробудно), и думала, а что если нам... Дальше она делилась своей очередной идеей: покупка соковыжималки (у них в шкафу их было две), специальных витаминов, его любимой колбаски в русском магазине, особой подушки, аквариума и т. д. – фантазии Галины оказались неисчерпаемыми.

Потом слышно было, как Ники прибавляет звук телевизора у себя, чтобы заглушить голос Галины, а порой, разозлившись, в отместку начинал громко звать жену. В таких случаях разговор временно прерывался, и слышно было, как Галина шлепала к нему в комнату. Потом Ники кричал на нее своим ослабевшим голосом, на что у Галины была заготовлена одинаковая реакция, типа: «Ну, Ники, ты почему-то сегодня не в духе, может тебе чего-нибудь хочется, чтобы развлечься, может фильм заказать или пиццу», и в ответ звучало еще большее раздражение: «Галя, ты пьяница, у меня все болит, а ты – развлечься. Иди отсюда». Галина с чувством выполненного долга шаркала назад, выпивала там еще стаканчик вина и опять звонила Анне.

– Вы знаете, Анна, я сейчас была у Ники, думала, может он захочет посмотреть какой-нибудь фильм, чтобы не скучать, но он что-то сегодня не в духе. Я тут видела на телевизии рекламу одеяла с грелкой внутри, я думаю, ему понравится, ну, вы знаете, он потерял вес и ему холодно спать. Как вы считаете, стоит ему купить такое одеяло? Я, пожалуй, закажу...

На следующий день она забывала об одеяле, и уже делилась с Анной другой идеей. Но, тем не менее, порой в выходные с утра она ехала делать shopping, и приезжала с новой соковыжималкой или же с чудо-подушкой. После таких «заботливых сюрпризов» Ники раздражался на Галину еще больше, пользуясь тем, что она еще трезвая. Галина спокойно переносила его вспышки бешенства и при первой же возможности скрывалась у себя в комнате, чтобы по случаю выходного начать приятную часть дня пораньше, с чувством выполненного долга.

Совсем скоро Галины телефонные беседы стали просто наказанием, и они с Андреем старались поменьше бывать дома, до позднего вечера ездили по окрестностям, сидели в парке или на берегу океана или заходили в Shopping Mall, где, как туристы смотрели бесконечные товары в бесконечных магазинах – на покупки у них не было денег...

Но все это случилось потом. А пока Анна и Соня впервые проснулись в новой стране для новой счастливой жизни. Была суббота, и их ожидали чудесные выходные втроем – то долгожданное время, совсем недавно казавшимся недостижимым раем.

И они себя оправдали по полной – эти два дня. Они определенно вошли в копилку самых счастливых дней. Соня, как проснулась, запрыгнула в родительскую кровать и стала тискать Андрея, разбудила их обоих и, довольная, радостно зашептала обо всем: о самолете и о злой вчерашней старухе, о вкусной газировке и о собаке, о бабушке Нине, об умной Лиде и о книжках, что они привезли, и, видно было, как Андрей соскучился по ней, как он гордится тем, что у него такая милая и смышленная дочка.

Они бы долго валялись втроем, им и так хватало счастья, но их ждало знакомство с Америкой, и Андрею пришлось первому вылезать из кровати и идти вниз, делать им первый завтрак. Вскоре он появился на лестнице с огромным подносом. На нем был свежевывжатый (!) апельсиновый сок, йогурты (что это такое?), омлет с шампиньонами, кофе для них с Анной и шоколадный пудинг для Сони. Он поставил поднос на столик, и любовался произведенным эффектом. Что-то такое Анна видела в зарубежных фильмах, когда герою с утра приносили поднос с изысканным завтраком (обязательно с кофе и апельсиновым соком). Поэтому она даже не удивилась – иначе и быть не могло в их первый день, только так – все, как в чудесном фильме.

Андрей включил телевизор, и на экране вдруг запрыгал веселый фиолетовый динозавр, а вокруг него резвились радостные раскованные дети, – не иначе, специально отобранные. Они вместе с динозавром пели песни, танцевали и смеялись. Тут Соня широко открыла глаза и буквально прилипла к экрану, забыв даже о пудинге. Передача, к счастью для них, скоро закончилась, и Андрей велел ей быстро доедать и одеваться, чтобы ехать на океан. Соня задумчиво доедала, но, видно было, что увиденное на экране не отпускало ее. Уже одевшись, она спросила Андрея: – А тот, фиолетовый, в телевизоре, он что – динозавр? – и получив положительный ответ, спросила, – а он что, настоящий? Разве настоящие динозавры бывают фиолетовые? – и обрадовалась, услышав от Андрея, что динозавры бывают разные. Потом добавила, как бы между прочим: – Да я сама узнала, что он настоящий.

Андрей шепнул Анне: – А то, что он песни распевает на английском, – это в порядке вещей для настоящих динозавров.

Тут Соня заявила, что она не будет надевать новые ботинки, потому что у нее болит ножка. Анна подумала, что Соня устала от избытка впечатлений и просто капризничает, но потом осмотрела ступню дочери и ахнула, – на нежной пятке красовался большой набухший волдырь. Бедная Соня вчера даже не пожаловалась на боль, терпела до вечера. И когда она только успела так натереть ногу, ведь они почти не ходили целые сутки. И главное – это были совершенно новенькие ботиночки, купленные перед отъездом на рынке за огромные деньги.

Им пришлось первым делом ехать в магазин за новой обувью для Сони. Андрей не очень ориентировался в магазинах, сказал, что покупал себе полукеды в ближайшей аптеке. Поехали туда. Анна вспомнила читанные ею романы об Америке, где упоминались аптеки со странным выбором товаров, начиная от таблеток, заканчивая спиртными напитками, и подумала про себя: «Ну, вот, я увижу первое из того, что мне тогда казалось странным».

То, что она увидела, оказалось еще более необычным, совсем не похожее на нарисованную в воображении картинку. Первым делом они зарулили на большую стоянку, окруженную всякими магазинами и ресторанами. Очень красивые и новые машины стояли в аккуратных рядах. Анне на фоне тех машин их старенькая Хонда уже не показалась такой шикарной, как вчера. Дальше она увидела, как из этих машин выходили женщины (!) – конечно, были и мужчины, но именно женщины за рулем таких сверкающих красавиц – машин поразили ее больше всего, каждая из них воспринималась как инопланетянка, садящаяся в персональный

космический корабль. Что казалось еще более удивительным: они, похоже, совсем не ощущали своей значимости, напротив, создавалось впечатление, что быть инопланетянкой для них совершенно будничное занятие; они спокойно выгружали продукты в багажник, нередко тут же в тележке сидел маленький ребенок, другие дети просто терпеливо ждали своих мам. Одеты они были совсем не под стать машинам: штаны, майки, кроссовки или сланцы на всех без различия, как униформа: на мужчинах, на женщинах и на детях. Анне тут же стало неудобно, что она выбивается своим видом, в юбочке и туфлях. Она даже обмолвилась Андрею, на что тот неподдельно удивился, и велел «не брать в голову», т.к. «тут никому нет дела до твоего вида», и показал на толстую черную тетку, одетую в обтягивающий розовый трикотаж. Зрелище было уникальное, но никто на нее не обращал внимания, и она сама вела себя совершенно естественно: посадила своего сына, похожего на черную куклу, погрузила свое большое розовое тело в машину-красавицу и вырулила со стоянки.

Дальше в ряду чудес шла сама аптека. Перед широкими стеклянными дверями стояли горшки с цветами, а в ведрах – прозрачные конусы с букетами. Оказалось, что разноцветный цветник – часть товаров аптеки, с довольно странной системой покупки: выбрав цветы, нужно было зайти внутрь и там расплатиться, т.е. сразу подразумевалось честное отношение – вполне беспрепятственно можно было взять букет и пойти дальше.

Дверь автоматически, как будто получив мысленный приказ, раздвинулась перед ними, и они втроем шагнули в огромный зал, сплошь перегороденный высокими рядами полок. Андрей уверенно повел их вглубь, к обувному отделу, и они одновременно увидели белые детские кроссовки с блестящими камушками. Соня тут же застыла с просящей физиономией, а Анна чересчур поспешно усадила дочь для примерки, как будто боясь, что волшебные башмачки раскупят, и даже не поинтересовалась о цене. Каково же было ее удивление, когда до нее дошло, что такие славные кроссовки стоят всего лишь \$5.99. Анна тут же заявила Андрею, что в такой стране даже нищему выгодно жить: машина (их) стоит \$1, 500, обувь – \$6 – почти коммунизм. Андрей согласился, но как-то совсем без энтузиазма. Совсем скоро и Анин энтузиазм пошел на убыль, оказалось, что за милой маской человечности прячется самый настоящий капитализм.

Но, «всеу свое время», и время сетовать, а тем более – плакать, еще ждало своего часа. А пока они со счастливой Соней в новых ботинках и большой конфетой в руке поехали на океан. День был солнечный, и океан появился неожиданно, как будто случайно: они ехали по похожим зеленым улицам и, вдруг, за очередным поворотом в конце улицы, всего в нескольких блоках от них открылась безбрежная живая синева. Показалось, что машина скатывается с горы навстречу волнам. На минутку стало жутковато, но они уже въехали на парковку, и Анне стало смешно за свои страхи: город и океан разделял не только высокий бетонный парапет, но и широкая полоса песчаного берега. На смену глупым мыслям пришло ощущение нереальности, океан поражал и подавлял своей несоразмеримой масштабностью. Огромные волны ритмично и гулко наплывали на песчаный берег, оставляя за собой белую кромку пены, и, не успев отхлынуть назад, опять захлестывались очередной мощной волной, – как будто отменяя секунды вечности и гипнотизируя сознание заданным ритмом. А дальше – далекая водная гладь, переходящая в высокое небо. Впервые в жизни Анна вместе с восторгом перед вечной мощью природы ощутила свою незначимость, временность своего существования во вселенной. Стало на мгновение неудобно и страшно, но совсем скоро страх опять сменился радостью: впереди еще целая жизнь, хватит времени на думы о смысле жизни. Но океан со своей магической аурой так потряс сознание Анны, что она загадала: они обязательно будут жить рядом с океаном, слушать его вечный гул и думать о вечном.

Дальше они поехали по знаменитому мосту и вокруг было так пронзительно красиво, что Анна вдруг разрыдалась – ее наконец-то отпустило напряжение последних дней – до нее дошло, что вся немыслимая красота вокруг отныне принадлежит ей, и что Россия с мрачно-

стью и неустроенностью осталась уже в другой жизни, а впереди – совершенно новая страница с таким изумительно-красивым фоном. Она плакала, и Андрей и даже Соня понимали, что слезы Анны – от радости.

После того случая на мосту Анне не раз приходилось плакать, но уже никогда она не плакала от счастья.

Те два дня вместили в себя очень много: первое узнавание страны, первые картинки нового «букваря», совершенно беззаботное настроение, долгожданную радость быть опять вместе, и, главное, абсолютное бесстрашие перед будущим. Как будто судьба подарила им эти дни – затишье и передышку в бесконечной череде больших и маленьких проблем. И они радовались, не подозревая, что будущее далеко не безоблачно, что впереди у их маленькой семьи еще не одна битва, и будут более серьезные и более кровопролитные, – воистину «незнание – смело».

К концу второго дня они встретились всей компанией недавних переселенцев. Собрались все у самой преуспевающей пары – друга Андрея по институту Бориса Ларинцева и его жены Лизы. Ларинцевы уже выбрались из первой нищеты и снимали свой небольшой апартамент. Лиза работала в Русско—Американском сообществе, а Борис в маленькой строительной компании, которая занималась в основном покраской домов. У семьи был устойчивый доход (довольно приличный по общему мнению), они покупали мебель и прочую утварь в магазинах, а не на гаражных распродажах, присматривались к новым машинам, и даже совсем скоро должны были получить green card. Ларинцевы вполне закономерно гордились своими достижениями и радушно принимали гостей на правах полноценных граждан Нового Света. Особенно старалась Лиза: она много говорила, особенно о себе и своей работе, как бы между прочим хвалила Бориса и сына, и невинно, но слишком назойливо сводила любой разговор на свои успехи.

Анна знала Лизу давно, они часто встречались в общих компаниях, обе с симпатией относились друг к другу, но подружками так и не стали. Лиза всегда удивляла Анну, – и не ее одну, забавной раздвоенностью; с одной стороны, та была очень способная и бесстрашная особа: она училась в специальной школе с английским уклоном и уже собиралась поступать в ИнЯз, но в старших классах познакомилась со студентом из МАРХИ, и ей вдруг захотелось стать архитектором. Лиза занялась рисунком, и за год так преуспела, что с первого захода поступила в престижный архитектурный. Наделенная отличной памятью и собранностью, она легко схватывала все предметы, и оказалась в ряду первых студенток. Но, с другой стороны, Господь, одарив ее такими неординарными способностями, позабыл позаботиться об ее умении толково житейски мыслить, анализировать поступки и делать разумные жизненные выводы. Лиза, уверенная в своей исключительности, постоянно главенствовала в обществе, совершенно не заботясь о том, какое она производит впечатление, при этом порой несла такие глупости, что начинала всех раздражать, особенно мужа Бориса.

Но именно Лизе они были обязаны тем, что сидели сейчас в Америке. К моменту развала Союза и, якобы, наступившей демократии, у Лизы осталось много школьных друзей, закончивших ИнЯз, и именно через них она и познакомилась с американцами, которые им всем сделали вызов в Америку. Остальное, как говорится, история... И теперь они все – те, кто не побоялся сдвинуться с насиженного места, сидят вместе по другую сторону земного шара. Почти все: жене их третьего друга, Толи, так и не дали визу, поэтому Толя сидел сумрачный и молчаливый, он даже не сделал вид, что обрадовался Анне – как будто она была частично виновата в том, что ее с ребенком выпустили из страны, а его Люду – нет. Было жалко его, особенно с позиции собственной удачи, тем более он был всегда самый симпатичный Анне человек из всей компании Андрея.

Анна привезла всем подарки от родственников из России: хрустальные стопочки для водки (две из которых тут же разбились), шоколад для Олега, сына Лизы и Бори (на который он даже не посмотрел), баночку икры и еще много совершенно ненужных вещей, которые с таким трудом доставали в нищей России. Единственной ценностью оказались письма и фотографии для Толи от его жены, и для него же – золотой крестик на цепочке.

Кроме своих, в гостях оказалась незнакомая Анне пара, Вова и Мила. Как выяснилось из общих разговоров, они примкнули к их привычной, давно сложившейся компании несколько месяцев назад. Кажется, они выиграли green card по лотерее, оба были экономистами и уже работали почти по специальности, хотя жили пока у русской старушки. Анне с первой минуты не понравилось присутствие посторонних людей, вдобавок ее раздражало, что муж и жена оба, как заведенные, жонглировали незнакомыми Анне словами и понятиями, типа insurance, benefits, и постоянно приводили какие-то цифры. Их задорная эрудированность на тарабарском языке казалась скучной и назойливой, но, только позже до Анны дошло, что все непонятные разговоры велись в основном для нее, чтобы произвести впечатление на новичка.

Да и сама пара не понравилась Анне. Вова был, явно из того, почти совсем забытого круга «друзей Игоря Мейера»: с таким же апломбом, самоуверенностью и инфантильностью в одном лице. У него была довольно пригожая наружность, особенно притягивал бархатный взгляд светло-карих глаз, но что-то чудилось в фигуре и в лице как будто немножко непропорциональным (слишком большой рот и чересчур узкие плечи?), что делало его похожим на Буратино. Мила – его жена, несмотря на все старания, выглядела совсем не «мило»: небольшое лицо с острым носом, темные пристальные глаза и надменное выражение лица, – при совершенно ординарной наружности такие женщины на родине почему-то имеют репутацию «знающих себе цену».

Вдобавок, у супругов прослеживались видимые на глаз напряженные отношения: они оба согласно говорили о своей успешной американизации, о смысленности сына (у них был мальчик примерно такого же возраста, как и Соня), но когда обращались друг к другу, что-то тяжелое повисало между ними. Закончились посиделки тем, что Вова напился больше всех и стал открыто приставать к Анне; всем стало неприятно, хорошо хоть Андрею хватило выдержки свести всю некрасивую сцену на шутку – он помнил, что Анна не переносит мужчин такого типа и поведения; но Мила всерьез рассердилась и обиделась на мужа, и поспешила увести его домой.

Дальше сидели привычным своим кружком, посмеялись над Вовой и его ревнивой женой, а потом Лиза повела Анну на кухню, чтобы «немножко посплетничать», и, действительно, вывалила на Анну поток информации: что и где покупать, какие здесь носят джинсы, какие у них с Борей доходы, как их сын до сих пор не любит школу, и что им нужно будет переехать в район, где школы лучше, и какой он способный, особенно в математике, и дальше: об особых сковородках, дантисте, и о каком—то Николае на работе. Она так простодушно радовалась приезду Анны, ей наскучило быть одной среди мужчин, – поэтому она и привела Вову и Милу в компанию, но «они оказались немножко странные, хотя и ничего».

Анна устала и ей уже хотелось домой (как быстро она стала считать дом Мирохиных домом!), Соня уснула на диване, и еще предстоял неблизкий путь в ночи, да и после таких интересных и необыкновенных дней Анну утомлял и раздражал разговор о каких-то дурацких мелочах, хотя она и сочувствовала Лизе в ее желании выговориться. Андрей тоже утомился и вскоре пришел за Анной на кухню, чем спас ее от бесконечной Лизиной экзальтации. Отговорившись тем, что теперь они никуда не денутся, и у них впереди много времени для общения, они посадили сонную Соню в машину и поехали в свой новый «дом».

К слову сказать, у них с Лизой так и не получилось «многих встреч» в новой жизни, каждому из них был уготовлен свой путь, и вскоре от их дружных посиделок остались только нечастые звонки по телефону...

В понедельник начались будни. Анна приступила к работе. Скажем прямо, работы, как таковой, не было: спуститься после ухода Галины вниз, зайти к Ники, пожелать ему доброго утра, спросить, что он хочет на завтрак (тут вариации из трех: хлопья с молоком, теплую овсяную кашу из пакетика или же, чаще всего – «он пока не голоден»). Иногда, когда он уставал от телевизора, то хотел, чтобы Анна поговорила с ним (говорил он один), дальше – обед (чаще всего тунец из банки с соевым соусом) и все. Ей даже не нужно было сидеть у него в комнате, просто быть у них на этаже. Ничего сложного, но как тягостно оказалось такое бездельное многочасовое сидение среди грязи, вони и бардака. Анна в первый же день решила понемножку постепенно прибирать дом. Но Галина, заметив более – менее чистые участки в доме, отреагировала очень неожиданно. Она, как всегда, с извинительной улыбкой, сказала Анне, что не стоит ничего трогать с мест, а то «Ники переживает, когда не находит нужную вещь». Что в переводе Андрея означало: «Галина боится, что ей придется тебе платить дополнительные деньги, она не понимает, что тебе просто противно находиться в грязи». Пришлось смириться с грязью; единственное место, где она действительно навела порядок, была кухня. Кухней никто, кроме нее, не пользовался, и она перемыла всю посуду, вычистила холодильник от прошлогодних продуктов, и чаще всего проводила там весь день. Еще Ники как-то упомянул, что он любит борщ, и Анна взяла за правило пару раз в неделю варить борщи, что всем понравилось: Ники действительно съедал теперь каждый день тарелку любимого супа, а Галина радовалась, что они нашли подходящую для Ники еду. Сама она по-прежнему питалась пиццей, китайской едой и тортами у себя в комнате.

Все это было терпимо; ужас случился на третий день. Ники вдруг попросил Анну потрогать шишку. У больного была злокачественная опухоль – саркома, и на спине около правой лопатки выпирал довольно большой нарост, заметный даже через одежду. По прогнозам врачей у пациента после сеансов радиации постепенно должно было произойти размягчение опухоли, и потом, при удачном раскладе, она должна бы совсем исчезнуть. Мысли о состоянии шишки справедливо волновали Ники больше всего. Но, как бы в насмешку над ним, больной сам никак не мог проверить результат лечения. И на третий день он, по его понятиям вполне резонно, попросил Анну потрогать его tumor. Она не сразу поняла значение слова, а Ники уже повернулся к ней спиной и задрал пижаму. Анна остолбенела от ужаса и отвращения: на белой дряблой спине совершенно неестественно торчала шишка величиной с картофелину, обтянутая такой же белой кожей. Анна почувствовала, как к горлу подступает тошнота, – чувство брезгливого отвращения оказалось сродни тому, как если бы Ники вдруг снял штаны и попытался потрогать его член.

Она пробормотала что-то, кажется, – «ей нужно помыть сначала руки», побежала в ванную, включила воду, и постояла там в нерешительности. Потом опомнилась, увидела, что стоит в грязной вонючей ванне Митрохиных, двумя пальцами осторожно закрыла кран и пошла на кухню. Там она действительно вымыла руки, решила, что выхода у нее нет, схватила коробку с салфетками и пошла назад к Ники.

Тот так и сидел с задранной пижамой, и шишка торчала так же безобразно, но Анна уже пришла в себя. Она сказала Ники, что у нее холодные руки и она лучше потрогает опухоль через тонкую салфетку, чтобы ему было приятнее. И, не дожидаясь ответа, схватила из коробки несколько салфеток, накрыла ими шишку и уже более хладнокровно стала осторожно жать ее. На деланно-равнодушный вопрос Ники: «Ну как там, все еще твердая?», Анна уже спокойным голосом ответила, что ей трудно сказать, ведь она не знает, какая она была прежде. И тут же спохватилась, подумала, что нужно было сказать, что шишка уже мягкая, пусть больной пора-

дуются. Но Ники, похоже, остался довольным: теперь Анна будет знать, как было на сегодняшний день и сможет наблюдать за будущими изменениями.

В первое время Анне казалось, что она никогда не привыкнет к жуткому виду неестественного нароста на спине, но, к своему удивлению, совсем скоро стала смотреть на шишку совершенно спокойно, хотя и продолжала трогать ее через салфетку, пока не обнаружила в аптеке одноразовые перчатки. Вообще, она быстро свыклась со своей новой ролью, только временами на нее вдруг накатывал приступ тоски, и в голове проносилось: «Боже мой, почему я здесь, что я тут делаю?», но такие минуты возникали редко и быстро проходили под влиянием волшебной фразы: «это временно, нужно потерпеть».

Галина и Ники относились к ней хорошо. Галина радовалась, что Анна пришлась по душе капризному Ники, и что с ней можно вечерами побеседовать по телефону. Ники нравилось, что Анна спокойная, он устал от чужих (Галиных) эмоций и откровенного безразличия к его положению, нравилось, что Анна готовит ему борщи, следит за его опухолью и слушает его жизненные мудрости. Всеми заброшенный, он не подозревал, что слушать его мудрости оказалось для Анны тяжелым бременем, одной из неприятных обязанностей, из разряда «что делаешь – терпи». Ники, то ли под влиянием болезни, то ли по натуре – а скорее всего, от того и другого вместе, был совершенно мрачным человеком. Вся его мудрость, честно говоря, сводилась к одной фразе: «В Америке зад свой не подставляй...». Анна просто не могла переносить ни его примеры из жизни, ни его философские выводы. Она только что приехала из мрачной безнадежной страны в Америку, чтобы начать строить новую светлую жизнь, и тут тебе этот больной мрачный старик – неудачник поучает тебя, как жить в новой стране.

Она так и не смогла примириться с мрачным пессимизмом Ники и через это не смогла по человечески пожалеть бедного и одинокого старика, так и воспринимала до конца общение с ним, как неприятную работу. Самое интересное, что потом она не раз вспоминала его фразу по поводу «не подставляй» – в ней действительно оказалась немалая доля правды. И еще: годы спустя, сама оказавшись в тяжелом положении, ей стало стыдно за себя ту, молодую и эгоистичную, за то, что у нее не нашлось тогда жалости и сочувствия к умирающему человеку...

Андрей с облегчением сбросил заботу о Ники со своих плеч, ему нужно было наконец то закончить составления application for asylum – заявление в иммиграционные службы на политическое убежище. Большой труд в несколько десятков страниц был уже написан и вчерновую переведен все той же незаменимой Лизой, и теперь осталось только, чтобы его отредактировал человек, для которого английский – родной язык. И тут не обошлось без Лизы; через свое Русско – Американское содружество она нашла для Андрея волонтера – американку Лорен, которая предложила свои услуги. В то время еще не угас интерес к недавнему врагу Америки – бывшему СССР, поэтому американцы нередко помогали русским адаптироваться в новой стране.

Андрей уже отдал Лорен свой труд, и, похоже, рассказанная там история жизни молодой семьи заинтересовала своей необычностью американку, настолько, что та часто встречалась с Андреем и расспрашивала его о жизни в России. Когда приехала Анна с Соней, ей захотелось встретиться и с ними...

И вот, неделю спустя после их приезда, в субботу, Лорен появилась у них в гостях. Андрей сразу же пригласил ее наверх, извинившись за грязь на первом этаже – ему было стыдно, но Лорен не поняла, почему он извиняется за чужой стиль поведения, ведь у них на этаже чисто и довольно уютно. Анну совсем не радовала подневольная встреча с незнакомой женщиной, после первой недели работы ей хотелось отдохнуть и провести выходные втроем. Но, в то время она полностью доверялась Андрею. Она верила, что он уже успел за полгода

адаптироваться в Америке, более менее уверенно ориентируется в новой стране и знает, что лучше для них.

Анна вообще по-новому глядела на Андрея. Все эти месяцы у нее сохранялся образ мужа, расцветенного разлукой до идеала – родного и близкого, любящего, веселого, остроумного, заботливого и верного, и главное, своего. Но, оказалось, что она успела немножко отвыкнуть, так, что теперь смотрела на него слегка со стороны. И то, что она увидела, не разочаровало Анну, напротив, ей польстило, что Андрей вполне органично вписался в новую страну. Его слегка удлиненное лицо, голубые глаза и открытая улыбка естественно делали его похожим на типичного американца, и Анна даже внутренне возгордилась, что у нее такой муж – симпатичный, умный, самостоятельный.

Андрей немножко рассказал ей о Лорен, – что ей где-то лет сорок и она преподает английскую литературу в старших классах. После такой информации Анна ожидала увидеть классическую училку, что-то типа Валентины Павловны лет пятнадцать назад. Каково же было ее изумление, когда на лестнице вслед за Андреем появилась одна из тех прекрасных инопланетянок: стройная, в джинсах в обтяжку, с длинными светлыми волосами до плеч и ослепительной улыбкой кинозвезды. Анна растерялась и почувствовала себя гадким утенком рядом с такой красавицей. Лорен уверенно протянула руку для пожатия, назвала себя, и Анне оставалось только ответно пожать ей руку и тоже представиться. Потом Андрей познакомил ее с Соней, та засмушалась, насупилась, а Лорен произнесла «so pretty». На этом более менее сносная часть приема закончилась. Ситуация для Анны складывалась неестественная и неприятная: она почти не знала английского, абсолютно не понимала Лорен и не знала, как себя вести в ее присутствии. Андрей переводил Анне отдельные фразы, Анна односложно говорила yes или no, сидела напряженная, внутренне злясь на себя и на Андрея за такое «чудесное» знакомство и ждала, когда же все закончится. Самый радостный момент из всей встречи для нее настал, когда Лорен наконец-то поднялась с дивана и сказала, что она была очень рада познакомиться с Анной и Соней; эту часть Анна поняла и согласно закивала в ответ, как китайчик, и так же радостно сказала good bye, в надежде, что знакомство их на этом закончилось.

Но, как оказалось, обрадовалась она зря. Через пару дней Андрей, сделавший вид, что не понял настроения жены, объявил, что она и Соня очень понравились Лорен, и та хочет повозить их по интересным местам, чтобы они поближе познакомились с американской жизнью. Видя, как Анна протестующе напряглась в ответ, добавил миролюбиво, что общение с Лорен поможет ей раскрепоститься с языком. Вполне логично, хоть Анну немножко задело, что Андрей не спросил ее мнения.

Весь следующий месяц вечерами и в выходные Лорен заезжала за ними и возила в музеи, в детские парки, на ярмарки. Когда Андрей не мог ехать – ему дали небольшую работу от компании, где работал Борис, то они ездили без него, втроем с Соней. Анне по-прежнему было неуютно с Лорен, она не понимала ее из-за языкового барьера и чисто по человечески – новая знакомая так и оставалась для нее инопланетянкой с загадочным менталитетом.

Скоро, правда, Анна разглядела, что Лорен действительно не так молода, да и не красавица, просто хорошо сохранившаяся тетка с традиционной американской улыбкой на лице. Вдобавок, вопреки самоуверенному виду, она оказалась неожиданно откровенной и дружелюбной, не кокетничала и правдиво отвечала на все щекотливые вопросы. Но этого было мало, чтобы действительно подружиться. Главное, Анна не понимала, почему Лорен тратит все свободное время на нее и Соню, для нее самой были в тягость визиты «подруги» и совместные поездки по интересным местам. Получалось, что у Анны кроме прямой обговоренной работы – общением с Ники (и вечерами с пьяной Галиной), вдруг появилась дополнительная, тоже неприятная работа — дружба с Лорен. Конечно, она была благодарна, что Лорен переводила их бумаги, помогала им, но зачем ей нужна была она, Анна?

Но дружба продолжалась. Более того, она вдруг пригласила их на празднование Дня благодарения к своей тете. Анна всячески отнекивалась, ей совершенно не улыбалась идея провести дополнительный выходной вместе с Лорен и ее тетей. Но Андрей уговорил ее, сказал, что ей не стоит дичиться, лучше быть более открытой к новой жизни, культуре, праздникам. Анне пришлось согласиться.

Впоследствии Thanksgiving станет один из любимых Аниных праздников, как и для большинства американцев. Но тот первый праздник тоже навсегда останется в памяти, как один из самых неприятных дней...

В тот день они, как им было сказано, поехали к тете Лорен к четырем часам. Жила тетя недалеко, в соседнем городке. Они без труда нашли улицу и дом, позвонили в дверь, украшенную венком из осенних листьев. Дверь открыла очень пожилая седая женщина и немножко недоуменно уставилась на них. Анне тут же захотелось повернуться и убежать, Андрей тоже немножко смутился, стал что-то говорить про Лорен, слово Thanksgiving он забыл, то что они приглашены, он тоже не решался сказать – а вдруг они ошиблись и это не тетя Лорен. Как выяснилось – действительно, это была не тетя; женщина крикнула вглубь дома и показалась другая пожилая женщина, более осанистая и помоложе, теперь уже действительно тетя. Настоящая тетя изобразила на лице приветливую улыбку, представилась – звали ее Джен, пригласила в гостиную, сказала, что рада их видеть, и что Лорен еще нет, и она, к сожалению, вынуждена их оставить одних, – у нее в кухне готовится обед. Вторая женщина тоже ушла – помогать тете. Они уселись на диван и молчали: Анна с немым укором, Андрей – с независимым видом. Даже Соня молчала, ей объяснили дома, что едем в гости, и она не понимала, почему они оказались совершенно одни в чужом доме. Правда, любопытство не оставило ее, она исподтишка рассматривала комнату, камин, картину над ним и статуэтки на каминной полке.

Сидеть пришлось минут пятнадцать, показавшимся им вечностью. Наконец — то прозвучал звонок, и тетя поспешила к двери – слава Богу, это была Лорен. Вся извинявшись, она сообщила, что забыла дома пирог и пришлось возвращаться за ним с полдороги. Посидев с ними пару минут, она пошла к тете, чтобы помочь ей накрыть стол. Они опять остались одни, правда, столовая была прямо рядом с гостиной, и они видели, как Лорен бегала из кухни в столовую, расставляя тарелки и приборы, ободряюще кивала им головой и опять исчезала. По всему дому разносился аромат зажаренной индюшки, Соня тихонько пожаловалась Анне, что она хочет есть, Анна так же тихонько велела ей потерпеть.

Уже начинало темнеть, когда их наконец-то пригласили к столу. Сустились женщины не зря – их взору предстала сервировка, достойная королевского приема. Стол, застеленный праздничной скатертью – осенние листья на бежевом фоне, приглушенно освещался большой люстрой, создавая атмосферу уюта, у каждого прибора стоял подсвечник в виде тыквы с оранжевой свечкой, и посередине стола – ваза янтарного стекла с декоративными плодами. Тарелки и салфетки были в той же осенней гамме. На столе уже стояло несколько больших блюд (как выяснилось потом, с приготовленными овощами), соусница, еще небольшая вазочка с чем-то красным, похожим на варенье – и все. Лорен подсказала, где им лучше сесть, и после того, как все расселись и наступила напряженная тишина, тетя внесла гигантскую запеченную индюшку. Пир начался.

Они сидели за столом странной компанией: две пожилые женщины (вторая оказалась одиночкой подругой тети), Лорен, их дальняя родственница лет пятидесяти и они втроем. Парадность сервировки, по мнению Анны, никак не сочеталась с едой: зеленые бобы с луком, брюссельская капуста, странная запеканка из хлеба. Единственно съедобным казались сама индюшка с подливкой и картофельное пюре. Да и то, когда Анне передали вазочку с красным желе и объяснили, что это клюква, и Анна послушно, как все, положила ее на кусок индюшки,

то ее чуть не вырвало: мясо птицы и варенье, пришлось тихонечко соскрести клюкву в сторону. Соня съела только кусочек индюшки и пюре, от всех остальных деликатесов она решительно отказалась.

Зато все остальные с удовольствием поглощали наготовленные блюда и нахваливали их так, как будто на столе было действительно что-то необычайно вкусное. Анна не могла понять: почему среди такого продуктового изобилия в магазинах нужно в большой праздник есть скучные овощи и индюшку с вареньем. Когда пришло время для сладкого, их спросили: какой пирог они предпочитают – яблочный или тыквенный, она, не задумываясь, тут же выбрала яблочный для себя и для Сони, и удивлялась, что вся американская часть стола ела и восхищалась тыквенным пирогом (за которым Лорен пришлось вернуться с полпути).

Но самым неприятным оказалась не еда, – о вкусах и традициях не спорят, а странная компания, в которой они очутились по милости Лорен. Анна чувствовала себя совершенно чужой на чужом для нее празднике, Андрей старался как-то вести разговор, но у него тоже получалось неловко: его английский был не настолько хорош, чтобы поддерживать беседу в незнакомом обществе. Пожилые американки, когда обращались к ним, говорили медленно и почему-то громче обычного, как будто их так лучше поймут. Лорен старалась больше всех – ей так хотелось, чтобы им было комфортно и чтобы понравилась еда и сам праздник, но своими чересчур задорными восклицаниями действовала на нервы больше всех. Анна буквально считала минуты до того момента, когда можно будет поблагодарить за чудный праздничный ужин и откланяться. Андрей, вне сомнения, понимал ее настроение, но старался не замечать, и продолжал играть роль благодарного гостя, общаясь уже в основном только с Лорен – благо все расслабились, и пожилые американки стали обсуждать что-то свое. Он подливал себе и Лорен вина – Анна больше не хотела, и, казалось, не видел умоляющего взгляда жены с немой просьбой поскорее уйти.

Все кончается, в конце концов закончился и их визит. Анна всю дорогу назад молчала, Андрей делал вид, что все прошло замечательно, Соня наконец-то разговорилась, и полились ее нескончаемые вопросы и мудрые рассуждения по поводу увиденного, Андрей с показной радостью общался с дочерью, чтобы не чувствовать молчания жены. Так, «усталые, но довольные» они вернулись в дом Митрохиных. Анна, совсем выжитая физически и психически, мечтала только, чтобы поскорее уложить Соню спать и самой лечь в кровать и посмотреть – не понимая, какой-нибудь фильм.

Но неприятный день продолжался. Галина, услышав, что они вернулись из гостей, тут же набрала их номер, и в трубке раздалось традиционное «ну, как вы..». Голос у нее был, конечно, нетрезвый. С настойчивостью пьяного человека она начала выспрашивать, понравилась ли им индюшка, и какие овощи были у них на столе и какой пирог подавали на десерт. Анна послушно, ровным голосом отвечала на все ее вопросы. Удовлетворив любопытство, Галина рассказала, что она заказала им с Ники праздничный обед в ресторане, и поделилась радостью, что Ники съел половину куска индюшки и поел овощей, правда в этот раз у них в меню почему —то не было его любимого sweet potato, а тыквенный пирог оказался суховатым. И дальше пошел разговор о Никиных приоритетах в еде, плавно перетекающий в заботу о Ники, и заодно подключились просто отвлеченные вещи – Галина решила устроить себе удовольствие в честь праздника – общение на пару часов с подневольной Анной; так долго и так откровенно Галина еще ни разу не позволяла себе говорить. Анна слышала, как речь Галины становится все более бессвязной, она знала, что Галина параллельно разговору опустошает бутылку вина, и терпеливо ждала, когда та уже будет не в состоянии продолжать беседу.

После того, как Галину наконец-то сморил богатырский сон, и до их комнаты донеслись характерные раскатистые звуки, Анна молча прошла мимо сочувствующего взгляда Андрея, легла ничком на кровать и разрыдалась громко, истерично, с подвываниями – так, что, навер-

ное, слышно было и внизу – если бы там было кому слушать. Андрей сначала бросился утешать, но потом даже испугался истерики жены, он никогда еще не видел Анну в таком состоянии. Он принес ей воды, силой заставил выпить полстакана, потом сидел рядом, гладил по спине и говорил тихонько ласковые слова: просил прощения за черствость и, вообще, за все. И, действительно, в его словах чувствовалась и любовь, и забота и раскаяние. Раскаяние было очень трогательным и искренним, – Анне даже стало неловко, что Андрей так тяжело переживает свою вину, ведь он не виноват (ну, разве, самую малость) в том, что получился столь непереносимо тяжелый день. Постепенно Анна успокаивалась, – жизнь уже не казалась сотканной сплошь из горечи и обид, и вскоре даже улыбнулась сквозь слезы торжественно-серьезной фразе Андрея, что он «больше не позволит Анне так расстраиваться». День, прошедши так паршиво, заканчивался на хорошей ноте. Ах, если бы на этом закончились бы все их беды...

Документы для эмиграционных служб были оформлены, проверены и отправлены. Оставалось ждать официального разрешения на работу, и они немножко расслабились. Андрей сделал за cash небольшую работу для компании Бориса, в результате чего у них появились небольшие деньги для ремонта машины (уже!) и для мелких радостей в виде Макдональдса, Барби для Сони и прочих недорогих развлечений. Лорен по-прежнему приходила в гости и всегда готова была их сопровождать, но, к удивлению Анны, Андрей теперь сам старался избегать ее визитов. Анне, с ее щепетильностью, показалось такое его поведение непонятным и даже некрасивым: ведь Лорен действительно помогла им с документами, а теперь, когда ее помощь больше не нужна, Андрей, похоже, не хочет продолжать с ней знакомства. И она уже сама соглашалась на дружбу с Лорен, чтобы сгладить неловкие моменты с переменной настроенности Андрея. Они теперь иногда вдвоем ездили в магазины с женской одеждой или сидели в кафе, и Лорен терпеливо общалась с Анной, пытаясь помочь ей с разговорным английским. Как ни странно, Анна даже начала привыкать к Лорен, как свыкаются с новыми родственниками, хотя та по-прежнему ставила ее в тупик своим менталитетом: например, она могла сказать что-нибудь откровенно нелестное о себе или отвесить неожиданный комплимент в адрес Анны – причем за ее фразами не чувствовалось задней мысли понравиться или сделать приятное, так – походя – констатация факта. Как-то раз, увидев Анну в короткой юбке, Лорен сказала ей, что у Анны очень красивые ноги. Анна смутилась и не знала, как реагировать: во-первых, она всегда считала, что у нее слишком тонкие ноги – что было правда по российским меркам, а во-вторых, для нее было непонятно, как одна женщина может так беспечно сказать другой о ее достоинствах – тоже было непривычно по российским меркам. Несмотря на такие странные мелочи, Лорен уже не казалась Анне человеком с другой планеты, и она смирилась с мыслью, что в их жизни отныне будет присутствовать американская подруга Лорен.

...Беда пришла в виде обычного телефонного звонка. Звонила Лиза; они первое время часто перезванивались, Лиза на правах старожилки по-дружески давала Анне советы, расспрашивала о их житье – бытье, рассказывала много о себе и о Боре, еще больше об Олеге; за неимением частых встреч (жили они не очень близко) Лиза старалась почаще звонить днем, зная, что у Анны много свободного времени.

И в этот раз она начала с обычной невинной болтовни, рассказала, что у них был Толя в воскресенье в гостях и что они перепились с Борисом, так, что Толе пришлось остаться у них ночевать, и дальше что – то смешное на тему русских посиделок. Анна слушала и смеялась, и даже не сразу заметила, что Лиза вдруг переменила тон на серьезный и говорит что-то об Андрее. В сердце неприятно заныло – оно откликнулось раньше, чем включилось понимание. А потом ей захотелось положить трубку, чтобы не слышать продолжения, но она так и сидела, уставившись на грязный стол и слушала Лизу, заранее зная, что та скажет.

А Лиза говорила о том, что она случайно услышала, как пьяные Борис и Толя обсуждали отношения между Андреем и Лорен. Лиза тут же извинилась за то, что стала вестницей такой неприятной новости, и что не ее дело влезать в чужие семейные дела, но она, конечно, на стороне Анны и против того, чтобы их, женщин, дурили, тем более – это она, Лиза, познакомила Андрея с Лорен и, получается, что она тоже немного виновата. Анна молчала, а Лиза пыталась свести свой разговор к банальному «не бери близко к сердцу, всякое бывает», но, не слыша реакции со стороны Анны, спешно и скомканно закончила разговор и положила трубку.

Анна тоже осторожно положила трубку на телефон и сидела молча, глядя на тот же грязный стол. Она ничего не думала, ей только было очень-очень плохо. Как будто жизнь кончилась. Она поняла в тот момент, что жизнь действительно может кончиться при жизни, и это то, что случилось с ней. Как будто из души вынули большое и главное, и на месте того большого стало пусто и тоскливо. Как тяжело проживались минута за минутой... Сколько их ей еще отмерено в жизни – и уже всегда так тяжело?.. Самое невыносимое – что она осталась одна в этом новом мире (Соня не в счет), и не знает, как же ей жить дальше. У нее даже нет денег на билет назад, да она и не хочет назад, но и оставаться здесь после всего уже тоже невозможно...

Так и сидела она, застывшая, не думая, что уже время обеда, и хорошо бы покормить Ники или хотя бы справиться о его самочувствии, забыла, что наверху Соня сидит уже какой час в пижаме перед телевизором, неумытая и голодная; все стало неважным и ненужным, она очутилась в тоскливом и мрачном безвременьи.

Вдруг она услышала знакомые шаги и увидела, что в столовую входит Андрей. Он как-ни-в-чем-не-бывало улыбнулся ей, и она, прозревшая, наблюдала, как он умело делает вид, что рад ее видеть. «Боже мой, как гадко и противно, а она сама – доверчивая слепая дура». Анна подняла на него тяжелый взгляд, в котором сконцентрировались обида, презрение и ненависть одновременно. Андрей испугался:

– Анна, ты что?... Что случилось?... Что-то с Соней?... – но увидел, что Анна отрицательно качнула головой, выдохнул с облегчением, – как ты меня испугала, ты даже не представляешь.

Но видя, что Анна по-прежнему молчит и смотрит на него с презрением, начал догадываться о причине, все еще надеясь, что он не прав. Он ласково взял Анну за руку и хотел приобнять ее привычным жестом, но Анна с брезгливостью отстранилась от него. Андрей покорно сел на соседний стул и уже виновато спросил: – Анна, ну что с тобой, ну нельзя же молчать... Скажи, что случилось, и мы с тобой поговорим.

«Мы с тобой» резануло Анну, она вспыхнула на этих словах, посмотрела ему прямо в глаза, улыбнулась с насмешкой и горечью, и выдавила из себя: – Не ломай комедию, противно. Прибереги свое мастерство для Лорен. И оставь меня, пожалуйста... Видеть тебя не могу..., – сама того не ведая, она повторяла типичные фразы обманутых женщин.

Но, в ее голосе было столько неприступной ненависти и презрения – такой жену Андрей еще не знал и не представлял, – он понял, что самое правильное для него сейчас действительно молча уйти.

Вот и все: Анна смотрела, как уходит ее самый родной человек, виновато, со сгорбленной спиной, знающий, что предал ее доверие, ее любовь, ее надежды. Уходит и оставляет ее одну с горем, одиночеством и пустотой...

На ее счастье по коридору зашаркал Ники и заглянул в столовую. Он виновато посмотрел на Анну и проскрипел: – Я, похоже, заснул и не слышал, как ты заходила (Анна не заходила к нему), не осталось ли там вчерашнего борща?

Анна востропала, посмотрела на часы: было почти три часа дня. Бедный Ники сидит весь день голодный. Она вскочила, побежала разогревать борщ, а потом сидела у него в спальне, и пока он ел, смотрела вместе с ним программу новостей. Ники обрадовался, что Анна не уходит, и стал объяснять ей что-то по поводу политических дебатов на экране. Анна послушно кивала, и в тот момент впервые смотрела на него с сочувствием, видя в нем родную душу такого же одинокого и ненужного никому существа. Потом пошла на кухню и медленно перемыла посуду, всячески оттягивая момент, когда ей нужно будет идти наверх...

Стрелки часов приближались к пяти. По их обоюдному негласному уговору с Галиной они не сталкивались вечерами. Анна уходила наверх в пять часов, а Галина приезжала минут через пятнадцать. Галине не хотелось никого видеть – ей нужно было срочно заказывать delivery, она не могла терять драгоценное время на разговоры. Анне в свою очередь не хотелось видеть Галину, в трезвом виде у той всегда был слегка виноватый вид, – женщина она была неглупая, и стыдилась своих пьяных телефонных откровений.

Сегодня впервые Анна не обрадовалась желанному освобождению от своей незavidной службы, – она не хотела видеть Андрея, не хотела даже видеть смешную Соню, единственным желанием было залезть в темную нору и завывать тихонько, чтобы ее никто не слышал. Но норы не было, и, даже чтобы уйти из дома, ей пришлось бы подняться наверх за курткой – по вечерам уже было прохладно. Но куда идти – дом Митрохиных находился среди одноэтажной Америки в небольшом городке, и до ближайшего культурного центра нужно было ехать на машине. Андрей уже учил ее водить, но прав у нее еще не было. Да и куда бы она поехала – она до сих пор шаркалась от любого американца, не понимала их разговор и с трудом сама изъяснялась простыми заученными фразами.

Но, выбирая, между чужим миром и предстоящими объяснениями с Андреем, она предпочла первое. Район их безопасный, можно просто походить по улицам, полюбоваться на праздничные декорации. Близились Рождество, и Америка превратилась в сказочную картинку. Каждый дом, за редким исключением, сверкал полосками огней на крышах, спиралями закручивались невидимые стволы деревьев, у некоторых домов стояли светящиеся снеговвики, пингвины, олени, а кое – где даже целые сцены с Девой Марией, волхвами и младенцем – Иисусом. Они любили ходить с Соней по соседским улицам и любоваться декорациями – поневоле на душе становилось радостно даже у нее, а Соня как будто попадала в чудесную сказку, своего рода бесплатный Диснейленд...

Анна поднялась по узкой лестнице наверх, тихонько прошла в спальню, взяла куртку, и уже на выходе ее увидела Соня и радостно закричала: – А папа мне купил гамбургер с курицей и милкшейк.

Потом увидела в руках у Анны куртку и спросила: – Мы идем гулять? Вдвоем или с папой?

Анна стала было объяснять Соне, что ей нужно одной срочно сходить по делам, а завтра они погуляют все вместе. Но момент был упущен: Андрей загородил лестницу, взял у нее куртку из рук и сказал: – Не ходи одна, уже поздно. Я тут взял Соне The Wizard of Oz, она пока посмотрит, а мы с тобой ходим «по делам».

Делать было нечего, не устраивать же сцену перед ребенком, пришлось согласиться, и они «дружной парой» спустились на улицу. Анна тут же зло вырвала куртку из рук Андрея и сказала сквозь зубы:

– Не противно ломать комедию, заботливый муж? Оставь меня, дай мне побыть одной... Я не могу видеть тебя, неужели ты не понимаешь.

И ринулась к переходу. Но Андрей не отставал от нее, он обогнал Анну и резко перегородил ей дорогу так, что она чуть не уткнулась ему в плечо. Он схватил ее за руку, чтобы она не убежала и быстро заговорил:

– Анна, подожди, ну куда ты пойдешь, я не могу тебя отпустить, ты заблудишься в темноте. А дальше что? Подумай хотя бы о Соне... Она же не виновата. Вернись домой, я тебя очень прошу. Не хочешь меня видеть – я уеду... Если ты не готова пока меня выслушать...

– Что слушать? – взорвалась Анна: – О твоей любви ко мне и к дочери? Как ты нас ждал, дни считая. Чтобы сбросить на меня Ники? А самому проводить приятно время с очаровательной американкой... Главное, без лишних трагедий и комплексов – все мы друзья – ты, Лорен, я, можно еще кого-нибудь пригласить. Пусть все завистники хихикают над нами – мы выше этого... Сегодня ты с кем проводишь ночь, со мной? Спасибо. А с Лорен когда, завтра? Чудно. А потом мы с ней вдвоем пойдем в кафе. Как мило, не правда ли. Хочешь составить нам компанию?.. Как все удачно сложилось: чудная новая страна, прекрасные новые отношения... Может, законной жене поначалу покажется странно, так мы лучше ей и не скажем. А если и узнает, какая разница, все равно ей некуда деваться: ни денег, ни языка, ни документов, ни знакомых – никого и ничего.

Анна начала свою речь сухо и зло, но под конец не смогла совладеть с эмоциями, голос у нее сорвался, и она резко замолчала, чтобы не расплакаться от жалости к себе. Она почувствовала внутреннюю усталость и безразличие, и подумала: «Ну, зачем я все это говорю, и без слов все понятно и ужасно». И она горестно замолчала, машинально продолжая идти. Андрей шел рядом, держа ее за руку, как маленькую девочку.

Они молча обошли блок и опять очутились перед домом Митрохиных. Дул сильный холодный ветер, впервые за все время со дня их приезда на улице было промозгло и неудобно, хотелось домой, в тепло. Андрей потянул ее к машине, открыл дверцу и сказал: – Может, лучше посидим немного, согреемся – неподходящий вечер для прогулок.

Она послушно села в машину. Все было плохо, даже погода против нее. Можно, конечно, продолжать терзать себя и культивировать обиду без конца, но, в конечном счете, они оба понимают, что деваться ей с обидой некуда, и рано или поздно нужно будет снизойти до «объяснений». Противно и тошно, но что делать: можно быть гордой и непримиримой, но с оглядкой на реальность, а реальность – хуже не придумаешь. «Боже, как все было хорошо еще вчера. Как дальше жить после всего?»

Андрей включил обогрев в машине, вместе с теплом на Анну накатила усталость от ужасного и долгого дня, захотелось спать – ее мозг уже не мог вместить новых эмоций, наступило оцепенение и безразличие. Она уже смирялась с ролью жертвы, ей вдруг очень захотелось увидеть Соню – единственное родное существо. Станным и неприятным казалось присутствие Андрея, но уже не хотелось умереть и тем самым отомстить ему... Она не любила истерик, – насмотрелась до тошноты в родительском доме, и было немножко стыдно за свой недавний срыв. Хорошо, что не дошло до «выяснения отношений»; все – момент слабости прошел, жизнь продолжается, даже в таком жалком и ущербном варианте.

Анна открыла дверцу машины и пошла в дом. Наверху по телевизору все еще шел фильм, но Соня уже спала на диванчике под бодрые звуки песенки. Личико у Сони было такое родное и милое, такая славная и доверчивая мордашка – Анна чуть не расплакалась от радости и умиления. Она разложила диван, положила спящую Соню и сама легла рядом. Соня во сне обхватила ее за шею, Анна хотела поцеловать ее пухлую ручку и почувствовала, что ладошка у нее липкая и сладкая – дочка сегодня даже не умывалась. «Маме было не до тебя, родная, – подумала Анна, – все-таки нужно взять себя в руки и не распускаться».

И тут она услышала, как по крыше заколотили громкие капли дождя. И совсем скоро дождь зашумел с такой страшной силой, как будто действительно разверзлись небеса, и их дом скоро снесет потоком воды в океан. Стало страшно, – над ними была только досчатая

прослойка крыши, а над ней настоящий ураган. Анна лежала, не могла заснуть и мысленно воссоздавала хронологию событий прошедшего дня.

Уже давно, – Анна не помнит когда, скорее всего с замужеством, у нее появилась привычка в затруднительных ситуациях искать совета у абстрактного собеседника. Таинственный поверенный в бедах вмещал в себя кое-какие черты конкретных лиц: немножко мамы, – той, из далекого детства, немножко – каждой из «лучших» подруг, в зависимости от ситуации, но по большей части оставался существом эфемерным и безликим, но, вместе с тем, мудрым и внимательным. Сегодняшний ночной собеседник состоял еще из Оли – золовка никогда не идеализировала Андрея, что было важным, и Лизы.

Анна рассказала терпеливому слушателю обо всем, что случилось, стараясь быть объективной по отношению к себе и к Андрею. Выговорившись, пожаловалась, что ей очень плохо, – так плохо, как никогда, но главное, ей не хватает поддержки: как ни ужасно сознавать, но она осталась совсем одна перед большим решением, ответственная за Соню и за их будущее... Для убедительности добавила чужую незнакомую страну, незнание языка и отсутствие нужных документов, как бы отстаивая позицию отъезда, – вот тогда Андрею станет плохо, – хуже, чем ей сейчас. Но все ее аргументы, основанные на мести, наталкивались на здравый смысл: «А что, там, в нищей развалившейся России, без Андрея, тебе будет легче? Ты захотела назад? Милости просим, деньги на билет можно скопить, можно даже занять у Лизы, квартира ждет тебя, возвращайся».

Нет, назад в Россию пути не было – нужно учиться жить одной, без Андрея, своими мозгами. Она прислушалась к бушевавшей буре и уже с горьким юмором подумала, что получилось все, как в плохом романе: она узнает об измене мужа, и даже небеса сопереживают ее горю – посылают страшный ураган, и тут неверный муж прозревает и понимает весь ужас им совершенного... Кстати, где он? Она не слышала его шагов, не может же он в такую погоду сидеть в машине. Но тут же приказала себе не переживать за него, прижалась к теплому тельцу Сони и заснула.

С утра она проснулась от радостного визга дочки: Соня увидела спящую рядом с ней маму и пришла в восторг, полезла обниматься и хохотать. Анна тут же, едва отойдя от сна, вспомнила вчерашнее, и сердце противно заныло; но она не могла устоять перед Сониним ликованием, тоже стала смеяться и увертываться от Сониных чрезмерных шалостей. Вот и наступил новый день: их не смело вчерашней бурей, Соня рядом и счастлива, Галина ушла на работу – внизу хлопнула дверь, залаял Декси – совсем уже выжил из собачьего ума – пора вставать и спускаться вниз, к Ники... Жизнь продолжается, как будто ничего и не случилось. Вот только сердце ноет, и так сильно, что хочется тихонечко скулить. Она собралась и даже не заглянула в спальню – так и не узнала, ночевал ли Андрей дома.

Ники встретил ее необычно торжественным видом. Он тут же спросил Анну про вчерашний ураган и сказал, что наконец-то они дождались знаменитых калифорнийских дождей. При этом у него был вид, как будто он лично причастен к устройству вчерашней бури. Анна благосклонно выслушала его размышления по поводу изменения погоды (что поделаешь – раньше и дожди были сильнее и девушки красивее), принесла ему кофе и овсянку, посидела с ним немного за компанию и пошла на свой постоянный пост – на кухню, готовить завтрак Соне и себе.

Она задумалась и не заметила, как на кухне появился Андрей. Выглядел он ужасно: хмурый, небритый, серый, таким он был, только когда заболел. Анна вопросительно и недружелюбно уставилась на мужа, всем видом показывая, что кухня – это ее убежище и нечего ему тут делать. Андрей понял ее взгляд, но не смутился, несмотря на больной вид, настроен он был решительно. Он сказал, что уже покормил Соню и она досматривает вчерашний фильм, и что он был у Ники и предупредил, что им на часок нужно съездить по делам (фантазия не рабо-

тает – опять «по делам»). Тут Анна заметила, что в руках у него ее куртка – значит, он заранее был уверен, что она согласится.

Сегодня новизна новости уже успела притупиться, и к Анне вернулось ее обычное внешне спокойное состояние: она, понимая, что разговор не может не состояться, согласно кивнула Андрею и они спустились к машине.

За ночь заметно изменился и обновился вид улицы: кругом лежали груды листьев, деревья оголились и фасады домов выступили из-за зелени, воздух был все еще влажный, с примесью мокрой листвы и запаха топившихся каминов – не оставалось сомнений, что в солнечной Калифорнии наступила осень – вернее, зима. Несмотря на тягостное душевное состояние, Анна с любопытством смотрела вокруг – ей нравились случившиеся перемены, – декорации ее жизни менялись, под стать ее внутренним переменам.

Оказалось довольно прохладно, и Андрей повез ее в кафетерий при большом магазине. Он удачно выбрал место: там было шумно, бестолково, никому не было до них дела, и в то же время можно было позавтракать – он даже в такой ситуации оставался заботливым мужем.

Анна молча выпила кофе, надкусила несколько раз аппетитную плюшку с ягодами, Андрей сидел с бумажным стаканом кофе и ждал, пока она поест. Молчание затягивалось и начинало раздражать, Анна решительно отодвинула тарелку с плюшкой и вопросительно посмотрела на Андрея. Он тяжело вздохнул и начал, видимо, заранее подготовленными фразами: – Анна, ты же знаешь, что я очень люблю тебя и Соню, – но поймал на себе иронично – неприятный взгляд Анны, вдруг неожиданно для самого себя сказал: – Я виноват перед тобой, сильно виноват.., но, пойми, я молодой здоровый мужчина, шесть месяцев разлуки – очень большой срок. Тут сплошная физиология: она – он не смог сказать Лорен, действительно баба без комплексов, спровоцировала меня слегка, я и поддался... При этом у меня к ней нет никаких чувств, да, похоже, и у нее ко мне нет претензий... Это даже трудно назвать изменой, так: секс ради секса. Я действительно очень ждал тебя, я даже звонил, чтобы ты поторопилась, если сможешь. Она (опять она) мне даже не нравится, ни как женщина, ни как человек...

Анна слушала его сбивчивую речь, и, действительно, верила ему сейчас. Но потом подумала, что он ей выкладывает стандартный набор изменившего мужа: что он любит только ее, а с той, другой – случайность, сплошная физиология. К сожалению, даже факты против него. Она усмехнулась и прервала его монолог: – А после моего приезда как, физиология или психология, или просто банальная измена при долгожданной жене?

– Не знаю, что у нее в голове было.., – медленно начал Андрей, – похоже, решила доказать себе и мне, что для нее присутствие жены ничего не меняет... А я оказался в дурацком состоянии, вроде бы она нам помогает, бумагами занимается. И вдруг я с приездом тебя отвергаю ее услуги,.. ну, не смог сказать «нет», боялся обидеть ее женское самолюбие. Тем более, когда тебя откровенно и настойчиво соблазняют... Я понимаю, что для меня это небольшое оправдание, но при тебе это только один раз произошло, а после Thanksgiving я вообще избегал ее общения. Ну, ты и сама это видела, в последнее время она приходила только к тебе... Мне кажется, что ты ей понравилась даже больше, чем я.

– Надеюсь, от меня «услуг» не потребуется, – спросила Анна и тут же сама покраснела. Андрей непонимающе уставился на нее, и прежде чем он понял, она спешно добавила: – Я пошутила.

Потом подвинула к себе недоеденную плюшку и откусила снова, подумала совсем отвлеченно, что надо бы Соне купить такую же, очень вкусно, она обрадуется. Но тут увидела впереди себя часы и испугалась, что отпущенный ей час уже закончился, сказала «мне пора» и заспешила к выходу. И уже когда подъезжали к дому, сказала: – Позвони Лорен, чтобы она больше не приезжала.

Следующие пару дней они почти не общались, только при Соне, старались, чтобы дочь ничего не заметила. Анна не присматривалась к Андрею, но невольно замечала, что у того совершенно больной вид: осунувшийся, с воспаленными красными глазами, усталым взглядом. Спали они по-прежнему врозь – на радость Соне, и Анна даже не заметила, что на третий день Андрей не вышел из спальни. Только час спустя, когда она понесла завтрак Соне, дочка торжественно объявила ей, что папа заболел и не велел ей заходить к нему, чтобы она не заразилась. Тут до Анны дошло, что, действительно, Андрей последние два дня выглядел хуже некуда.

Она зашла в спальню и увидела, что муж лежит совсем серый под двумя одеялами и дрожит. Он открыл глаза, и во взгляде его была благодарность, нежность и просьба пожалеть его, как у провинившейся верной собаки. Анна стало так жалко его, бедного, больного, что она даже слишком поспешно подошла к нему и положила руку на лоб. Ладонь моментально нагрелась, – наверняка под сорок, и при этом прерывистое, с хрипом дыхание, – похоже на то, что бывало с Соней во время приступов астмы. Стало страшно – вот они, маленькая семья в чужой стране, бесправные и беспомощные, они не могут поехать к врачу – они даже не знают, где тут врачи и как к ним можно попасть и сколько это будет стоить, никому до них нет дела, ведь они даже «не значатся в списках», они вне реального мира, как привидения. И, по иронии судьбы, Лорен, единственная, кто мог бы помочь, теперь уже только случайное и обидное прошлое...

«А если он умрет?», – подумала Анна и тут же рассердилась на себя за глупость, потом со злостью подумала о Лорен, как первопричине их бесконечных проблем. «Дрянь, шлюха, стерва», – она уже не думала о вине Андрея, как будто он болезнью искупил свою вину, но хотелось винить кого-то за мучительно тяжкие последние дни, и вся злость Анны вылилась на недавнюю подругу.

Но, злостью проблему не решить – нужно было что-то делать. Она принесла Андрею горячего чая, развела уксус (нашелся только яблочный) с водой, обтерла лоб и тело, старательно избегая его признательного взгляда, принесла еще одно одеяло и побежала звонить Лизе.

Слава Богу, Лиза была дома. Она обрадовалась звонку – как вы, помирились? И тут же искренне расстроилась из-за болезни Андрея и пообещала приехать. Жар у Андрея немножко спал, и он стал засыпать, но вдруг задрожал еще сильнее и захрипел одновременно, и стало опять страшно; за всю их совместную жизнь Андрей ни разу серьезно не болел, и Анна не представляла, что муж может выглядеть таким жалким и беспомощным, совсем как ребенок; она старалась отгонять от себя плохие мысли, – пережитая недавно трагедия казалась такой далекой и неважной, и она уже винила себя за то, что совсем недавно злилась на Андрея и хотела отмщения, тем самым накликав на него беду. Теперь она молила об обратном: «Господи, помоги, спаси Андрея, Господи, помоги...».

Она металась бестолково между больным Андреем, Соней – опять заброшенной, больным Ники и кухней, и ей казалось, что она сходит с ума. Но вот внизу раздался стук, залаял Декси – это приехала Лиза. Анна обрадовалась ей, как будто пришла не она, а компетентный доктор. Оказалось, что Лиза пришла скорее как добрая фея с медицинской ориентацией: она высыпала из сумки целую гору коробочек и баночек и стала рассказывать Анне, что и как каждая лечит. Мазями следовало натирать больному грудь и горло, красивые вишневые микстуры полагалось принимать от кашля, разноцветные пилюли – от температуры и болей, и были еще витамины и чай. Но, когда Лиза увидела самого больного, его вид отрезвил чересчур благодушный настрой целительницы. Она порылась в сумочке, извлекла из нее початую пачку русских таблеток, дала их Анне со словами: – Все, что я принесла, это лекарства «с полки» – здесь в аптеках свободно продают только самое безвредное, то что обычно нужно при простуде, а все остальное – строго по рецептам... Я боюсь, что у него, – она с тревогой посмотрела в сторону Андрея, – не простуда, а что-то посерьезней, может бронхит, или воспаление легких. Вам бы лучше к врачу, но, я даже не знаю, как и куда; в крайнем случае нужно его везти в Emergency –

но это, действительно, в крайнем случае. А пока попробуй русский пенициллин, у него правда срок годности только что закончился, но, я думаю, это ничего.

Анна растерянно взяла у нее старую потрепанную коробочку, и тут вспомнила, что она тоже привезла с собой несколько пачек антибиотиков, на случай, если у Сони начнутся приступы астмы. Но Соня с их переездом в Калифорнию ни разу не закашляла, и Анна за кучей навалившихся проблем даже забыла и о ее болезни, и о своей постоянной тревоге за ее здоровье.

Она обрадованно побежала в другую комнату и стала рыться в ящичках, ища заветные коробочки. Скоро они с Лизой, как две умелые медсестры, накормили больного антибиотиками, красивыми пилюльками, витаминами, намазали горло мазью, напоили травяным чаем и, немножко успокоенные, пошли к Соне в комнату, чтобы самим попить чаю.

Лиза скоро уехала; наказала держать ее в курсе, а они с Борисом тем временем узнают, где у них ближайшее Emergency, и если – не дай Бог, Андрею не станет лучше, они отвезут его туда. Анна была бесконечно благодарна Лизе за отзывчивость и за реальную помощь. Удивительно, но после ее отъезда Анна почти успокоилась, где-то внутри появилась уверенность, что Андрей выздоровеет. Откуда и почему иногда в ней возникали подобные прозрения, она не знала и никому об этом не говорила, но уже не раз убеждалась, что едва ловимые предвидения всегда сбываются.

И действительно, предчувствие не обмануло: на следующий день температура у Андрея спала, а еще через два дня он уже вылез из кровати, и постепенно стал превращаться в человека, – пока еще слабого, худого и печального, но, как пишется в романах: «Было ясно, что смертельная опасность миновала...» Он почти все время проводил с Соней: играл в ее бесконечные игры, рисовал вместе с ней и для нее, читал ее любимых Чуковского и Хармса. За это время Соня и он очень сблизились, стали друзьями «не разлей вода», так, что Анна даже немножко заревновала Соню. Конечно, Андрей всегда любил и гордился милой и смышленной дочкой, но за полгода разлуки они успели отвыкнуть друг от друга, и Андрей продолжал относиться к дочке как к той, прежней – маленькой, доверчивой, нуждающейся в защите от внешнего грозного мира. Только сейчас он увидел, насколько она стала умнее, наблюдательнее, и как из милого смешного ребенка вылупляется новый человек со своим особенным характером.

Так получилось, что из-за болезни – как будто специально кто подстроил, Анина обида растаяла в тревогах и стала казаться давно пережитым недоразумением. Их супружеские отношения еще оставались напряженными, но Анне уже нелегко и неестественно было продолжать играть роль обиженной, прошлое закономерно оставалось в прошлом. Любовь и жалость к больному и перестрадавшему – во всех отношениях, мужу победили в ней обиду и злость, – без сомнения, их маленькая семья выжила, несмотря на пережитую трагедию.

Но, как выяснилось, история с изменой еще не закончилась и напомнила о себе неожиданным заключительным поворотом, – Анна нашла в почтовом ящике письмо от Лорен, адресованное ей. Она открыла конверт, взяла словарь и перевела написанное. В письме Лорен извинялась за случившееся, просила у нее прощения, писала, что ей нравится Анна, и она хотела бы, чтобы они продолжали дружбу. Это было «письмо из прошлого», из того ушедшего времени, которое Анна уже задвинула в потайной кармашек памяти. Было неприятно ворошить и вспоминать, даже больше – было ненужно. Анна опустила письмо в мусорную корзину, и вместе с письмом Лорен навсегда ушла из ее жизни...

Так, в тревогах и проблемах прошел их первый Christmas в Америке, запомнившийся необычным спокойствием на улицах и на дорогах, еще и тем, что впервые за все время магазины были закрыты, и они даже не смогли купить Соне мороженое.

Новый год встречали у Ларинцевых. Лиза очень гордилась своей первой американской елкой, и надо отдать ей должное – она действительно сумела красиво ее украсить на небольшие деньги; под елкой лежали для всех маленькие подарочки, на столе стояло шампанское и оливье под водочку (что еще милее для российского человека в праздник), ну и прочие деликатесы из русского магазина.

Но, несмотря на все старания Лизы, праздник получился скучный. Андрей все еще не оправился после болезни, поэтому водку не пил, вдобавок, его задело, что друзья так примитивно слетничали о нем; Борис и Толя сами понимали, что поступили не совсем порядочно, потому вели себя предупредительно вежливо, как провинившиеся мальчики; вдобавок, Толя совсем раскис из-за того, что его жене опять не дали визу, и шансов на ее приезд почти не оставалось. Анна чувствовала напряжение между всеми и тактично держалась в стороне. Лиза старалась за всех и, как обычно, дорвавшись до безмолвной аудитории, несла так много глупостей, что даже благодушно настроенный Борис не выдержал, прервав ее на полуслове и сказал ей, что у него уже в голове звенит от ее непрерывных речей. Лиза на его слова демонстративно замолчала, и так, в тишине и задумчивости они встретили 1993 год. По российской традиции, которая отводит празднованию Нового года почти мистическое значение, Анна загадала желание – чтобы Андрей нашел работу и они съехали бы от Митрохиных.

1993. Тревоги и радости

Скучный дождливый январь, при всей своей монотонности принес очередные тревоги. По всем правилам, где-то в середине января им должно было прийти разрешение на работу. Но январь подходил к концу, а заветных карточек все не было. Даже с учетом неповоротливости и бестолковости эмиграционных служб сроки уже превышали допустимые. Они убеждали себя, что попали под праздники, – в декабре, как им объяснили, деловая жизнь в стране замедляется, а там – пока раскачаются, тоже время возьмет. Особенно страдал Андрей, он весь месяц сидел дома, даже работы «под столом» не было из-за дождей, и вынужденное безделье на фоне недавних неприятных событий вгоняло его в тоскливое оцепенение, он храбрился и пытался рисовать, но чаще просто тупо смотрел в окно.

Вдобавок, им вдруг пришел огромный счет за телефон: на праздники они позвонили родителям с поздравлениями и проговорили дольше обычного. Денег не было, пришлось занять у Толи двести долларов, с открытым сроком отдачи. По вечерам все чаще они оставались дома из-за непогоды и безденежья – Галине на радость. Замечая, как мучается муж, Анна старалась подбодрить Андрея, хотя у самой на душе было муторно и тревожно. Главное, – у нее опять возникло в уголке сознания предвидение, что карточки не придут вообще, что в их случае произошел какой-то сбой: то ли INS не получила их бумаги, то ли долгожданный конверт случайно затерялся в пути, то ли еще по какой причине. С каждым днем Анна утверждалась в своем знании все больше. Она даже придумала под свое мистическое предчувствие логичное объяснение – из-за всей истории с Лорен не могло быть для их дела счастливого пути.

Предчувствие не подвело ее и в этот раз: январь закончился, прошел февраль, март, а разрешения на работу все не шло. Анна каждый день с утра вставала с надеждой, что вот сегодня чудо случится, и карточки окажутся в почтовом ящике; до двух часов – когда приходил почтальон, она старательно выполняла все свои обязанности, стараясь не думать о почте, и сдерживала себя, чтобы уже после полудня не начать проверять почтовый ящик, и только в два часа разрешала себе пойти за почтой.

Заветного письма в почте не было, и тут же наигранно – оптимистичный настрой покидал ее, настроение резко портилось, хотелось, чтобы день поскорее закончился, так, чтобы завтра с утра опять ждать почту. Это было похоже на психоз, когда весь смысл дня замыкался на ожидании почтальона. При этом нельзя было показывать свои настроения никому, тем более, Андрею, – Анна была уверена, что он переживает свой почтовый психоз.

Хорошо еще, что в начале февраля опять установилась солнечная погода, и Андрею перепала небольшая работа на стройке. Он уезжал рано утром и возвращался затемно, усталый, честно отработав свои шесть долларов в час. Если бы ему год назад сказали, что он будет рад весь день рыть траншею за минимальную зарплату, то он бы первый посмеялся милой шутке. Но жизнь (в насмешку? в наказание?) мало считается с нашим эго и корректирует планы на свой манер, – порой так и тянет возмутиться и спросить недоуменно «за что?».

Для Анны февраль принес новые сюрпризы. Ники вдруг резко поплошало.

До этого, совсем недавно, складывалось впечатление, что он выкарабкивается из болезни, по крайней мере, опухоль на спине действительно стала размягчаться. Ники теперь с нетерпением каждое утро ждал Анну – наверное, с таким же нетерпением, как она ждала почтальона, – но Анна, в отличие от почтальона, несла ему радостную весть. Он смешно делал вид, что даже не думает о злополучном наросте, и только выдержав обычный утренний обмен приветствиями, быстренько съев завтрак, вдруг как бы вспомянул о шишке и небрежно произнесил, придав голосу насмешливую интонацию: – Ну, как там поживает моя «подруга» на спине?

И начиналась торжественная проверка опухоли: Ники поворачивался спиной и высоко задирал несвежую майку, Анна, стараясь не вдыхать парной запах немытого тела, надевала резиновые перчатки и обстоятельно щупала «подругу» со всех сторон. Иногда, чтобы сделать больному приятное, она опережала его и сама предлагала осмотреть шишку. И тут же видела в ответ благодарный взгляд старика.

Довольно долго, где-то месяца полтора она не видела в опухоли никакой разницы: та же шишка – твердая, крепкая, большая и неестественно неприятная. Чтобы не расстраивать больного, Анна всякий раз старалась говорить что-нибудь утешительно – обнадеживающее: «кажется, немножко помягче», «похоже, слегка уменьшилась» и все в таком же духе, шаблонное и заметно фальшивое. Но Ники фальшь не замечал, скорее, был даже рад, что Анна, в отличие от докторов, говорит обтекаемо и оптимистично. Со временем Анна уже не старалась находить новые слова, а говорила каждый день заученными фразами, приправив их заботливым тоном.

Но однажды ей показалось, что, действительно, до мелочей знакомый нарост вдруг как бы потерял упругость, она даже совсем искренне воскликнула: – Погоди, погоди, мне кажется, что она стала мягче.

И, хотя она говорила ту же фразу уже не раз, Ники по ее тону понял, что на этот раз она действительно говорит правду. Он попросил Анну еще тщательнее прощупать, потом сам посмотрел на спину в принесенное зеркало, и ему, конечно, тоже показалось, что опухоль стала меньше, хотя речь шла только об размягчении.

День для Ники получился счастливый; Анна видела по мимолетному блеску в глазах, что он постоянно мысленно возвращается к приятной новости, и ему хочется говорить о ней с Анной, но он не решается, чтобы не выглядеть в ее глазах таким радостным от проснувшейся вдруг надежды. Анна в тот день постаралась подольше посидеть у него в комнате, а к концу дня предложила сама еще раз осмотреть шишку, что стало для Ники большим подарком.

Как только хлопнула входная дверь, – Галина пришла с работы, в унисон собачьему лаю зазвучал требовательный голос больного, он звал, чтобы жена срочно зашла к нему в комнату. В тот вечер, уже после delivery, Галина позвонила Анне раньше обычного, и начала разговор о радостной вести еще довольно трезвым голосом, не забывая, однако, прикладываться к бутылке во время разговора. Она сообщила Анне, что она сама трогала tumor Ники и уверена, что он стал мягче; дальше, уже по мере опьянения пошли ее обычные разглагольствования о том, как бы им устроить жизнь Ники более удобной и радостной.

С того дня Ники буквально ожил. Он теперь не проводил весь день в своей спальне, а стал выходить на кухню к Анне или в столовую, посидеть у окна. Оттуда открывался замечательный вид на сад с огромным лимонным деревом, увешанным сотней зеленых и желтых, никому не нужных плодов. Вечноцветущее дерево привлекало колибри, и создавалось впечатление райской картинки, когда прямо под носом за стеклом крохотные птички живописно зависали над беленьким цветком...

Дальше больше: Ники отважился выйти в сад под присмотром Анны – впервые за долгое время он дышал свежим воздухом. С непривычки от избытка кислорода у него закружилась голова, и Анне пришлось завести его, совсем ослабшего, в дом. Но на следующий день он опять попросил вывести его и, постепенно, стал выходить и сам, когда не было дождей. В связи с прогулками у него появился аппетит, и он просил Галину заказать ему любимое печенье в delivery или что-нибудь особенное в ресторане. Около кровати вдруг появилась Библия, и судя по закладкам, он регулярно ее читал. Для Анны его религиозный настрой явился неожиданностью: в доме Митрохиных не было намека на религиозность ни во внешних проявлениях, ни в разговорах – Галина даже в сильном опьянении, когда говорила бесконтрольно, никогда не упоминала ни походы в церковь, ни праздники, ни своего отношения к религии и вере...

Но, к концу февраля Никина бодрость как-то незаметно стала сходить на нет: сначала он перестал спускаться в сад, оправдывая свое нежелание, вернее немочь, то дождями, то ленью, потом все реже стал выходить из спальни, и так получилось, что совсем скоро он опять залег у телевизора; Библия у кровати за ненадобностью припорошилась слоем пыли. Он по-прежнему ждал с нетерпением Анну и оживлялся после осмотра шишки – она становилась все мягче на ощупь, но уже утомлялся ее долгим присутствием, и стал жаловаться на боль под ребрами.

Наступил день, когда он попросил Анну проводить его до «уборной». Она помогла ему подняться с кровати, и тихонько повела его под руку – его легкое тело почти повисло на ней, и видно было, что движение причиняет ему боль, так, что он непроизвольно постанывал. Анна впервые видела его таким откровенно немощным и в голове промелькнуло: «Он умрет». К своему удивлению, она не ощутила при этой мысли ни ужаса, ни жалости к больному, как будто давно знала, что он не выздоровеет, и подсознательно готовила себя к такому исходу. Испугало другое – эгоистичная мысль, что ее попросят убирать за Ники, и мысль эта была чудовищно неприятна, – в голове эмоционально вспыхнуло: «Нет, я не могу это делать, я не согласна, ни за какие деньги..».

Вечером Анна с нетерением ждала мужа, чтобы с ним поделиться своими страхами. Она опять очутилась в безвыходной ситуации, хорошо, хоть теперь она не была совсем одна перед очередными проблемами – у нее был рядом муж – ее опора и защита. Она верила, что он сумеет найти выход – даже если выхода не будет.

Но Ники опередил ее страхи. Он уже совсем измучился от болей, а сегодняшняя немощь явно свидетельствовала о том, что притворяться дальше нет никакого смысла – ему явно нужна медицинская помощь. Поэтому он с трудом дождался прихода Галины и стал кричать, чтобы она немедленно зашла к нему. Спустя час у Анны зазвенел телефон, звонила Галина (кто еще!): она рассказала Анне, что Ники «что-то приболел» и хочет показаться доктору. Ей кажется, что у него просто «плохой день», но если он просит, то она завтра будет звонить его доктору.

«Плохой день» обернулся большими переменами для всех, – такой ужасной развязки никто не ожидал, меньше всех сам Ники. После обследований оказалось, что метастазы у него уже задели печень и почки – отсюда и сильные боли. Доктор сказал – оказывается, в Америке от больных не скрывают, что жить Ники осталось несколько месяцев и ему отныне нужен профессиональный уход. Предложил лечь в хоспис, но Ники вдруг заупрямился и заявил, что умирать будет дома. Из всех ужасных новостей именно слова о хосписе вызвали в нем панический страх и неприятие. Доктор не стал настаивать, миролюбиво согласился, что «дома и стены помогают», и он, безусловно, понимает Ники, и они постараются устроить так, чтобы дома он чувствовал себя по мере возможности, комфортно.

Все это Анна узнала позже, от Галины.

Пока Ники был у доктора, Анна решила немножко убраться у него в комнате. Она вытерла пыль, проветрила комнату, и уже собралась подмести пол, как увидела рядом с кроватью большую кастрюлю с грязной водой. Ее чуть не вырвало от отвращения – она поняла, что Галина перед походом к врачу мыла ноги Ники в этой кастрюле – обычной кастрюле, в которой Анна варила борщи, – видимо, взяла первую попавшуюся. Пришлось, превознемогая брезгливость, вылить вонючую воду и выбросить кастрюлю в мусорный бак. Впрочем, где гарантия, что и остальная посуда использовалась только по назначению? Брезгливые картинки так и лезли в голову, но Анна, наученная опытом, не позволила себе думать о странностях Митрохиных в связи с очередным сюрпризом, быстренько подмела комнату, вымыла липкие тумбочку и столик, принесла салфетки, взяла Библию и пошла с ней на кухню. Там она открыла Новый Завет и стала с интересом читать удивительные вещи.

Дома в России они тоже обзавелись Библией несколько лет назад, – стало модно и относительно доступно, но Анна так и не открыла ее, как-то руки не дошли: все казалось, что для чтения такой книги нужен специальный настрой, а так, между делом, в суете, лучше не стоит. Но суета житейская не прекращалась, и великая книга осталась нераскрытой. И сейчас Анна с удивлением читала совсем простые по форме притчи и удивлялась их удивительно глубокой и доступной морали.

Она успела прочитать все Евангелие от Матвея, когда услышала, что открылась входная дверь – как обычно, залаял Декси (на этот раз от радости) – значит, вернулись Митрохины. Ники прошел сразу в свою комнату, а Галина заглянула в кухню, сказала Анне, что они были у доктора, и она позвонит Анне позже и расскажет обо всем, а сейчас она очень устала и ей нужно прилечь (понимай – заказать *delivery*). Анна поставила разогревать обед, заглянула к Ники, но тот уже спал, измучившись непосильно тяжелым для него днем.

Совсем скоро послышался знакомый стук в дверь, Галина закричала обычное «*come in*», опять залаял Декси, уже злобно, – укладки не меняются – это опять принесли для Галины традиционный продуктово – винный набор. Анна поспешила уйти к себе наверх, чтобы не сталкиваться со смущенной хозяйкой дома.

Они успели только пообедать с Соней, как затрезвонил телефон, Галина – уже «отдохнувшая», начала свое обычное: «Ну как вы..», и не слушая ответа Анны рассказала обо всем, что произошло у доктора, и какие теперь грядут для всех «нас» изменения. Во – первых, Ники от болей прописали морфин, и нужно им с Анной следить, чтобы больной не потреблял его бесконтрольно, давать ему только допустимую дозу. Во-вторых, раз в неделю будет приезжать *nurse* и осматривать его. В-третьих, каждый день будет приезжать специально обученный человек (Анна не запомнила, как он называется) и будет мыть Ники. На фоне шокирующих известий, последняя новость невольно обрадовала Анну: она вздохнула облегченно – слава Богу, ей не придется убирать за Ники. И мысли тут же переключились на Ники: в голове не укладывалось, как он, пусть больной и немощный – уже обречен на скорое небытие. А как же его разум, его своеобразные философские размышления, его привычки и раздражение на мир, куда это уйдет? Странно и страшно. Анна продолжала слушать Галину, поражаясь ее хладнокровию, совсем забыв, что та уже достаточно пьяна. Как ни странно, но деловитый тон собеседницы помог Анне справиться с первым шоком, скоро ее мысли повернулись в практическую плоскость: по крайней мере у Ники появится профессиональный уход, он избавится от невыносимой боли и наконец-то будет в чистоте.

Галина добавила, что завтра для Ники привезут специальную кровать и (тут она замялась), – может ли Анна немножко подмести в комнате: «А то, сами знаете, что он нехорошо себя чувствует, не может убирать за собой и там не очень чисто». Анна уже привыкла к таким обтекаемо-странным оборотам в речи Галины, она знала, что Галина начинает так уклончиво говорить, когда ей неловко. Анне самой стало неловко и она поспешно согласилась «немножко навести порядок» у Ники, тем более, что она уже сегодня прибиралась в его комнате.

На удивление Анны, изменения случились уже на следующий день: с утра начались звонки: от поставщиков новой кровати, из агентства по обслуживанию больного и от *nurse*. Пришлось Анне принимать все звонки и как-то объясняться. В результате кровать привезли и разместили в центре комнаты, застелили чистым бельем, Ники помыли, установили ему катетер, объяснили Анне, как управлять кроватью, какие давать таблетки и в каком количестве. Ники уже был под действием наркотика, поэтому безразлично относился ко всем изменениям, видимо, отдыхая от изнурительной боли.

Дождливый март перешел незаметно в апрель, и тут «почтовый психоз» вступил в стадию паники: обманывать себя дальше становилось невозможным, пришлось согласиться с фактом,

что разрешение на работу уже не придет. Такого случая не было ни с кем из знакомых. Андрей был готов делать любую работу, но без заветной карточки никто его не мог нанять: иногда соотечественники давали кое-какую работу за cash, в обход закона, но и они боялись нарваться на неприятности.

Помимо неустроенности с работой над их дальнейшей судьбой зависли еще два очень неприятных момента: то, что Ники, как не отгоняй от себя эту чудовищную мысль, доживал последние месяцы (недели, дни?), и с его смертью договор с Галиной заканчивался – значит, ни жилья, ни денег совсем в скором будущем. А главное, в мае заканчивался для Андрея срок подачи документов на green card, после чего он автоматически становился «нелегалом». Без сомнения, глупо было надеяться на желанное «а вдруг завтра», нужно было действовать. Но как? Никто не знал, никто не мог подсказать. Дозвониться в эмиграционные службы не представлялось реальным – INS было одной из немногих организаций в Америке, которые не считали своих клиентов людьми, достойными внимания и участия.

Ничего другого не оставалось, пришлось Андрею ехать самому в то таинственное заведение, что вершило судьбами всех новых переселенцев: «Конечно, не Лубянка, но все равно не по себе». Единственное, что у него было – маленький бумажный листок – почтовая квитанция, подтверждающая отправку документов. И что она доказывает? Надежда эфирная, из области хватания за соломинку – мало ли что ты отправил по почте, может просто листок чистой бумаги? Фактически, он ехал на авось...

Тот день запомнился Анне, как совершенно бесконечный, с набухшим низким небом, готовым разразиться очередным ливнем, и медленно текущим временем; казалось, день никогда не закончится. Она пробовала читать Библию – в подсознании появилась надежда, что это зачтется в их деле, но скоро Анна рассердилась на себя за такую нелепую хитрость, и она отложила книгу; тем более, что мысли были далеки от библейских повествований – мысленно она была рядом с Андреем – ей казалось, что если она будет думать о другом, то дело у Андрея не сладится.

Ники в последнее время почти не реагировал на ее присутствие, под действием наркотиков он теперь плавал в отрешенности от внешнего мира. Анна даже предложила кормить его из ложечки – иначе он все валил на себя, и он согласно кивнул – его уже не заботил собственный имидж, ему и есть не хотелось, но, если так положено, то можно и проглотить миску каши или супа. Он лежал на своей новой «управляемой» кровати, совсем худенький, маленький, в чистенькой голубоватой пижаме и, если не спал, то смотрел в телевизор, как и раньше; но теперь, скорее, по привычке: земная жизнь уже перестала его интересовать. Куда за короткий срок делась его желчь и постоянное раздражение, – теперь он лежал милым старичком, прислушиваясь только к себе, и единственное, что его беспокоило, был страх перед возможной физической болью.

Анна поднялась к Соне, поиграла с ней в Барби, почитала ей книжку, но мыслями все время оставалась с Андреем, так, что даже Соня заметила ее отсутствующий взгляд и ей стало скучно – она не любила, когда мама была вот такая «задумчивая».

Внизу залаял Декси – вернулась с работы Галина, скоро она «расслабится» после трудового дня и позвонит Анне; за окном уже смеркалось, а Андрея все не было. Может с ним что-нибудь случилось, ведь уже все офисы закрыты? Анна села у окна, из которого видна была часть дороги, там, где они (Анна уже тоже получила права) обычно парковали свою машину. И тут же, как в кино, увидела, как подъехала их синенькая машина, и скоро из нее вышел Андрей, открыл багажник, что-то достал оттуда, потом наклонился, осмотрел бампер и пошел к крыльцу.

Анна с облегчением вздохнула, слава Богу – живой и невредимый. Она с любопытством смотрела на мужа со стороны: заметила, как он похудел после болезни. Теперь в сумерках его можно было принять за юношу: чуть выше среднего роста, хорошо сложенный, легкий и быстрый в движениях – ему никак нельзя было дать его 34 года. Он опять стал похож на того давнишнего Андрея, которого она встретила на вечеринке много (десять?) лет назад... Сердце сдавило от радости: как хорошо, что они вместе, что сумели достойно перешагнуть через тяжелый период (как бы иначе она выжила?). Но когда фигура мужа скрылась из вида, Анна очнулась от лирических мыслей и снова занервничала – какие новости ей предстоит сейчас услышать?

Из сбивчивого рассказа мужа получалось, что «лубянка для эмигрантов» не такое уж грозное и бесправное заведение. Их бумаги действительно затерялись, и та маленькая почтовая квитанция очень помогла. По номеру на ней нашли, что бандероль была получена несколько месяцев назад, но дальше их дело нигде не фигурирует. Андрею пришлось – и еще придется, походить по кабинетам, чтобы их занесли в списки, и чтобы они прошли необходимую проверку – бюрократия везде бюрократия.

Новости оказались, скорее, хорошие – могло получиться гораздо хуже. Даже вынужденная волокита и отсрочка с работой не пугали, Андрей воодушевился – у него появилась конкретная задача, и – главное, исчезла изматывающая душу неопределенность. Дело сдвинулось с мертвой точки: сначала Андрей ездил один, потом пришлось несколько раз поехать всем троим с Соней (и оставить Ники под присмотром соседа). В этих поездках Анна познакомилась с другой Америкой, совсем недружелюбной и неприветливой. Обстановка напоминала родные вокзалы – много людей с детьми, странно одетых и порой плохо пахнувших – и сплошная незнакомая речь, в основном испанская. И холодный, напряженный взгляд со стороны служащих.

Но, в результате походов по кабинетам и встреч с недружелюбными представителями власти, первого мая они получили заветные карточки. Их дело нашлось, чтобы сгинуть насовсем в бюрократической пучине. Но это уже другая история.

Считалось, что Андрею крупно повезло, ведь уже через несколько дней он легально развозил пиццу на их старенькой машине. Теперь вечерами они обедали нераспроданной пиццей и радовались чаевым, как реальной денежке на мелкие расходы. Но – опять проблемы, как заноза в сердце, – появилась тревога за мужа: пиццу развозят в основном по вечерам, и заказывают ее не только из приличных районов, даже, скорее, наоборот. Так что Андрею приходилось в темноте ездить в совершенно непредсказуемые черные кварталы, где вместо чаевых можно получить пулю в лоб. Анна уже часов с десяти, уложив Соню спать, садилась к окошку и ждала Андрея: по вечерам в их тихом городке ездили мало, и далекий свет фар очередной машины вселял в нее надежду, что это подъезжает Андрей. Часто так и случалось, но иногда ей приходилось ложиться спать, так и не дождавшись характерного звука паркующейся машины.

Андрей специально выбирал вечерний график, чтобы днем заниматься поиском настоящей работы. К очередной их неудаче страна в это время находилась на очередном экономическом спаде, безработица была внушительной, и найти более-менее квалифицированную работу свежеиспеченному эмигранту предстояло делом маловероятным. Многочисленные резюме разлетались десятками по всей Калифорнии без единого отклика, как будто их даже не открывали, а прямиком отправляли в мусорную корзину.

Роптать не приходилось, считалось, что таким образом создается база данных на специалистов, и резюме не выбрасываются, а хранятся в компании до момента, когда им потребуется нужный работник. Насколько сие было правдой, трудно сказать, но это хоть как-то успокаивало и вселяло надежду. По крайней мере, на фоне предыдущих месяцев их жизнь казалась терпимой.

Вот только Ники становилось все хуже. Внешне он оставался таким же расслабленно — отчужденным, но Анна знала, что боли у него усиливаются, ежедневная доза наркотиков увеличилась вдвое, но и сквозь пелену отрешенности проникала боль, он начинал стонать и просить дать ему еще таблетку.

Галина заходила к Ники после работы буквально на минутку, чтобы спросить дежурное: «Ну как, ты, Ники, себя чувствуешь?», и тут же шла к себе заказывать delivery. Чаще всего больной никак не реагировал на ее посещения, но несколько раз слышно было, как он орал на нее: «Пошла вон, пьяница..». В таких случаях во время вечернего разговора Галина говорила, что «Ники что-то сегодня не в духе».

Анна оставляла для него ночную дозу морфина на столике, рядом с его кроватью. Все остальные таблетки стояли на комодке, чтобы он не смог до них дотянуться, но, в случае необходимости, Галина могла бы дать ему ночью добавочную дозу. Считалось, что ночью она ухаживает за больным мужем. Несколько раз случалось, что Ники действительно звал ее ночью, когда боль становилась невыносимой. В таких случаях просыпался весь дом, включая Соню, — ему приходилось кричать по несколько минут, при этом ругая Галину последними словами, чтобы прервать ее богатырский пьяный сон. Такие ночи в последнее время стали повторяться все чаще и чаще.

Закончилось все печально. В один из вечеров Галина решила устроить себе спокойную ночь и вместо одной пузатой бутылки вина заказала две. После такой дозы она заснула более чем «спокойно». И именно в ту ночь Ники стал опять звать жену, чтобы она дала добавочное обезбаливающее. Но разбудить Галину уже оказалось невозможно: Ники кричал, не переставая, то обзывал ее пьяницей, стервой и сукой, то кричал, что он умирает, а ей и дела нет, что ей всегда было на него наплевать. Потом он стал бросать в стену всем, что у него оказалось под рукой — последним полетел стакан с водой — послышался звук разбитого стекла. Дальше стало тихо, потом — грохот, как будто упало что-то тяжелое, и снова ругань, стоны, и вместе со слабеющими криками — монотонные удары, усиливающиеся эхом в ночной тиши, — похоже, больной колотил чем-то по стене. Удивительно, откуда в нем оказалось столько силы на протест — видимо боль стала невыносимой.

Анна с Андреем лежали, с ужасом слушая, что там происходит внизу, не понимая, почему Галина не просыпается. Через какое-то время Андрей не выдержал и сказал, что он спустится и посмотрит, что там случилось. Он стал натягивать штаны, и тут они услышали сирену подъезжающей полицейской машины.

...Оказалось, что Ники своими истощенными воплями разбудил соседа — было уже тепло, и окна не закрывались, и тот, испугавшись, вызвал полицию. Полиция взломала дверь, поднялась в комнату Ники и застала там настоящий ужас.

Как прояснилось позже, Ники, отчаявшись разбудить Галину, решил сам встать и взять с комодки баночку с таблетками: он сумел дотянуться до баночки, но когда открывал ее, то выронил из рук, и все таблетки высыпались на пол; он нагнулся, чтобы подобрать с пола, но поскользнулся на разлитой воде и упал (это и был сильный звук падающего). В результате, когда полиция ворвалась в его комнату, то увидела скрюченного Ники, лежащего на мокром полу, а вокруг валялись рассыпанные таблетки морфина и битое стекло. А в соседней спальне, посреди недоеденных объедков и пустых бутылок, спокойно спала пьяная Галина.

Анна с Андреем сидели у себя уже одетые, готовые к самому ужасному. Они не могли спуститься — с их статусом нельзя было светиться перед полицией. На какое-то время внизу стало тихо, но скоро послышался звук другой машины — Emergencу, опять сильный лай собаки, и по лестнице чем-то загрохотали, — оказалось, что медики принесли тележку, куда положили

Ники и отвезли его в больницу. Потом опять шум в Галининой спальне, видимо, пытались все-таки ее разбудить, – и только часа через два в доме затихло, когда тревожная тьма за окном разбавилась робким рассветом.

...Для «выспавшейся» Галины наступили черные дни. Во—первых, Ники, вопреки его заветному желанию умереть дома, оказался в больнице. После всего случившегося речи быть не могло, чтобы вернуть его домой. По поводу «преступно-халатного» отношения к больному мужу на Галину было заведено дело: ее вызывали то в полицию, то в социальные службы. Провинившейся женщине пришлось взять отпуск на работе, ездить то по инстанциям, то к Ники в больницу. Неизвестно как, но она сумела убедить проверяющих, что у нее на почве переживаний о больном муже в последнее время случился психический сбой, и она ошибочно обратилась за помощью не к доктору, а к алкоголю. Подтверждением ее теории служило то, что она была примерным работником, никогда не пропускала работы без уважительной причины, и то, что за Ники до недавнего времени был хороший уход – об Анне не упоминалось. Дело удалось замаять, видимо, полицейских до того впечатлила картина спящей в грязи среди обедок и бутылок немолодой женщины, что поневоле складывалась впечатление психического срыва от переживаний, – кто бы мог подумать, что таков был многолетний стиль жизни Галины Митрохиной.

Самым кошмарным для Галины в новой ситуации оказались даже не постоянные хлопоты об отпущении грехов, и уж никак не переживания о муже, попавшем в больницу; самое главное – она теперь не могла пить – ей нужно было доказать, что у нее нет проблем с алкоголем. Воздержание по-настоящему выматывало Галину, и на сей раз она действительно была близка к психическому срыву.

Алпатины одни, без Сони, несколько раз ездили в больницу к Ники; он лежал под капельницей с морфином и другими препаратами; их он то ли уже не узнавал, то ли они ему стали совершенно безразличны, но он никак не реагировал на их присутствие. А порой вдруг начал говорить настойчиво о каких-то своих проблемах, очень странных и непонятных – из его наркотических видений.

Галина теперь звонила Анне очень коротко, только по делу, рассказывала вкратце о своих делах, о визитах к «бедному Ники», о разговоре с доктором и т. д. При этом она старалась не касаться щекотливых тем, старательно обходя в разговорах чудеса той памятной ночи. Анна в очередной раз убедилась, насколько Галина разумно и адекватно мыслит в трезвом виде, – бедная женщина, как она довела себя до такого неприглядного облика; но, даже со скидкой на обстоятельства, «бедная» женщина вызывала в ней мало сочувствия, скорее же презрение и насмешливую брезгливость.

Именно в эти дни судьба, похоже, решила наградить Алпатиных за мужественное перенесение тягот – Андрей совершенно неожиданно получил работу в одной из архитектурных фирм. Он удачно прошел интервью – им нужен был человек, умеющий рисовать и в то же время знающий архитектуру, чтобы рисовать фасады домов для рекламных брошюр, – как раз то, что Андрей мог делать профессионально. После испытательной недели его утвердили в штате, заключили с ним договор, дали почасовую зарплату со всеми бенефитами.

Надо ли говорить, как они себя чувствовали – они оба очутились на седьмом небе... Наверное, никогда человек в России не будет так радоваться при слове «работа», в то время, как для американца это основа основ, наряду с семьей. Деньги, машина, даже дом – все второстепенно и не существенно, по крайней мере для среднего класса; один из первых и главных вопросов при знакомстве: «Чем ты занимаешься или как ты зарабатываешь на жизнь» – отсюда и начинается менталитет, выросший из глубин сурового протестантизма. И хотя в то время они были далеки от мудрых заключений, но именно тогда в их сознании зародились ростки

американизма, из которых потом вырастет новое отношение к жизни. Не они первые, не они последние – так Новый Свет обращает новоприбывших в свою веру...

Волшебное слово «offer» вмиг поменяло статус их семьи: они стали удачливыми, признанными и почти богатыми – при зарплате десять долларов в час. Заветные мечты о своем – разумеется, съемном жилье оказались доступной реальностью и даже необходимостью: архитектурная фирма находилась в Главном городе, который жители городков уважительно называли The City, и ездить на работу было далековато. Этот факт стал для Анны дополнительным бонусом к счастливым переменам в жизни – она все не могла привыкнуть к патриархальной жизни маленького городка – ей не хватало города в традиционном понимании: с уличным шумом, магазинами, забегаловками и незнакомыми прохожими. О Боже, как все удачно складывалось!

В ближайшие выходные они с самого утра поехали по гаражным барахолкам подыскивать себе необходимые вещи для самостоятельной жизни. Сонечка прыгала от радости, ей нравилось ковыряться в коробках с игрушками, которые продавались за бесценок. Было смешно наблюдать за ее вдруг проснувшимся вещицизмом, но сами они мало отличались от дочери, так же радовались удачным приобретениям: тарелкам, стульям, настольной лампе. Подобно перелетным птицам, собирали нужный хлам для нового гнездышка.

Мечты и планы на ближайшее будущее кружили голову, в их наступившей счастливой жизни не осталось места для бедных Митрохиных. Порой у Анны мелькала мысль об умирающем Ники, но она отгоняла ее, успокаивая себя тем, что больной уже никого не узнает и ему не нужны их визиты. Как оказалось, визиты нужны были не Ники, а самой Анне: после смерти старика ее периодически мучило сознание, что она как бы воспользовалась на время его болезнью и скорой смертью, чтобы выжить в тяжелый период, и выбросила умирающего из своей жизни за ненадобностью...

Смерть Ники хоть и ожидалась, но произошла неожиданно и до странности буднично. Андрей был на работе. Анна спустилась вниз, чтобы сварить кофе. Галина вошла в кухню, попросила сварить и для нее и ушла опять к себе. Тут зазвонил телефон, через минуту опять вышла Галина, ровным голосом сказала: «Ники умирает, я еду в госпиталь», и стала надевать туфли. В это время опять зазвонил телефон и ей сказали, что Ники только что умер.

...Вот так закончилась жизнь никому не нужного Николая Митрохина – в госпитале – чего он так боялся – и никого рядом, ни жены, ни сына, ни даже Анны. Да, у Митрохиных был сын – Петя, с которым Ники крупно разругался несколько лет назад и с тех пор слышать о нем не желал. Галина несколько раз по пьяне туманно рассказывала об их несогласиях, но Анна так и не поняла, что же все-таки между ними произошло. Удивительно, что сама Галина говорила о сыне, как о постороннем человеке, очень коротко, не упоминая при этом об ее личных чувствах к единственному отпрыску.

Петя приехал на похороны, и по внешнему виду можно было сразу сказать, что он родной сын Митрохиных – он казался улучшенной копией Ники: еще молодой, высокий – не в отца, но те же черты лица, те же ужимки и тот же настороженный взгляд. Младший Митрохин не корчил из себя примерного скорбящего сына, – заметно было, что ему тяжело находиться в грязном доме, тяжело общаться с подвыпившей матерью, еще тяжелее – исполнять ритуальные порядки и ехать сначала в церковь, а потом на кладбище – хоронить отца. На Анну и Андрея он смотрел равнодушно – люди из России его не интересовали. Спал он на диване в гостиной – единственной более менее чистой комнатой внизу – ей никто не пользовался, уходил из дома рано утром и возвращался к вечеру.

Он не скрывал, что приехал только для того, чтобы выполнить неприятный для него сыновий долг, и вел себя корректно и внешне невозмутимо. Но от его присутствия всем, вклю-

чая Галину, становилось неуютно. Впрочем, как скоро выяснилось, он действительно исполнил сыновий долг перед отцом – только его стараниями Ники был все-таки похоронен. Галина в первый же вечер сорвалась. Как только приехала из госпиталя, где подписала соответствующие бумаги, она заперлась в комнате; и уже через пару часов у Анны зазвонил телефон, и в трубке послышалось традиционное Галинино вступление «ну, как вы..»

В тот вечер она выпила свою бутылку вина – понятно, с горя, и на следующий день почти трезвая встретила сына, поговорила с ним; а потом ушла в свою спальню, позвонила в delivery, и оставшиеся два дня до похорон никто не видел ее трезвой. Она сбросила на сына все организационные дела, а сама наконец-то после долгого воздержания буквально ушла в запой. Мало того, она даже в церковь на отпевание покойного мужа явилась навеселе и всю службу, под скорбные звуки: «Со святыми упокой...», глупо улыбалась и подхихикивала. Неизвестно, как прошли сами похороны – Алпатины на кладбище не поехали – но мать и сын вернулись домой порознь, и на следующее утро Петя с утра улетел, даже не попрощавшись с матерью.

После похорон они с Андреем стали срочно искать жилье. Галина в пьяных вечерних разговорах уговаривала их не торопиться, уверяла, что она к ним привыкла, и что все равно верхний этаж пустует, и, вообще, дом слишком велик для нее одной. Анна подозревала, что за всеми ее привязанностями и сладкими речами скорее всего стоит свой интерес: если они съедут, то кому Галина будет надоедать своими пьяными откровениями. А, может, овдовевшую женщину на самом деле пугала перспектива остаться одной в пустом доме, – в чужую душу не влезешь, особенно, если эта душа зависит от порции алкоголя.

Впрочем, дело заключалось не в Галине, Анна была даже благодарна ей за предложение пожить бесплатно, но им обязательно нужно было съехать: Андрей забирал машину, и Анна оставалась на весь день прикованная к грязному дому. Ей самой наступала пора искать работу, но уже на новом месте. Да еще приближалась осень – Соне исполнилось пять лет, и она должна была пойти в kindergarten – подразумевалось, что школа будет рядом с новым жильем.

Жизнь новоиспеченных эмигрантов всегда полна сюрпризов, приходится тыкаться, как слепым кутятам, и зачастую больно получать по носу. Оказалось, что снять квартиру не так просто. Андрей только начал работать, Анна не работала, но, главное, у них не было необходимой злополучной «кредитной истории». При всем желании как можно быстрее съехать, им приходилось жить у Галины. У Анны со смертью Ники закончились все дела в этом странном доме, она теперь вместе с Соней проводила весь день наверху. Единственным их развлечением на каждый день оставались походы на детскую площадку. Но там, среди американских мамаш и детей, они обе чувствовали себя скованно: Анна старалась сесть на самую дальнюю скамейку, а Соня играла сама по себе, и любые попытки других детей вовлечь ее в игру оставляла без внимания. Было тревожно за нее – скоро в школу, а она совсем не говорит по-английски, вопреки распространенной теории, что маленькие дети на ходу схватывают язык. Чтобы занять себя и Соню, Анна стала учить ее русской азбуке. Дело продвинулось довольно быстро, Соня быстро запоминала буквы, и совсем скоро она знала весь русский алфавит. Анна немножко успокоилась – значит, у Сони с памятью нет никаких проблем, так что и английский тоже выучит.

Судьба пошла им навстречу и в этот раз. Похоже, там, наверху, Великий мастер решил передвинуть фигуры, и все опять началось с Лизы. Ей, энергичной и амбициозной, давно уже надоело сидеть в РАСе и делать примитивную работу. В то время как раз начался великий бум с компьютерами; вдруг стало очевидно, что именно за ними большое будущее. Самые умные стали учить программирование, остальные кинулись изучать программы по специальностям. Лиза решила, что пора и ей заняться делом, и пошла на курсы изучать график дизайн. В то время компьютерная графика было делом новым, и она очень скоро нашла работу за чертой

города. В результате, получилось, как в поговорке: «Каждой сестре — по серьге»: если Анна мечтала переселиться в Большой город, то Лиза хотела уехать из него — главным образом из-за школы сына — Олег должен был пойти в среднюю школу, а школы города, особенно средние и старшие, были на плохом счету. Лиза и Борис переезжали в городок в северном направлении, совсем неблизким от главного города, но зато с хорошей комьюнити, и, соответственно, с хорошими школами. Борис первое время соглашался поехать в город на работу, а потом хотел открыть свою собственную компанию по строительству и ремонту.

Апартамент, где жили Ларинцевы, освободился. Они замолвили перед хозяином слово об Андрее и Анне, поручились за них, как за ответственных и аккуратных — что было правдой, хозяин познакомился с ними и согласился сдать им освобождающееся жилье. Как удачно все получилось! Анна даже не могла поверить, что ее новогоднее желание сбывается: Андрей нашел работу, и они съезжают из дома Митрохиных. Ей нравился сам апартамент, нравился район, где он находился — все близко и удобно: общественный транспорт, школа для Сони, магазинчики с овощами и продуктами, кафе и кондитерская, и даже русский магазин с замороженными пельменями и колбасой.

Оставалось две недели в Митрохинском доме. Анна решила пока не говорить Галине о предстоящем переезде — незачем раньше времени напрягать отношения. Она уже мысленно обставляла их новое жилье, составляла списки, что им нужно обязательно купить, вечером с нетерпением ждала Андрея, чтобы съездить в магазины — как жаль, что Андрей забирал машину. Днем от избытка времени учила сама английский и продолжала учить Соню русскому. Получилось, что к моменту их переезда Соня уже с гордостью читала по слогам «Мойдодыр», что не скажешь об Анином прогрессе с английским.

Теперь почти каждый вечер они уезжали: после смерти Ники Анна с никому не нужной щепетильностью считала невозможным есть Галинины продукты, несмотря на то, что ее холодильник был забит, и, кроме того, каждый день пополнялся новыми продуктами за счет delivery (Галина не могла заказывать только вино — как ни парадоксально, она заботилась о своей репутации среди соседей, даже после всего происшедшего). Но, — рассуждала про себя Анна, — отныне они всей семьей перешли в статус приживалов, — не платят за свет, газ и воду, — было бы совсем наглостью еще и бесплатно есть, даже зная, что все там портится. Они теперь вечерами заезжали за продуктами, и только из них Анна готовила еду. Кроме моральных принципов, в покупке продуктов оказался своего рода fun: они почти целый год питались тем, что выбирала Галина на свой вкус, и теперь вдруг открыли для себя, что в магазинах так много всего другого, и так интересно пробовать новое. Особенно радовалась Соня — вдруг обнаружилось, что столько сортов одного только мороженого — можно покупать каждый день новое.

Дом Митрохиных уже воспринимался почти ностальгически: сколько в нем прожито и пережито, хватило бы на несколько лет, — и вот, буквально через несколько дней они простятся с Галиной, с мерзким Декси, с пустой комнатой Ники, со своим этажем. Было даже немножко грустно, что нет уже той наивной Анны, которая почти год назад зашла в этот дом. И Соня тут, вдали от любящих родственников тоже внезапно повзрослела, изменился и Андрей. Как там: «за морем житье не худо...».

Но, оказалось — это было не все: дом Митрохиных напоследок приготовил им еще один сюрприз.

Анна за суматохой последних дней как-то не заметила, что Галина перестала ей звонить. Впрочем, они вечерами уже редко бывали дома, и Галина знала об этом. Днем Анна почти не спускалась вниз, только иногда в кухню. Давно уже претерпевшись к вони в нижнем этаже, она вдруг заметила, что запах собачьих экскриментов в последние дни стал непереносим, она заглянула в собачий уголок и увидела, что стопки газет буквально погребены под собачим

дерьмом, значит, Галина уже давно не убирала за любимым псом. Декси, несмотря на его мерзкий характер, был, пожалуй, единственным существом, о котором Галина заботилась — регулярно кормила, и, менее регулярно, но стелила ему свежие газеты. Что-то было не так, Анна испугалась не на шутку. Она со страхом заглянула в комнату Галины и увидела, что та крепко спит, а рядом лежит Декси и доедает остатки чипсов из пакета. Анна вздохнула с облегчением, но потом вспомнила, что сегодня будний день, а Галина спит — такого еще не бывало. Анна поднялась наверх, но уже не могла успокоиться: время от времени спускалась вниз и заглядывала в ее спальню. Галина по-прежнему спала, но Декси вдруг поднялся и пошел за Анной. Такого за все время тоже не бывало: Анна и пес взаимно не любили и игнорировали друг друга. Анна заглянула в собачью миску — там было чисто вылизано. Она достала сухой корм и увидела, как Декси просяще завил хвостом и даже хотел ткнуться ей в колени своей слюнявой мордой. Анна отпрянула — ей еще не хватало его предательских ласк, но корма насыпала полную миску и налила воды. Пес жадно набросился на воду, вылакал всю миску, а потом также жадно стал грызть сухие катышки. Видимо, он не пил уже давно и именно жажда погнала его за Анной. Теперь Анна совсем уверилась, что с Галиной что-то случилось, она не знала, что предпринять — она даже хотела позвонить Андрею на работу, что никогда не делала, но потом передумала — незачем его пугать, лучше дождется его с работы.

Когда он приехал, они уже вдвоем зашли в комнату Галины и попробовали ее разбудить. Она не просыпалась. Впрочем, Галина всегда спала очень крепко, особенно пьяная. Но что-то в ее сне было непривычно: она спала странно тихо, без обычного богатырского храпа. Тут Андрей заметил на тумбочке, рядом с кроватью, большой аптечный пузырек — по форме пузырька и наклейке Анна узнала в нем Никину баночку с морфином. Стало понятно, что Галина забрала себе его таблетки и переключилась с алкоголя на наркотики. Как много она их приняла — неизвестно, но они оба испугались, что Галина может умереть от передозировки. Андрей тут же кинулся звонить в скорую и путанно объяснять ситуацию. Вскоре приехала Emergency и забрали Галину в госпиталь. Посоветовали им как можно быстрее связаться с ее родственниками.

Хороший совет — связаться, но как? Они попытались было отыскать хоть какую-нибудь зацепку в бардаке Галины, открывая наобум один мешок за другим, но никакой персональной информации там не находилось, только текущие дела. Пока Анна рылась в очередном мешке, Андрей пошел в комнату Ники и на его заветном столе обнаружил записную телефонную книжку, где значился номер телефона Пети Митрохина — жирно перечеркнутый, но различимый.

Петя молча выслушал новость, Анна стояла рядом и услышала, как в ответ Петя произнес только shit, но потом спохватился и извинился перед Андреем. Спросил название госпиталя, поблагодарил и попросился.

На следующее утро Анна, проснувшись, услышала, что внизу кто-то ходит. Она быстро оделась и осторожно спустилась на нижний этаж. На кухне был Петя — он прилетел ночью и до утра находился в госпитале с матерью. На этот раз он вел себя более дружелюбно: рассказал Анне, что с Галиной все в порядке, ее откачали, и он признателен им за помощь — передозировка была, и они вовремя спохватились. Потом они вместе на кухне пили кофе и беседовали. Петя рассказал про свою семью, про детей, про работу, Анна в свою очередь рассказала о том, что они переезжают буквально на днях в главный город. Они тактично не касались щепетильных тем, но Петя из мимолетных фраз правильно понял, что Анну волнует будущее Галины. Он сказал, что Галина должна еще полежать в госпитале — оказалось, что у нее проблемы с сердцем, и что он побудет здесь, заодно разберется в бумагах, и потом они с Галиной вместе обсудят, где ей лучше будет жить. Так и сказал «где», значит, решил не оставлять ее одну в этом доме. Говорил Петя на русском с большим акцентом, постоянно подыскивая

слова и, не находя, вставлял английские. При этом смущался, смотрел извиняюще, и тем самым сильно напоминал Галину...

Спустя три дня они переехали, Пети не было дома и некому было сказать «до свидания». Начались радостные дни по обживанию своей квартиры, и дом Митрохиных уплыл в прошлое, как большой корабль со случайными спутниками...

Большой город. 1994

Год, начавшийся так скверно, заканчивался на мажорной ноте. Сколько было приятных споров: куда повесить картины – конечно же, картины Андрея, куда поставить телевизор – уже свой, и так далее – хлопоты, греющие душу. Андрей ездил на работу теперь на автобусе, а Анна могла весь день пользоваться машиной. Ее женское начало дорвалось до желанного, она могла часами ходить по магазинам: выбирать шторы, пододеяльники, подушечки и уже никто не торопил ее, не висел над душой, не раздражался, когда она в нерешительности долго разглядывала вещь и потом откладывала в сторону, так и не купив. Мир изобилия принадлежал ей одной. Она хотела обставить квартиру к новогодним праздникам, чтобы продемонстрировать ее с гордостью гостям, бессознательно повторяя Лизу с прошлым празднованием Нового года. Денег оказалось совсем немного, и она тщательно обдумывала каждую покупку. Тем радостнее получалось найти на распродаже что-нибудь подходящее, в задуманном стиле и цветовой гамме, оригинальная подушечка для купленного в магазине подержанной мебели дивана согревала сердце на весь день. После России, где все покупалось по случаю или по знакомству, выбор вещей по своему вкусу оказался маленькой частью раскрепощения. Эти пару месяцев полностью насытили ее потребность в вещизме: никогда позже она не радовалась так магазинам, обилию товаров и потенциальной возможности все купить.

Соня ходила в школу, в kindergarten. Кто-то мудро обронил по случаю, что kindergarten – это единственный хороший год в школе – заданий почти не задают, много игры на уроках и учатся всего четыре часа в день. Да, неудобно для родителей – день разбивается, но для детей самый правильный переход к серьезной школе. В школе Соня очень быстро подхватила английский, причем не тот – ломаный, что был у взрослых, а истинный, без акцента, когда слово рождается подсознательно и сразу правильно. Она даже как-то скоро стала поправлять маму. Когда Анна сказала *tuth* о зубах, Соня заметила, что зубы – *teeth*, и тут же пояснила: «Ну, их же много, значит они могут быть только *teeth*, – оставалось только удивляться такому интуитивно – образному пониманию языка. Анна, сидя дома и не имея практики, стеснялась своего английского, но, даже она чувствовала, что прогресс идет. Долгое время, почти с первого дня, она смотрела одну и ту же программу вечерних новостей – ту, которую посоветовал Ники, и весь год голос диктора сливался для нее в непрерывный поток незнакомой речи. Но, спустя год, она с удивлением заметила, что понимает его речь: из общего потока вдруг стали отделяться слова и складываться в предложения и фразы, как будто в голове заработали нужные рецепторы. Анна несказанно обрадовалась – понимать чужую беглую речь казалось даже важнее способности самой говорить. Она наконец-то перестала шарaxаться от каждого встречного: она понимала продавцов в магазине, учителей и родителей в школе, и могла что-то сказать в ответ, односложно, но правильно по сути.

Соне нравилась школа, особенно учительница мисс Браун, крупная черная женщина с большой, в пол-лица, улыбкой. Анна поначалу, узнав что у дочери первой учительницей будет черная, даже расстроилась (кто бы подумал, что в русских людях сидит расизм), но потом, познакомившись с мисс Браун, вместе с Соней влюбилась в учительницу: ей, выросшей в окружении маминых подружек — педагогов, так и не довелось встретиться с подобным хрестоматийным вариантом учителя: доброй, чуткой и веселой одновременно, а как она искренне любила своих маленьких учеников...

В конце первого семестра, перед рождественскими каникулами, мисс Браун задержала Анну после уроков и сказала, что хотела бы с ней поговорить. Анна испугалась – она помнила по себе, что значит для учителей «поговорить с родителем». Видимо, испуг отразился у нее

на лице, так как мисс Браун бросилась в присущей ей мягкой манере успокаивать Анну, уверяя, что у Сони все хорошо. И действительно, разговор пошел о хорошем, даже об очень хорошем. Учительница похвалила Соню за исключительную смысленность, за дружелюбность к другим детям, сказала, что поначалу беспокоилась из-за Сониной стеснительности с языком, но сейчас девочка расковалась, и ее разговорный язык и запас слов ничуть не уступает другим детям. И потом мисс Браун вдруг с интересом спросила: в курсе ли Анна, что Соня знает все цифры и весь алфавит, складывает слова и знает много стихов, считалочек и песенок. По словам учительницы получалось, что Соня уже прошла весь курс того, что они изучают за год. Для Анны это было большим откровением, ее пронзила гордость матери за своего ребенка, она даже от неожиданности упустила нить разговора. А, между тем, мисс Браун говорила дальше: она сказала, что боится за Соню, что ей станет скучно, поэтому спрашивала Анну: что если она отдельно будет давать Соне небольшие задания на дом, так, чтобы девочка самостоятельно изучала дальше. Анна про себя удивилась, что учительница спрашивает у нее разрешения на такое полезное для всех дело, но подумала, что так тут положено, и только согласно кивнула в ответ: «да, да, конечно...» Мисс Браун добавила, что ей нравится Соня – она *sweet and smart*, но тут же добавила, что не стоит особо захваливать, чтобы она не посчитала себя лучше других.

После разговора с учительницей Анне так и хотелось расцеловать дочку, но она сдержалась, только сказала Соне, что мисс Браун довольна ее успехами. Соня вся засветилась от ее слов – ведь сама мисс Браун ее похвалила. Когда шли домой, Анна осторожно поинтересовалась: откуда Соня знает буквы и стишки. Соня недоуменно посмотрела на маму и сказала: «Ну, это же все из *Sesamy street* и из *Wagyu*», и тут до Анны дошло, что ежедневное Сонино сидение перед телевизором по утрам и дало такие чудесные результаты. А ей казалось, что Соня просто из любопытства, ничего не понимая, как она сама, смотрит передачи с Большой желтой птицей и фиолетовым динозавром.

* * *

Новый, уже 1994-ый год встречали все в том же привычном составе. Только теперь Алпатины были за хозяев. Была и елка, был и оливье под водочку, подарки и шампанское – все, как положено (слепок с прошлого года), только дети повзрослели: Олег сидел с независимым видом у телевизора, а Соня, раскрепостившись за последнее время, уже не жалась к родителям, а на правах самостоятельного человека лезла в разговоры. Ждали Толю: его давно никто не видел, и Лиза туманно намекнула, что у него, кажется, новости в личном плане, чем всех заинтриговала – его ждали с еще большим нетерпением.

Вскоре появился Толя, и не один – рядом с ним была молодая женщина с приятным открытым лицом, и еще – тоненькая девочка. Все растерялись от неожиданности, а Толя, сам смущенный, казался явно доволен произведенным эффектом. Он представил им спутницу и ее дочку – Света и Юля, познакомил со всеми, при этом ни от кого не скрылось, что он с большой нежностью смотрит на спутницу. Все сделали вид, что рады за Толю и, конечно же, рады видеть Свету и Юлю. Впрочем, вскоре выяснилось, что Света неплохо вписывается в их круг, а Юля только на год старше Сони, и две девочки тут же стали подругами. Выпили по рюмочке за уходящий год, и стеснение первых минут совсем исчезло. Люду, Толину жену (формально, бывшую жену – они развелись перед Толиным отъездом – одиноком было проще получать убежище в Америке) все мало знали, и в конце празднования, порядком выпив, мужчины даже подняли тост за Толю и Свету, за «соединение двух сердец», – кажется, это Андрей выдал столь оригинальную банальность, но Боря подхватил, а Толя в ответ чуть не прослезился. Впрочем, Анне Света тоже понравилась. Единственным человеком, кто не принял Толину спутницу, оказалась обычно самая дружелюбная Лиза. Анна решила, что Лиза обижена за Люду – при своей уникальной общительности Лиза поддерживала приятельские отношения и с бывшей

Толиной женой. Но, как вскоре выяснилось – дело не в обиде – для неприятия существовала другая причина.

Уже за полночь, когда они с Лизой сносили тарелки на кухню, Лиза задержала Анну и попросила: – Постой тут со мной, пока я покурю. Закурив сигарету, Лиза вызывающе заявила: – Ну и учудил Толя. Я понимаю, что Люду не выпускают, и теперь, скорее всего, уже не выпустят. Ждать, когда он получит гражданство – это еще лет пять, а то и больше. Я не ханжа и понимаю, что ни он, ни она в монахи не собираются. Тем более, детей у них нет, и они были далеко не самой образцовой парой... Но, подцепить такую Свету, – Лиза была не пьяна – она вела машину, тем более странно и неловко казалось слышать столь откровенную неприязнь, но Лиза продолжала: – Она же совершенно советская тетка, да еще со взрослой девочкой. Что, молодых и одиноких мало? – Лиза, самая либеральная в их компании, даже не замечала, что говорила, как недалекая и злобная баба.

Анна была уже порядком пьяна, поэтому вдруг полезла горячо защищать почти незнакому для нее Свету.

– Лиза, ты чего взъелась на них, какая муха тебя укусила. С каких пор ты стала такой блюстительницей нравов, прямо, как свекровь, и что ты девочку приплела. Мне кажется, они с Толей подходят друг другу, и девочку он, похоже, любит. Он давно хотел ребенка.

– Да не в девочке дело, – мрачно возразила Лиза, – а то, что Света твоя – антисемитка.

– Кто, кто? – не поняла такого неожиданного поворота Анна.

– Антисемитка, – повторила Лиза, – она приехала сюда вместе с семьей мужа по еврейской линии, пожила с ними год, что-то не сложилось, ушла от них. А теперь обо всех евреях отзывается с пренебрежением. Ты что, не слышала?

– Не помню, – честно призналась Анна, – мало ли, кто что сказал, так много всего наговорили. Вроде пошутила что-то на тему «еврейской мишпухи» – мне показалось даже остроумно. А тебя то почему задело?

– Почему, почему – по кочану, – разозлилась Лиза, – не строй из себя дуру, ты же знаешь, что я наполовину еврейка.

– Ты – еврейка? – рассмеялась Анна.

– А ты что – не знала? – в свое время удивилась Лиза, – у меня отец Александр Абрамович. Да я же похожа на еврейку, мне многие говорят.

Анна уставилась на Лизу, пытаясь отстраниться от давно привычного образа подруги и заново оценить ее внешность. Но ничего не получалось – Лиза как Лиза. – Не знаю, может ты действительно похожа, я совсем не специалист по определению национальностей. Но, – добавила она со смешком, – теперь я понимаю, откуда у тебя такие мозги – точно не от русской мамы, – и опять засмеялась. Потом, уже серьезно, продолжила: – Но я все равно не понимаю, что ты на Свету взъелась: она говорит, что хочет, как и все мы, значит, чувствует себя комфортно среди нас. Слава Богу, имеем право – рвались из Совка за свободой, и свободой слова в том числе.

– Нет, Анна – это не свобода слова —это антисемитизм, – упрямо повторила раздраженная Лиза. – Ты с этим не столкнулась, и судишь по себе. А я таких Свет достаточно повидала и терпеть их не могу.

Анна, видя, что Лиза раздражается теперь и на нее, стала тоже серьезной и резко ответила: – А ты невзлюбила человека за одну шутливую фразу, а ведь она никого не хотела задеть, она даже не подозревает, что одной нечаянной фразой заслужила себе врага. А если бы она сказала вместо «еврейская мишпуха» – слово-то какое – «хохляцкая», ты бы что, за хохлов обиделась и обвинила бы ее в национализме? Или ты только против антисемитизма? Глупо.

Лиза хотела что-то ответить, но тут в кухню зашел Толя. Он весь светился, угрюмость последнего времени сошла с него, – перед ними был прежний Толя, тот, который так нравился Анне. Он начал было: – Ну, как вам мои девочки? Но почувствовал в ответ напряжение, спро-

сил: – Я вам не помешал? Вы, может, обо мне говорили? И, не получив ответа, продолжал: – Я понимаю, вам обидно за Люду. Никто из них не ответил, хотя разговор шел совсем не о его бывшей жене. И Толя, подвыпивший и откровенный, взволнованно продолжал:

– Вы ведь не знаете, но мы с Людой последнее время совсем плохо жили. Если бы не Америка, уже бы расстались. А тут решили – давай попробуем заново в новой стране. Главным образом, из-за ребенка. Люда очень переживала, что у нас нет детей, у нее началось... что-то типа невроза или психоза на почве бездетности: винила себя, винила меня, плохую медицину, плохую страну. Надеялась, что здесь ей смогут помочь. Но, видимо, не судьба ей сюда приехать. Она смирилась и уже не хочет ехать, в последний раз даже не пошла в посольство, а на мои уговоры раздражается и вешает трубку. Мне кажется, ей не хочется меня видеть. Поверьте, я правду говорю, я знаю, что звучит, как самооправдание, – он замолчал с виноватым видом.

Анна подошла к нему, приобняла его за плечи.

– Толя, ну ты что, мы тебе верим и не осуждаем. И рады за тебя, Света мне очень понравилась. Но, даже если бы не понравилась, – она выразительно посмотрела на Лизу, – это твоя жизнь, и мы всегда желаем тебе самого лучшего. Не правда ли, Лиза?

Лиза уже справилась с собой и согласно кивнула в ответ.

– Конечно, Толя, я тоже только за хорошее.

Ответ прозвучал двусмысленно, но Толя ничего не понял, – он обрадовался их одобрению – как мальчик; схватил бутылку вина, разлил по стаканам и сказал: – Спасибо вам, дорогие мои, за доброе слово. Давайте выпьем за вас, я вас так люблю, вы такие хорошие, я всегда завидовал Боре и Андрею... Давайте выпьем, вы не представляете, как я рад, что вам понравилась Света, я вижу, вы ей тоже понравились... И он поднял свой стакан, Анна подняла свой, но Лиза к своему не притронулась. Она сказала: – Толя, ты меня извини, но я уже сегодня довольно выпила, а мне, сам знаешь, еще далеко ехать. И, вообще, нам пора – пойду вытаскивать Борю. И вышла из кухни. Анна чокнулась с Толей и сделала пару глотков, чтобы поддержать его взволнованный настрой. Толя допил свое вино до конца и стал рассказывать о том, что его переполняло сейчас через край: о Свете, как и где они познакомились, как он с первой минуты вдруг понял, что Света – человек необычный, о ее славной дочке, – в общем, персональную вариацию на тему «я влюблен». Анна вполуха слушала его историю, но больше думала о Лизе – такой категоричной и непримиримой в своем мнении она ее не знала.

Попрощались они все как-то вяло: когда мужчины вдруг разом загалдели на тему, что теперь у них три полноценные пары с детьми, и им нужно почаще встречаться, чтобы поддерживать друг дружку в этом «холодном мире капитализма», и всем было радостно хмельно оттого, что они так хорошо понимают друг друга, Лиза одна стояла молча и терпеливо ждала, когда пьяный Борис расцелуется со всеми. Анна чувствовала настроение Лизы и была почти уверена, что тесных дружеских встреч не будет.

Казалось, что большие тревоги и проблемы отступили, но после праздников радостное настроение ушло. Они жили в своем уютном апартаменте, у Андрея была хорошая работа по профессии, Сонечка с радостью ходила в школу и дома очень серьезно делала свои дополнительные задания. Анна рассылала резюме, тоже была при деле, но дело ей представлялось несерьезным, она не надеялась на ответы. Во-первых, она даже не знала, что она тут, в Америке может делать – как, впрочем, и в России с ее узкоспецифичным инженерным образованием. А во-вторых, она должна была уводить и приводить Соню из школы и быть с ней остаток дня. Даже part time работа ей не подходила. Решено было, если подвернется действительно хорошая работа, то они будут думать, а так лучше ждать осени, когда Соня пойдет в первый класс. Настроение на магазины прошло, скорее всего из-за денег: вдруг оказалось, что заработка Андрея хватает, за вычетом выплат за жилье, только на самое необходимое. Получалось, что еще долго им придется жить на строгом бюджете, особенно когда выяснилось, что

при кажущейся дешевизне продуктов, одежды и необходимых мелочей – на них троих уходит порядком денег. Пришлось Анне, всегда далекой от дебит — кредитов подсчитывать каждый потраченный доллар.

Желанного покоя, – не говоря уж о зарках быть благодарной за дарованные перемены не получалось, жизнь «как у всех» оказалась слишком пресной – мозг, натренированный за прошедший год на треволения, требовал новых причины для тревог, и они тут же нарисовались в сознании. Конечно же, главная мысль – о работе, которая все чаще, подобно вредному шкодливому зверьку, царапала праздный мозг Анны. На работу по специальности рассчитывать бесполезно, для малоквалифицированной работы нужен хотя бы беглый язык, с ее английским лучше не соваться. Замкнутый круг и, зверек-грызун тут как тут, точит свои острые зубки... А что, если ей начать с нуля? Пойти в городской колледж и взять уроки английского, – не курсы для приезжих, куда ходят больше для развлечения, а настоящий академический класс. Она еще молода, и уж точно не дура (даже по критической оценке скептика Димы). Анна нашла в стопке рассылаемой рекламной макулатуры, – первое время у нее рука не поднималась выбрасывать красочные журналы, нужный ей бежево – коричневый буклет городского колледжа и принялась изучать расписание классов. Настроение тут же поднялось, – оказывается, есть курсы летом, и зверек стыдливо уполз в норку. Какая она молодец: потом, с хорошим английским она может взять профессиональные классы и получить другую профессию, выбрать по душе, – что она понимала в свои семнадцать лет, когда решила поступать в технический вуз? В мечтах она уже примиряла на себя медицину, – почему бы не стать nurse, – ездить по пациентам, как та молодая женщина, что приезжала к Ники. Ну, или что-нибудь еще, например, дизайнер – оформитель, она сможет, – очень изящно и по-женски. Грезы, одна краше другой, грели ее душу и скрашивали однообразные дни. Незаметно подступал срок для подачи заявок в колледж – оставалось только рассказать мужу и заручиться его поддержкой.

Как назло, Андрей в последнее время приходил с работы мрачный, уже не говорил о работе, быстро старался перевести разговор на нейтральные темы. В другое время Анна не полезла бы так бездумно со своими планами, выждала бы более подходящий момент. Но сроки поджимали: в один из вечеров, после ужина, когда Соня ушла к себе, Анна с независимым видом, слегка смущенно, объявила, что решила учиться. И, – получила напряженное молчание в ответ. Анна запнулась, но решила не сбивать себя с толка, потому скороговоркой выпалила, что ей нужно сменить профессию и для начала взять курс английского в колледже, там как раз набор на летние курсы, есть вечерние, и стоят они совсем недорого, можно, при желании, выкроить из их бюджета. И замолчала, злясь в душе на мужа за испорченный момент. Андрей посмотрел на нее с сожалением и сказал совсем неожиданное: «Боюсь, что нам пока придется повременить с учебой». Анну как будто ударили обухом – как, после того, что она так разумно все продумала, – и повременить? Она с обидой и укором уставилась на Андрея: «Что с тобой?». Но Андрей выдержал укоряющий взгляд жены и спокойно ответил: «У меня на работе не все хорошо – большой проект обломился, а больше пока ничего нет, особенно для меня...». Анна сначала даже не поняла и не могла найти связь между проектами у Андрея на работе и планами на лето. Она запальчиво ответила: – Ну не переживай, посидишь немножко, придут другие проекты. Андрей уже удивленно посмотрел на жену и сказал насмешливо, с издевкой над ее непониманием: – Нету проектов – это, дорогая моя, означает, что у меня нет работы – выходит, я им не нужен.

Анна опешила, она никак не ожидала такого поворота. Единственное, что она могла сказать, что так не может быть, ведь его только несколько месяцев назад наняли на работу. Андрей смотрел на нее, как на глупенькую девочку и ничего не отвечал. До Анны постепенно стал доходить весь трагизм ситуации, и она уже совсем по-другому, почти жалобно спросила: – Ну, может ты преувеличиваешь, они же искали такого специалиста как ты, значит, ты им нужен?

– Был нужен, а теперь стал не нужен, – сухо, с раздражением, ответил Андрей. (В подобные моменты он бывал непереносим).

Анна все равно не хотела понимать: – Ну, ты же с ними договор заключил. Ну так же не бывает, из-за одного провалившегося проекта они готовы распрощаться с тобой. Ты же сам говорил, что они искали такого, как ты, несколько месяцев. Так не бывает, – повторила она.

– Поверь мне, Анна, так бывает и так тут везде, – он опять ответил со скрытым раздражением на ее бестолковость. Анна хотела добавить, что все совсем не так у знакомых, но вовремя прикусила язык – упоминание более успешных «других» было совсем не к месту. Тут Андрею наконец-то стало неловко за свой взрослый поучительный тон и он уже более мягко принялся растолковывать жене, как строятся отношения в американских компаниях, особенно в таких маленьких, как его. Анна слушала подчеркнуто спокойную речь мужа и старалась не показывать своей паники. Но на сердце было тяжело: «Как, неужели после маленькой передышки они попадают в очередную черную яму? Почему именно у них так все плохо?... за что?»

Андрей слишком хорошо знал свою жену, чтобы не понимать, что на самом деле творится у нее в душе, хотя она и старается скрыть. Поэтому он не стал нагнетать больших страхов и сказал примирительно: – Ты не волнуйся, все еще может обойтись, сегодня заказ ушел, а завтра может все измениться. Я завел разговор только из-за твоих планов с учебой. Конечно, я не против, только стоит немножко подождать, пока прояснится.

Анна согласно кивнула – она уже думала не об учебе, а об их неопределенном будущем...

Дела в компании Андрея «не обошлись». Уже на следующей неделе муж хмуро объявил, что ему сократили рабочие часы и убрали бенефиты, якобы временно. Денег стало катастрофически не хватать. Уже не планировался ремонт машины, покупку новых колес тоже отложили до неопределенного времени, поездки в магазины отпали за ненадобностью, и Анна даже стала вырезать из еженедельной бесплатной газеты купоны на продукты. Главное, чтобы им хватало на оплату квартиры и коммунальных услуг. Еда стоила недорого, а одежда годилась из Goodwill. Самым тягостным, как всегда, оказалась неопределенность. Они в разговорах старались не задевать тему работы, получалось странно – оба знали, что на сегодняшний день это главное, что волнует их обоих больше всего, но старательно оберегали чувства друг друга. От фальшивой недосказанности становилось еще тоскливее, но оба верили, что, переживая в одиночку, тем самым оказывают услугу другому.

Впрочем, такой подвешенно —неопределенный период длился недолго. Уже в начале лета работа закончилась совсем. Как раз совпало с Сониными каникулами. Они оказались втроем в маленьком апартаменте на все двадцать четыре часа, как космонавты в полете. Андрей поначалу лучился оптимизмом: у него уже есть американский опыт – он обязательно найдет работу. Он даже заметно повеселел, последние месяцы на работе получились совсем тягостными. До следующего месяца у них за все заплачено, а уж за месяц он найдет работу. Анна не была столь оптимистична, но тоже старалась не волноваться. Тем более Андрей обнадежил ее: – Я думаю, что до заявок в колледж на осенний семестр у нас все образумится, и ты сможешь взять дневные классы.

Оставалось только ждать ответов на разосланные резюме. Выезжать далеко они не могли: колеса стертые и денег на бензин жалко – Анна с Соней опять ходили каждый день на детскую площадку, как и год назад. Только теперь Соня уже не избегала других детей, свободно и легко вступала в разговоры, да и Анна чувствовала себя более уверенно среди мамаш, тем более, что публика собиралась пестрая, много азиатов и латино – город он и есть город. Она сидела и читала американские журналы, заставляя себя концентрироваться на полупонятных строках. Но это было лучше, чем думать о нерадостном их житии.

Прошла неделя, потом другая, и ни одного ответа на резюме. Начался новый заколдованный круг ожидания. Андрей крепился, но радостно вздрагивал от каждого телефонного звонка, и заметным было его разочарование, даже если звонил кто-то из друзей. Анна по вечерам, уложив Соню спать, закрывалась в ванной – якобы принимала ванну – включала воду и плакала. Неизвестно, замечал ли Андрей заплаканные глаза жены, но вида не показывал, ему необходимо было оставаться оптимистичным, несмотря ни на что.

Единственное, что скрашивало их невеселую жизнь – это общение с Толей и Светой. Они жили недалеко друг от друга и нередко проводили вместе вечера. После новогоднего застолья Лиза звонила все реже, особенно когда убедилась, что Анна и Света продолжают знакомство. Впрочем, Ларинцевы жили теперь совсем не близко, у Лизы была новая интересная работа, Олег подрос и ходил в среднюю школу, у них всех появились новые знакомые, и их отдаление получилось естественным. Лиза отговаривалась от встреч занятостью, но обе понимала, что главная причина кроется в Свете. Мало того, что Лизе совсем не приглянулась Света, ее задело, что Анна так быстро сошлась с новой знакомой и отодвинула Лизу на второй план – своего рода ревность и обида. Анна понимала, на что намекает Лиза, но ей нечем было крыть: у нее не было первого и второго места для подруг – есть Лиза и есть Света, такие непохожие, и с обеими ей приятно пообщаться, но тема «верной задушевной подруги» осталась далеко в наивном детстве.

А Света действительно нравилась Анне, нравились их отношения с Толей, нравилась ее дочка Юля. Получался идеальный комплект хороших знакомых. Толя всегда был симпатичен Анне, больше чем шумный Борис. Даже Андрей как-то обмолвился, что ему из двух друзей все-таки ближе Толя – молчаливый, вдумчивый, и в то же время с хорошим чувством юмора. Только в последний год, тут в Америке он стал превращаться в мрачного и тяжелого. Получалось, что Света невольно спасла его, вернула в прежний облик, и хотя бы за это можно было принять ее в свой круг. (Почему Лиза так уперлась в своей нелюбви – непонятно...) Но главным козырем в их дружбе семьями оказалась Юля: девочки подружились с первой минуты и теперь, впервые в их короткой жизни, у каждой появилась настоящая подруга.

Тоненькая, с темными живыми глазами, со смуглой кожей – Юля совсем не походила на маму. Так же не похожа она оказалась и по характеру: непоседливая, резкая в движениях, быстрая на язык; она на правах старшей сразу стала ведущей в дружбе девочек. Сонечка с удовольствием подчинялась ей и была в восторге от Юлиных бесконечных новых задумок. Но, в то же время, когда что-то было не по ней, Соня проявляла свой характер и, как ни странно, первой уступала старшая Юля. Сами не подозревая, они в своей детской, более искренней версии забавно имитировали отношения взрослых, – Анна со Светой не раз, случалось, перемигивались и с улыбкой наблюдали за детьми.

Именно Света нашла для Анны работу – точнее сказать – приработок.

У Светы получилась довольно сложная судьба тут, в Америке (впрочем, у кого легкая...). Она на самом деле приехала по еврейской линии с семьей мужа. Случилось это несколько лет назад, когда путешествие в Америку длилось долго – нужно было жить в Европе месяцами и ждать своей участи. Потом они всем большим семейством поселились в Нью-Йорке, в знаменитом Бруклине. На первых порах об отдельном жилье для всех не могло быть и речи – слишком дорого. И вот они втроем, родители мужа, дед с бабкой и незамужняя сестра мужа оказались в одной квартире. И так, включая Рим, почти три года. Света, женщина самостоятельная и уверенная в себе, вдруг очутилась в среде чужих отношений, о которых, живя отдельно своей семьей в другом городе, она не могла вообразить. Как скоро выяснилось, бабка не любит зятя, сестра не сходится ни с кем, кроме отца, бабка считает, что ее внук – то есть муж Светы выбрал гойку в жены назло им всем, и так бесконечно. Получился настоящий ад на благословенной

новой земле. Бабка заводила всех, но и без нее все вдруг потеряли свою интеллигентность, стали большой сварливой и злобной семьей. Бесспорно, им всем приходилось нелегко: работы не было, язык плохой, каждый привык жить своей семьей, своим укладом. Больше всех доставалось зятю и Свете, как пришлым в семью. Но самое печальное во всей истории, что муж Светы, с которым они прожили в согласии несколько лет, вдруг стал принимать сторону вздорной бабки и матери: что они там пели ему, непонятно, но вместо «потерпи, Света, всем сейчас непросто» он начал раздражаться и уже обвинял жену в провокации раздоров.

Там было много подробностей в рассказе Светы, действительно мерзких и несправедливых, даже в нейтральном изложении фактов. И главное: когда они с мужем уже могли позволить себе переселиться в отдельную квартиру, он вдруг решил повременить, то ли так прикипел к своим, то ли испугался лишних расходов. После чего Света, под злорадные взгляды победившей бабки, собрала Юлю и переехала в Калифорнию. Самое обидное, что муж – уже бывший, почти не возражал. Сейчас пишет Юле письма, звонит ей иногда, присылает им немного денег в помощь, но ни разу еще не приехал повидаться с дочерью; что поделаешь, опять расходы – билет и отель стоят недешево, особенно при его проснувшейся скупости. А теперь и подавно не приедет, знает, что Света уже не одна.

В Калифорнии они поселились у подруги Светы по Киеву, деля расходы за жилье. Подруга была портнихой и работала в салоне свадебных платьев. Но, какое-то время назад она подрабатывала у одного соотечественника в его ателье по подгонке одежды. Дела у того всегда шли хорошо: его мастерская находилась в очень фешенебельном районе, где вокруг много дорогих магазинов; соответственно, аренда помещения в таком месте стоила больших денег, потому он держал только двух постоянных работниц; которые не в состоянии осилить все заказы, и ему нужны были те, кто работал бы на дому. Подруга предложила, что если Анна умеет шить, поработать на Гарика. Анна сначала начала отказываться – ну какая из нее портниха, но Света уговорила – там ничего сложного: юбку подшить, рукава укоротить. Главное, что подруга отдавала ей швейную машинку за двадцать долларов, которую сама купила на гаражной барахолке. Анна посоветовалась с Андреем, тот не возражал, и она поехала знакомиться с Гариком.

Мастерская Гарика находилась действительно там, где надо: прямо напротив шикарного торгового центра с дорогими магазинами. Анна примерно знала, какие там сумасшедшие цены, тем более было странно, что люди, отвалив за покупку бешеные по ее понятиям деньги, еще шли к Гарикю в мастерскую, чтобы заплатить дополнительные деньги за переделку. «Нам богатых не понять», но бизнес у Гарика процветал, и он нанимал себе все новых надомниц.

Анна поднялась на третий этаж старого дома, нашла вывеску на двери: Garik Alteration и очутилась в небольшой комнате с прилавком. Гариком оказался пожилой грузный еврей, как потом выяснилось из той, предыдущей волны эмиграции. Он уже совершенно адаптировался в Америке, и хотя говорил с сильным русским акцентом, совершенно по этому поводу не комплексовал, даже наоборот, считал, что для его профессии это дополнительный шарм.

Анна привезла с собой сшитое ей еще в России платье, так и не востребованное здесь. Гарик внимательно рассмотрел все швы, все вытачки и складки, остался доволен аккуратно выполненной работой и тут же предложил ей попробоваться. Провел в закуток, где работали две маленькие китайки, посадил Анну в уголок, рядом со швейной машинкой и сунул ей в руки мужские брюки с меловыми пометками внизу; объяснил, что по пометкам их нужно укоротить и добавил со смешком: – Смотри, не запори, а то денег не хватит расплатиться. Позови, когда будешь резать. И вернулся опять за свой прилавок.

Китайки работали молча, они сновали от швейных машинок к гладильной доске, совершенно, как роботы, и на Анну совершенно не обращали внимания. Анна уняла дрожь в руках

и приступила к работе. Гарик появлялся несколько раз, заглядывал через плечо, давал советы, и в результате оказался доволен работой. В конце правда, заявил, что работает она очень медленно, добавил, что его работницы – кивнул в сторону китаянок – делают в три раза быстрее, но он будет платить за вещь, а не за время. А дальше ее заботы, как быстро она сделает заказ. И назвал ей расценки: семь долларов за подшив юбки и платья, восемь – за брюки, девять – за рукава пиджаков и так далее, включая ее машинку, ее время и оплату транспорта. Получалось не густо, но Гарика не смущала такая обдираловка – не хочешь, не берись. Анна согласилась, она так устала сидеть без дела. Гарик повесил на вешалку две юбки и одни брюки, засунул их в одежный пакет, застегнул молнию и протянул Анне. Сказал, что заказчик должен прийти через три дня, к тому времени она должна вернуть сделанное и забрать другое. Три вещи — это только поначалу, потом она может брать столько, сколько в состоянии будет делать. И тут уже, закончив с делами, пустился в расспросы, но больше рассказывал о себе: как тяжело им пришлось в начале – это сейчас приезжают и сразу садятся на велфер, и разгуливают парочками по улицам, как туристы, а им пришлось с первого дня зарабатывать себе на кусок хлеба, вспоминать страшно. Гарик оказался, как потом убедилась Анна, ушлый и жмотный, но работал он действительно на совесть: качественно и по десять часов в день – у его мастерской была хорошая репутация. Впоследствии Анне приходилось встречаться с людьми той семидесятых годов эмиграции, и она сама убедилась, что те люди отличаются от вновь приехавших своим более ответственным отношением к жизни, к работе и к стране, давшей им приют. За два последних десятка лет весь бывший Советский Союз сумел заметно развратиться.

Начались корпения за швейной машинкой. Может, если бы Анна не знала, сколько стоит простенькая юбочка, то она бы так долго не сидела над ней, но ценник висел тут же, и от одного взгляда на него становилось страшно – не дай Бог, испортишь. Поэтому для нее процесс подшивания подола становился настоящей мукой: она следила за каждым стежком, часто переделывала, добивалась идеального, и все равно была недовольна результатом. А главное – тратила на бесполезную работу кучу времени. И когда везла сдавать заказ Гарику, всегда волновалась – а вдруг она сделала не так, как надо. Но Гарик, похоже, даже не подозревал о ее переживаниях, – быстро сверял длину по своим записям, мельком смотрел на швы – и все, отправлял на крутящуюся вешалку. Работа сделана – получай чек за работу и бери новый заказ. В результате она получала свои маленькие деньги и очередную порцию волнений.

Но уже не плакала по вечерам в ванной, тревоги о непонятном будущем отошли на второй план.

Андрей все сидел в ожидании работы – никто по-прежнему не звонил. К концу месяца, когда пришло время платить за квартиру, пришлось занять три сотни у Толи со Светой, опять с открытым сроком отдачи. Было неловко перед ними, те сами жили небогато. Они совсем недавно съехались, сняли квартиру, и почти все сбережения с двух сторон ушли на первоначальные взносы и на необходимую мебель. Толе повезло в свое время с работой: его наняли в архитектурную фирму чертежником, но совсем скоро все компании стали переходить на компьютеры, и их прямо в компании обучили чертежной компьютерной программе. Света работала в какой-то мелкой юридической фирме, помогала юристу с ведением документации. Сам юрист, поляк по национальности, занимался вопросами эмиграции, что потом пригодилось Анне и Андрею. Отношения у Светы с юристом были хорошие, она ответственно относилась к своему делу, но работа с бумагами ей была не по душе, да и платил дружелюбный юрист довольно мало. Как-то в разговоре выяснилось, что Света по профессии химик, причем тоже с каким-то специфическим уклоном, так что работы по специальности ей, как и Анне, не ожидалось. Узнав о ее профессии, Анна удивилась – меньше всего Света напоминала химика: такая шукшинская русская женщина, с круглым лицом, русыми волосами, забранными назад,

ясными глазами, ширококостная, с высокой грудью, с округлыми плечами. На ее фоне сухощавый Толя выглядел мелковатым.

Скоро Андрею опять пришлось идти на поклон к Борису: нет ли у них в компании какой-нибудь работы, благо, он теперь может работать легально. Работа нашлась, было лето – в это время заказов всегда больше, и опять Андрей уезжал на весь день, забирал машину, возвращался домой поздно, уставший, пропахший потом – и все это за те же шесть долларов в час. Она ездила к Гарику теперь на троллейбусе, приходилось оставлять Соню на пару часов одну, – Анна не задумываясь о возможных последствиях, хотя знала, что сознательно нарушает закон. На детскую площадку они уже не ходили, и Соня играла в основном на балконе.

Хорошо еще, что Соня не замечала тяжких перемен. На шоколадный батончик и на мороженое денег им всегда хватало, а всем остальным Соня не интересовалась. Игрушек было много, много красивых маечек, лето, каникулы, телевизор по утрам, – а главное, любимая подруга Юля.

Потихоньку становилось очевидным, что они забрались в очередной тупик. Денег Андрея и Анны едва хватило, чтобы расплатиться за очередной месяц проживания, но телефон по-прежнему молчал – ни Андрею, ни Анне никто не звонил с предложениями о работе. И, тут как тут, старые знакомые – как не забивай себя делами и уговорами о временных неприятностях – привычная тоска в сердце и тошнотворный страх за неопределенное будущее. Ох, не торопится новая страна принимать их в свои ряды.

...Опять их судьбу решил случай – на этот раз из разряда неприятных. В один из очередных визитов к Гарику со сделанной работой, Анна застала его в дурном настроении. Он пропустил ее «здравствуйте» мимо ушей и с места в карьер обрушился на нее потоком обвинений. Оказывается, в прошлый раз она забрала слишком много в шов, кагда ушивала пройму в пиджаке. Гарику пришлось самому переделывать и, хорошо еще, что она не срезала шов и ему удалось исправить. Но пиджак оказался очень дорогой и Гарик «поимел» много неприятных минут от заказчика.

Анна оторопела от неожиданности, не узнавая вальяжного, всегда немножко хамски-добродушного Гарика, весь внешний лоск – под заказчика – слетел с него, как ненужный. Жаль, что Гарик не видел себя со стороны, зрелище получилось преотвратное: злобно выпучив глаза, он быстро размахивал короткими толстыми руками и брызгал слюной от возмущения. Вылив на бедную Анну весь запас накопившейся злобы, резко успокоился, обмяк, даже немножко сконфузился от несоразмеримой греху вспышки, и уже миролюбиво сказал: – Так то, голубушка, тяжело нам приходится, – а потом добавил деловито, – значит так, за испорченный рукав я у тебя вычитаю пятьдесят баксов – мой час стоит подороже твоего. А теперь показывай свою работу. И стал тщательно изучать и замерять сделанный Анной заказ, при этом молчал и тяжело сопел – похоже, у него были проблемы с давлением. Анна тоже молчала, ошарашенная его поведением. Гарик потянулся за чековой книжкой, выписал ей двадцать долларов, протянул, не глядя ей в глаза, и повернулся к вешалке за следующей порцией подготовленной для Анны работы. Анна взяла чек, положила в карман, хотя ей до дрожи в руках хотелось скомкать его и бросить в жирного Гарика, и ровным голосом произнесла: – Я сегодня не возьму заказ – у меня накопилось много дел по дому, приеду через пару дней, когда разгребу, – и повернулась к двери, больше не в состоянии смотреть на его повеселевшую физиономию. Гарик совсем миролюбиво прокричал вслед: – Конечно, отдохни немножко, я разве против. Только не пропадай...

Анна ехала в троллейбусе, с трудом сдерживая слезы и знала, что она уже никогда не вернется в мастерскую. Злобный отвратительный крик взбесившегося Гарика, его выпученные в ненависти глаза, его незаслуженные по тяжести обвинения, и вдобавок – унижительный чек

за много часов кропотливой работы – теперь даже в условиях голодной смерти она не согласилась бы снова увидеть его самодовольную рожу.

В тот вечер Анна, уже справившись с обидой, рассказала Андрею о случившемся. Андрей посочувствовал ей, но как-то вяло. Но, видя, что Анна немножко удивлена его реакцией, пояснил: – Я давно знал, что такое – твой Гарик. Потому и не удивлен. Ты ведь знаешь, у Бориса тоже все русские, вернее, бывшие советские в компании. И я уже порядком насмотрелся на подобные вспышки у главного. Ко всем без разбора, особенно к таким бесправным, как я. Перед американцами лебезят, а своего можно за чепуху втоптать в грязь – ни за что, просто по плохому настроению. Выльет ушат грязи, а потом «андрюха», «серега» – как ни в чем ни бывало. И еще считают, что в американских компания все напряженные и друг друга не любят, а у нас, мол, душевные дружеские отношения... Не расстраивайся, я давно хотел, чтобы ты бросила свое шитье: ну какая из тебя портниха – сидишь все дни за работой, переживаешь, да, вдобавок, любезный Гарик способен тебя так унижить. «Пусть пироги печет пирожник, а сапоги чинит сапожник». Анна невесело продолжила: «А мы, гордые, будем ждать у моря погоды...».

Андрей пропустил мимо ушей ее ремарку, он сегодня был в необычно приподнятом настроении, взгляд его был одновременно рассеянный и светящийся. Анна помнила, что таким муж бывает, когда его вдохновляет какая-то новая идея. В такие минуты он не обращает внимания на невзгоды и на текущие проблемы, он как бы начинает жить в одном из известных замыслов. И единственное, что его волнует – как донести до Анны суть задуманного и заручиться ее одобрением, чтобы она не испугалась и доверилась бы ему. Именно так зарождались все их, на первый взгляд авантюрные проекты. Андрей знал: он может в своих фантазиях залететь слишком высоко, поэтому ему был нужен более трезвый, более практичный фильтр Аниной поддержки.

Анна всегда немножко боялась его сумасшедших задумок, и, как правило, первой ее реакцией было: «нет, нет, это невозможно...», но потом, отпустив испуг, она могла выхватить разумные зерна и, отбросив от идеи совершенно нереальное, уже сама загоралась новым проектом. Наверное, такой совместный симбиоз подхода к будущему был той необходимой цементирующей добавкой в их отношениях, что укрепляло их брак, несмотря на неизбежные для всех супружеских пар размолвки.

Андрей начал издали, он по-прежнему боялся спугнуть Анну своей очередной безумной идеей.

– Ты только, пожалуйста, не пугайся. Дай мне договорить, хорошо?.. Так вот: я уже понял, что работу мне не найти, – он увидел, как жена испуганно сжалась, как от удара, но продолжал так же жестко, – дело в том, что архитектура вся переходит на компьютеры, им уже не нужны такие как я – умельцы рисунка. Теперь вся моя работа делается в специальных программах. Он перевел дух: – Я уже давно это стал понимать, но все надеялся – а вдруг – не все так печально, но, никуда не денешься, так и есть... Ребята из архитектуры тоже подсказали. Единственный для меня выход – покупать компьютер, покупать программы, учебники и садиться изучать. Один знакомый Толи, они работали вместе – Женя, ты его не знаешь, согласился показать мне азы с компьютером. Кстати, у этого Жени свой маленький бизнес, и он продает ворованные программы подешевке...

Анне совершенно не интересно было слушать про незнакомого ей Женю и его успехи на почве ворованных программ. Она пыталась переварить информацию о том, что работы, а следовательно и денег в ближайшем будущем не предвидится. Как это все несправедливо. Да, про компьютеры везде и всюду она тоже знала, но никак не думала, что это касается Андрея. Она была уверена, что его способность мастерски, быстро и уверенно делать наброски и в считанные минуты превращать их в законченные рисунки не идет в сравнение с мертвой машиной. И такое мастерство никому уже не нужно?

Андрей заметил, что не смог зацепить жену, что она ушла мыслями в свои невеселые думы. Да, день для нее выдался скверный. Тем более ему надо было, чтобы она услышала его замысел, чтобы поверила в его реальность и необходимость. Он протянул руку и положил на запястье жены: – Анечка (так он называл ее в очень редких, особых случаях, и сейчас был тоже особый случай – ему нужно было вытащить ее из мрачных дум, чтобы она встряхнулась и начала бы более оптимистично думать о будущем), послушай меня, все у нас будет хорошо, я тебе обещаю. Пожалуйста, поверь мне и не грусти.

У Анны от ласкового «Анечка», от всего бесконечного тягуче-тяжкого дня навернулись на глаза слезы и неожиданно крупными каплями скатились по щекам и упали прямо на руку Андрея. Андрей сам чуть не расплакался, он обнял жену, прижал к себе и стал утешать ее, как маленькую: – Ну, Анна, ну ты что... все же хорошо, мы вместе, и совсем скоро все наладится и с работой, и с деньгами... ты же сама знаешь, что это временно... все пройдет, потом самой смешно будет, что так расстраивалась...

Но Анна уже справилась с минутной слабостью – как будто в тех нескольких крупных слезинках вылилась вся обида и горечь сегодняшнего дня. Через минуту она уже смущенно улыбалась и, действительно, готова была слушать новый прожект мужа. Она утерла оставшуюся на щеке слезу со смущенной улыбкой (Боже, сколько она плачет в последнее время – так нельзя) и заговорила уже спокойно и по делу – оказывается, несмотря на шок от печального известия, что ничего хорошего им пока не светит, она уловила весь смысл плана мужа: «Да, да, купить компьютер, программы, все правильно – но где взять денег на все дорогостоящие покупки, если у них нет денег на самое насущное, и на что они будут жить, пока Андрей начнет учиться, а потом еще искать работу. Это все правильно, звучит хорошо, но нереально. Все равно, что мечтать, как они могут потратить выигранный в лотерею миллион».

Андрей заметно обрадовался, что Анна успокоилась и теперь готова его слушать. Он уже знал, что Анна теперь будет стараться внимательно вникать во все детали плана, и по ходу речи параллельно начнет анализировать сказанное, соглашаясь с одним и отвергая совсем нереальное.

Он сразу перешел к основному: – Нам нужно продать квартиру. Согласись – она нам не нужна. У матери есть своя, Оле она тоже ни к чему. Пока с ней одни только хлопоты... Сама знаешь, какое там мошенничество в связи с приватизацией, я тебе не говорил, но мама переживает, что найдутся желающие на нашу бесхозную квартиру. Все соседи знают, что в ней никто не живет, за взятку быстренько переоформят на другого. Жильцов селить она не будет, а так – стоит пустая, мать только платит за нее... Я надеялся, что будем ей немного помогать, а вышло наоборот – повесили на нее дополнительные траты.

У Анны при словах «продать квартиру» екнуло в сердце. Да, она понимала, что их квартира в Коломне – лишняя головная боль для всех, а особенно для Нины Андреевны. Сомнений не было – они уже не вернутся в Россию, их жизнь здесь, даже такая путаная и тревожная, но это их настоящая жизнь. Но продажа квартиры означало полный отказ от России, уже не будет где-то в уголке застрявшей спасительной мысли: не получится – всегда не поздно вернуться. Останется только – мы живем и выживаем здесь, в Америке, что бы не случилось. Точка.

Весь этот поток мыслей пронесся у нее в голове, и вслед за ним – как оформившийся вердикт: «Нельзя сидеть на двух стульях, надо решаться». И она без сожаления в голосе, уверенно сказала: – Да, квартиру надо продавать, она нам больше не нужна. И тут же переключилась на практическую сторону: – Но, даже если все удачно сложится, уйдет месяц – другой, пока найдется покупатель, потом пару месяцев, в лучшем случае, пока ты будешь изучать программы, а дальше – неизвестно, как скоро найдется работа... Значит, где-то полгода нам нужно будет как-то жить: платить за квартиру, по счетам. Звучит заманчиво, но нереально.

Андрей вздохнул облегченно, в основном он получил добро от жены. Он тут же стал приводить доводы в поддержку реальности своих планов: – Ты права, я тут тоже прикинул, что нам нужны деньги максимум на полгода. Я все рассчитал: нам бы как-нибудь продержаться только до продажи квартиры – положим, два месяца. Тут можно что-нибудь придумать. Потом мы получим деньги за квартиру и нам хватит и на покупку компьютера и на следующие несколько месяцев, если жить экономно.

– Неэкономно жить я даже не знаю как, – грустно ответила Анна, уже свыкаясь с планами Андрея и находя в них все больше здравого смысла. Андрей почувствовал укор в словах жены, хотя Анна совершенно не собиралась его задеть. Он посмотрел на Анну слегка виновато, и слезал: «Потерпи, Анна, я знаю, что тебе тяжело, но поверь: все у нас получится, и все у нас будет лучше всех. Мы будем жить в своем доме у океана, и ты будешь вспоминать эти нелегкие дни с улыбкой».

Анна представила, как она сидит у окна в своем доме на втором этаже, а за окном – безбрежный океан – и засмеялась, – так нереальна была мечта в их ситуации. Андрей тоже улыбнулся – он понял, о чем сейчас думает Анна и был рад, что ему удалось рассмешить жену. Он сам не находил ничего смешного в своих словах – он верил, что так у них и будет.

Анна заварила чай, достала печенье, и они за чаепитием перешли к детальному обсуждению практических сторон: кто будет продавать квартиру, сколько за нее можно будет выручить денег, как деньги лучше переправить к ним и так далее. Понимание и согласие длились до тех пор, пока они не перешли к самой уязвимой части – как прожить ближайшие пару месяцев. Занять было не у кого: Толику и так должны, с Борисом и Лизой отношения в последнее время разладились. То ли совпадение, то ли тут была какая-то связь, но работы для Андрея в компании, где работал Борис, тоже больше не предвиделось.

У Андрея оказались подготовлены кое-какие прикидки на сей счет, он осторожно завел разговор о новом знакомом Жене. Опять упомянул, что тот согласен помочь Андрею с компьютером. Оказалось, что помощь не бесплатная: он берет за час довольно приличные деньги. Но это даже лучше – по крайней мере надежнее. Но главное Андрей оставил на потом. Оказывается, этот Женя дает деньги в долг под проценты. Деньги не свои. Дело в том, что в последней законной эмиграции люди прибыли совсем не самые бедные: у них денежки там, в бывшем СССР водились, да еще продали свои квартиры, дачи, машины. И живут они тут и держат свои сбережения в «чулке», им светиться никак нельзя – они все на специальных программах для бедных и в очередях на субсидированное жилье. Вот они и примкнули к тайным ростовщикам, что тут незаконно. Довольно хитро устроено: они сами якобы не при чем, дают просто займы своим знакомым, а те уже пускают деньги в оборот. Тоже вроде бы дают в долг своим знакомым. Все расчеты на cash – поймать трудно, да и деньги не те, чтобы привлечь внимание.

Анна с недоверием слушала спокойный пересказ мужа о преступной схеме тех славных с виду пожилых соотечественников, гуляющих под ручку по улицам города и кучкующихся в русских магазинах. Она чувствовала, как на смену удивлению в душе поднимается праведное возмущение: вот ведь какая неприкрытая ложь и наглость, вот они – обижаемые Советской властью бедные беженцы, сидят на деньгах и притворяются нищими. Как не противно вспоминать Гарика, но тут он оказался прав: ни стыда, ни совести, работать не хотят – подавай им все бесплатно – они якобы заслужили. А то, что деньги им не от абстрактного государства идут, а от обычных людей, кто платит налоги – их не волнует. Притворяются, что не в курсе, неграмотные. Анна тут без году неделю живет на птичьих правах, но и то разобралась в системе... Поэтому она сразу же сказала «нет», когда Андрей предложил взять денег у Жени. Муж не понял ее странного упрямства, он не ожидал, что вопрос – чьи деньги – будет так принципиально важен для Анны. Андрей поначалу спокойно уговаривал жену, стараясь разумно объяснить, что у них нет другого выхода, и то, что они возьмут деньги никак не свя-

зано с тем, что они из «чулка» соотечественников. Он вообще мог бы не рассказывать ей всю историю, сказал бы, что деньги они берут у Жени – и все. Что за блаж напала на Анну, почему она уперлась в ненужную никому шепетильность, можно подумать, что владельцы «чулков» одумаются от того, что какая-то Анна подумала о них плохо, сразу побегут декларировать свои доходы и откажутся от бесплатного лечения и квартир. Анна в свою очередь понимала, что своим упрямством вредит только им двоим, но все равно не сдавалась. То ли день выдался такой неприятный, то ли ей нужно было в тишине обдумать всю информацию, но она упорно стояла на своем, и они молчали весь остаток дня и почти врагами легли спать.

Утром Андрей, не попрощавшись, уехал заканчивать свою последнюю работу у Бориса. Анна, расстроенная размолвкой и впервые за последнее время оставшись без дела, не знала, как отвлечь себя от мыслей о вчерашнем неприятном разговоре. Вконец измучившись, решила позвонить Свете и предложить ей приводить Юлю к ним в дни, когда Света на работе. Теперь она может не только гулять с девочками, но и заниматься немножко русским языком – вдвоем им будет веселее. Света заметно обрадовалась – они водили Юлю к русской женщине, разумеется, не бесплатно, и эта женщина, проработав много лет учительницей в Москве, считала себя великим педагогом и, в результате, не могла найти подход к своенравной Юле. Анне пришлось рассказать о вчерашней истории с Гариком; она старалась не особенно вдаваться в детали, ведь это Света сосватала ей работу. Но Света даже не удивилась, оказалось, что ей и раньше приходилось слышать подобные истории от подруги, когда милый добродушный Гарик срывался на соотечественницах и китаянках – другие у него не работали, и устраивал скандалы из-за малейшей оплошности. Анна, всегда очень осторожная в доверительных разговорах, тут, от сочувствия Светы размякла: рассказала вкратце об их планах продать квартиру, и пожаловалась, что на ближайшее время у них совсем не осталось денег. И тут Света сказала, что к ее подруге – к той, портнихе, приехала из Киева мама, причем насовсем. Мама продала там свою квартиру и у нее есть деньги – они собираются вместе с дочкой покупать здесь дом. Но сначала маме нужно оформить документы на проживание. И – почему бы не попробовать попросить у нее пару тысяч на несколько месяцев. Потом Света добавила, как будто подслушав их с Андреем вчерашний спор, что нужно будет маму как-то отблагодарить, ну и, конечно, обязательно вернуть деньги в срок. «Ты сама понимаешь, что, если она согласится, то я буду твоим гарантом». То, что деньги нужно вернуть в срок – это без сомнения, но что значит «отблагодарить маму» – Анна не поняла, и побоялась спросить, чтобы своей чрезмерной любознательностью не влезть, как вчера, в ненужные подробности.

Вечером, когда Андрей приехал с работы, Анна, пытаясь сгладить вчерашнее несогласие, тут же рассказала о предложении Светы. Андрей пожал плечами, сказал, что не видит особой разницы – скорее всего там тоже дадут под проценты, но если ей такой вариант симпатичнее, то нужно брать деньги у приехавшей мамы. Ссора оказалась исчерпана, и супруги теперь спокойно принялись обсуждать продажу квартиры.

Уже на следующий день они со Светой и девочками ехали к Оксане – так, оказывается, звали подругу. Когда подъезжали к их дому, Анна услышала восторженный голос Сони: – Мама, смотри там церковь, как в Москве. И действительно, совсем недалеко, в соседнем блоке, на углу перекрестка возвышалась над всеми домами большая Русская церковь, с золотыми луковичами-куполами. Анна даже ахнула от удивления, а Света сказала: – Да это же главная русская церковь на всем побережье, ты что, не знала? И добавила потеплевшим голосом: – А мы тут рядом прожили целый год, и я частенько туда заходила одна и с Юлей. Сейчас далековато, но на большие праздники я все равно заезжаю. Можешь присоединиться, если есть желание. Тут опять встряла Соня: – Мама, давай присоединиться, у нас есть желание. Видимо, у нее вид церкви связался с собирательной памятью о Москве и Коломне. Анна и сама почув-

ствовала укол грусти в сердце – может, это и есть ностальгия? Да нет, скорее всего просто светлая память о хорошем...

Анна пообещала Соне, что они обязательно съездят в церковь вместе со Светой и Юлей. Девочки обрадовались и на радостях принялись дурачиться и изображать поповское служение, пришлось их даже одергивать.

Гусяком поднялись на третий этаж, зашли в дверь напротив лестницы и очутились в маленькой прихожей. Навстречу им выбежали два мальчика, очень похожих друг на друга. Света подняла их на руки и поцеловала каждого, а потом уже Юля по хозяйски схватила их в охапку, и они, визжа от радости, повисли на ней, так, что тоненькая Юля не удержалась на ногах, и они все трое свалились на пол. Соня смотрела немножко осуждающе, похоже, она ревновала подругу. Но Юля быстро высвободилась от малышей, для нее это было скорее представление напоказ, чтобы все увидели, какая она тут своя в этом доме.

Им навстречу поднялась средних лет женщина. С первого взгляда бросалось в глаза ее недавность в этой стране и даже еще что-то забытое и саднящее: она была того стандартного российского покроя – невысокая, с короткой шеей, с большим низким бюстом, сливающимся в талии с животом, вся крепко сбитая, как пенек, с круглой головой в светлых кудряшках. Она тут же радостно запричитала – так и должна была повести по всем правилам типажная тетушка – та, из памяти о глубинной России. Вернее, в данном случае – из глубинной Украины – с мягким «гх», что для Анны звучало непривычно, почти пародийно. Звали ее тетей Машей – как же еще? Анна представилась, и тетя Маша тут же по-родственному переименовала ее в Аннушку, для каждого у нее оказался припасен вариант уменьшительного имени. Она так откровенно и бесхитростно радовалась приходу гостей, что несколько раз повторила, как она рада видеть их всех и особенно Светочку: «ведь они такие были с Оксаночкой подружки в школе, и вот, сейчас, тоже не бросили друг дружку в беде».

Света раньше не рассказывала об Оксане, так – переехала из Нью-Йорка, жила у подруги – и все. Оказалось, из слов тети Маши, что Оксана и ее муж выиграли green card и вместе с мальчиками погодками, (младший был еще «гхрудной») приехали в Калифорнию. Но, совсем скоро муж Оксаны загрустил, запил и решил, что лучше его Киева ничего нет и вернулся на родину. Оксана осталась совсем одна – еще одна трагедия – но тут ее выручила Светочка, она в это время совсем решила уйти из «той семейки». Оксаночка предложила им с Юлей поселиться у нее – вместе растить детей и помогать «другх дружке» становиться на ноги... Светочку Бог не оставил – встретила хорошего человека. А она сама совсем извелась там, в Украине, без дочки и внуков, решила – все продала и приехала, чтобы жить с дочкой, смотреть за «бандитами»... Неизвестно, хотелось ли Свете таких подробных рассказов о своей жизни, но тетя Маша не умолкала (наверное, соскучилась по общению), и стала выкладывать Анне всю информацию о их жизни в Киеве, о своем уже бывшем зяте, о Свете и ее муже – тоже уже бывшем. Время от времени она прерывала свой рассказ и начинала причитать: «Ну, надо же как все случилось, ладно наш Сергей всегда был непутевый, все с друзьями „соображал“, но Паша какой был положительный, все о Светочке заботился, все в дом нес, и сам такой серьезный, образованный... Ну, что с них возьмешь – нация ведь такая...»

На обратном пути Анна не выдержала и сказала: – Да, что-то у вас действительно антисемитизмом пахнет. Света рассмеялась: – Ты, что – о тете Маше – антисемитизм? Да ты просто не жила на Украине, там у всех тетя Маша на генетическом уровне нелюбовь к абстрактным жидам и москалям. Но в жизни они вполне дружелюбно сосуществуют с теми и другими. Она и моего эксмужа и его родителей уважала, и к тебе хорошо отнеслась, хоть ты и москвичка.

– Так почему она сказала о твоём бывшем – нация такая?

– Потому что он меня, по ее соображению, обидел. Тут и связалось с нацией. У нее все проще, чем ты думаешь: дочка и ее подруга – хорошие, те чужие – плохие, а там уже за опреде-

лением, почему плохие – далеко не копают – все подойдет. Мы с Оксаной в одном доме жили, в школе вместе учились, потом она пошла учиться на портниху, я – в институт, пути разошлись, но все равно по-соседски общались. Из Оксаны получилась хорошая портниха, к ней многие киевские модницы несли заказы, ну, и мне она иногда шила. Даже свадебное платье. Потом открыла свое ателье по пошиву, получала хорошие деньги. Но, бес попутал: заправила, как многие документы на green card – и из многих тысяч вдруг выиграла. Там у них целая трагедия случилась – муж ее совсем не хотел ехать, его и там все устраивало: машину недавно купили, он все свободное время в гараже, там же и «соображает» с друзьями. Но Оксана как-то его уговорила, приехали – а тут никому не нужны: ни работы, ни дружков, ни языка. Оксана на Гарика стала шить, Сергей немножко таксистом поработал, но душа не лежит, тут еще дети совсем маленькие без привычных нянек. Ну и уехал назад. По словам тети Маши, там у него уже и подруга появилась.

Деньги Анна получила, три тысячи на три месяца, без процентов. Скорее всего, тетя Маша даже не понимала, что значит – под проценты. Деньги у нее пока лежали без дела, а тут – Светочка попросила – разве можно отказать... Начало хорошее. Страшно, конечно, что повесили на себя такой большой долг, но, главное, не задумываться на три месяца вперед – все устроится, если зря не паниковать.

Скоро в их апартаменте появился компьютер, чудо последнего десятилетия. Не каждая семья могла позволить себе такую покупку. Долго обсуждалось, какой купить: четыре или восемь рам, Анна не понимала, что такое «рам», но была за Андрея, когда тот убедительно говорил, что лучше сразу купить мощный компьютер, ведь покупаем на долгое время (ха, ха, что такое восемь рам сейчас...). Купили мощный, более дорогой. У мифического Жени Андрей приобрел подешевке несколько ворованных программ. Появилось ощущение, что план их заработал. Но тут Андрей неожиданно объявил, что в архитектуру он больше не пойдет: если выпала такая возможность, то он будет учить художественные программы. У Анны от его категорического заявления сразу испортилось настроение. Она надеялась, что он, как Толя, выучит cad и найдет себе работу в архитектурной фирме. Андрей почувствовал разочарование и испуг жены, он понимал, что играет не по правилам и в виде уступки миролюбиво сказал, что возьмет у Жени и чертежную программу, будет параллельно учить все, говорят, что так даже лучше. Анне пришлось согласиться на такой вариант, в конце концов, что теперь считать и пересчитывать оставшиеся деньги – только дополнительная морока, лишняя сотня их не спасет. Женя бесплатно добавил к их покупке игру для дочки – они даже не обратили внимания на его щедрость, но, оказалось, что игра учит спеллингу – то, что потом для Сони было самым простым все школьные годы.

Их апартамент превратился в учебный класс. Новенький чудо-компьютер не простаивал ни минуты. В те моменты, когда отвлекался от учебы Андрей, тут же занимала место Соня, одна или вдвоем с Юлей; их обеих трудно было отклеить от экрана монитора, и часами звучала одна и та же навязшая в ушах мелодия, сопровождавшая игру, пока Андрей не выгонял их со своего учебного места.

Анне пришло несколько приглашений на работу, но ничего толкового не получилось: там, где она согласилась бы работать, она не прошла интервью, а на то, что ей предлагали, она сама не соглашалась: совсем маленькие деньги и непропорционально тяжелая работа, а главное – не для нее, типа продавца в новых русских магазинах – ну какой из нее продавец с ее застенчивостью и тактичностью?

Наступил сентябрь – Соня пошла в школу, уже на полный школьный день. Неожиданно у Анны оказалось много свободного времени. Она вдруг ощутила, как все-таки хорошо было

летом: она водила девочек гулять в парк или на детскую площадку, готовила им еду, немножко занималась с ними русским языком, вечером заходила Света и они вместе пили чай. Теперь Анна оказалась сама с собой и своими вновь нахлынувшими думами. Андрей не в счет: он или сидел за компьютером, или ездил к Жене за консультацией, или в муниципальный колледж – там нашлись бесплатные курсы для начинающих компьютерных художников. Как все бесплатное, курс был почти бесполезный, но именно там знакомились художники, и это было важной частью для будущего поиска работы. Анна уже смирилась с решением Андрея не идти в архитектуру. Чертежная программа оказалась ненужной.

В какой-то момент Анна, просматривая объявления о работе в газете, от нечего делать стала читать все колонки подряд – в ней проснулось любопытство: а какие же профессии нужны в Америке. Начала с буквы «А», дошла до архитектуры: да, в двух местах требуются чертежники, вздохнула с разочарованием, тем более, на artist ничего не оказалось. Так, прочитала несколько букв, дошла до Е и вдруг увидела объявление, что для инженерной компании, тут, в городе, срочно нужны чертежники со знанием программы cad.

«Боже мой – это же для нее, она же так хорошо чертила в институте, а сколько там им приходилось чертить, и как многие страдали от этого, а ей нравилось»... Как будто свет снизошел на Анну: как, почему ей никто не подсказал? Ведь многие знали, что она по образованию инженер, но у всех черчение значило архитектура, и она сама так думала. Не может быть – такое совпадение – у них без дела пылится это самая программа ACAD. Главное теперь, дождаться Андрея и выяснить, подходит ли она для инженерных чертежей. Андрей, конечно, тоже не знал, пришлось звонить Жене, тот не был уверен до конца, но согласился с Анной, что по логике, так и должно быть – другой, отдельной программы нет, и пообещал уточнить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.